

Русская идеология

Сергей Пыхтин

Век Революций

Судьба и путь России

«Традиция»

Москва 2011

Гений русской идеологии

С.П. Пыхтин. Век революций. Судьба и путь России. – М. : ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2011. – 400 с.

ISBN 978-5-905074-49-3

Книга «Век революций» Сергея Пыхтина, известного русского мыслителя и идеолога, посвящена драматическим событиям XX века, которые многими публицистами и историками расцениваются как катастрофы, лишаящие Россию будущего. Автор демонстрирует оптимистический подход к русской истории, убеждая читателя в том, что XX век был одновременно и трагедией, и временем русской славы, и что у России, прошедшей испытание революциями, есть великое будущее.

ISBN 978-5-905074-49-3

© С.П. Пыхтин, 2011
© ИП Бурина А.В., 2011

Послужной список чаще всего почти исчерпывает информацию об общественной миссии человека: о нем судят по должностям. О Сергее Петровиче Пыхтине этого сказать нельзя. Его работа лишь в малой степени затронута в записях в трудовой книжке, и они немного скажут о его жизни и судьбе. До 1990 года должностные позиции ничего не говорят о будущей миссии нашего безвременно ушедшего друга: сплошные проектно-сметные дела и должности — по опыту и добросовестности: руководство коллективами в десятки сотру-

дников. Все меняется после первых (как показала история — и последних) свободных выборов в Москве в 1990 году. Сергей Петрович становится председателем Совета народных депутатов полумиллионного Черемушкинского района столицы. И без малого три года трудится на этом посту, преодолевая чудовищный непрофессионализм народных избранников и злобное вредительство прежней коммунистической номенклатуры, быстро обернувшейся новой бюрократией - питательной средой для олигархии. Одновременно - депутатство в Московском Совете народных депутатов. Затем — несколько месяцев работы заведующим сектором в Высшем экономическом совете при Верховном Совете РФ. После разгрома, учиненного Ельциным для народного пред-

ставительства в 1993, - должность заместителя председателя исполкома Конгресса русских общин, в 1997-2000 гг. - консультант Счетной Палаты РФ, следующие три года — обозреватель в парламентском журнале «Российская Федерация — сегодня», в 2003-2007 гг. — помощник депутата Государственной Думы на штатной основе, последние годы жизни — директор издательства «Клиония».

Казалось бы, как и у подавляющего большинства людей, вся жизнь укладывается в полстранички текста. Но в действительности между этих скупых строк знающие Сергея Пыхтина видят совершенно иное — колоссальную по своему масштабу судьбу мыслителя, публициста, политика.

Многие из людей, счастливых видеть свои публикации в бумажных и интернет-изданиях, полагают себя идеологами русского движения. На самом деле их труд — только публицистика. Сергей Пыхтин был одним из немногих настоящих идеологов. Он выдвигал концепции, доктрины, проекты, давал новое видение общественных процессов, видел значительно дальше, чем подавляющее большинство аналитиков и политиков, отстающих от своего времени и не дающих стране развиваться сообразно своей органической сущности.

За период с 1990-го года до сегодняшних дней Сергей Петрович написал огромное количество статей, посвященных политической

теории, русскому способу производства (одна из теоретических новаций, которые он ввел в научный оборот), многим аспектам современной политики, деятельности патриотических сил и их противников. Он был соавтором Манифеста возрождения России, который длительное время оставался идеологической основой Конгресса русских общин (1993-1999). И сегодня, когда КРО восстанавливает свою деятельность, Манифест снова может быть задействован и использован как идеологическое оружие.

Через пятнадцать лет после выхода последней версии Манифеста возрождения России Сергей Петрович принял участие в создании новой идеологической доктрины, вышедшей под наименованием «Национальный манифест». Теперь, как и пятнадцать лет назад, некоторым людям кажется, что авторы этого документа «оторвались от реальности», либо занимаются какими-то фантазиями. Содержание Манифеста возрождения России теперь кажется верным и очевидным. То же самое произойдет и с «Национальным манифестом». Те, кто сейчас его не принимают или объявляют о своей неспособности даже прочитать его, через какое-то время будут говорить о правильности и очевидности его содержания. Жаль только упущенного времени, в течение которого многие проблемы России приобретают хронический характер.

Как правовед Сергей Петрович видел бо-

лезненное развитие российской правовой системы, которая взяла на вооружение совершенно неприемлемые принципы. Огромным достижением нашего друга стал проект Конституции, написанный им единолично и представленный наряду с другими проектами в 1993 году. Это был подробно разработанный документ, основанный на здравом смысле и русской традиции (отказ от федерализма, принцип единства и неделимости, переход к губернскому управлению, ликвидация «разделения властей», принцип континуитета, введение понятия «русская нация» и др.). В Конгрессе русских общин им были разработаны принципы государственной политики в отношении зарубежных соотечественников, Декларация прав соотечественников.

В дальнейшем в Госдуме мы совместно работали над масштабными проектами — законом «О мятеже», реформой уголовного права и другими проектами, которые были блокированы парламентской бюрократией.

В то время как иные публицисты годами призывали «создать русский учебник истории», Сергей Петрович в своих статьях фактически представил целостную концепцию нашей истории, которая преодолела пороки советской историографии, а также сходные с ней современные искажения и воплотилась в большой цикл материалов, опубликованных в журналах «Русский дом», «Москва» и других изданиях. Во время работы в Госдуме Сергей

Петрович совместно с историками очень серьезно работал над законом «О днях воинской славы и памятных датах», который систематизировал наследие нашей истории и устранил нелепости в датировках и формулировках. Проект был доложен с думской трибуны, но провален думским большинством, так и не вникшим в суть проблемы.

Сергей Петрович был уникальным оратором, способным поразить слушателей новым видением, яркой и точной формулировкой. Или, напротив, по-сократовски системно изложить проблему, нейтрализуя многословие и споры других выступающих. После чего от длинной конференции достаточно было оставить конспект речи Пыхтина, а остальное с легкостью забыть.

Теоретическая и идеологическая деятельность Сергея Пыхтина — вклад в будущую Великую Россию, о которой он мечтал и которую нам еще предстоит построить. Перечислим лишь некоторые идеи Сергея Петровича:

Политэкономические идеи: морфология экономических укладов: государство-вотчина, государство-предприятие, государство-корпорация; замена торговли в государстве-предприятии снабженческо-сбытовой функцией госчиновничества; формирование мировой олигархии на основе утраты денежными отношениями изначального содержания; учение о русском способе производства.

Исторические концепции: представление

о русско-японской войне как о не проигранной Россией; крестьянский характер Русской революции 1905-1935 гг. (несоциалистический, непролетарский), феодальный характер большевистской модернизации; характеристика режима большевиков как «русофобствующего интернационализма, великодержавного космополитизма и безродного патриотизма», указание на стратегические ошибки Сталина в финале войны, не позволившие в полной мере воспользоваться плодами победы; непризнание факта разрушения СССР как государства (отсутствие правовых оснований и фактического суверенитета постсоветских «обломков»), рассмотрение постсоветского пространства как обособившихся территориальных образований под управлением нелегитимных правительств.

Политические идеи: сходство коммунизма и либерализма в отношении к государству: те и другие «рассматривают государство в качестве обособленного придатка общества, одни — в виде некой временной надстройки, которая выполняет функцию орудия насилия, другие в облике ночного сторожа, дворовой собаки при общественном хозяине»; позитивный реваншизм в деле воссоединения страны; заселение и освоение страны (демографический императив), милитаризм (новая военная организация общества), чиновник для нации — не власть, он приобретает власть только в порядке узурпации, рассмотрение современ-

ной ситуации не как смуты, а как революции, предшествующей становлению нового общественного порядка. Формула первой русской революции (1905-1935): национализм-либерализм-социализм, формула второй русской революции (с 1985 г. и до наших дней): социализм-либерализм-национализм.

Как всякий крупный мыслитель, Сергей Пыхтин не получил должного признания при жизни, а его труды еще предстоит изучать.

«Есть вопросы, — писал он, — ответы на которые приобретают форму заповедей. Никакая формальная логика или доводы рассудка не обладают рациональной убедительностью. Рассудок должен иметь своей предпосылкой предрассудок, нечто, предшествующее ему, высшей формой которого и являются заповеди, откровения.

К ним, например, относятся произнесенные Иисусом в Назорной проповеди морально-нравственные принципы человеческого существования. Духовный мир человека не поддается рациональному измерению. Он чувствуется. Его нельзя объяснить ни в категориях рационального мышления, ни математически. В его основании — вера, совесть, нравственность.

Точно так же строятся отношения человека с Отечеством, гражданина с государством, каждого ныне живущего поколения — с преданиями, традициями, обычаями, заветами предков. Защита Отечества с оружием в ру-

ках — священный долг. Его рубежи для гражданина — святыня. Они — неприкосновенны. “Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет”. Интересы Отечества превыше всего. Для русского сознания унаследовать прошлое — не уходить от предшествующих поколений, а идти по намеченному ими пути».

Я знал Сергея Петровича с 1990 года, когда мы оказались депутатами первого демократического Московского Совета, который был избран на альтернативной основе и почти без фальсификаций (чего до сего времени в Москве уже больше не повторилось). Запрос граждан на преобразование общественной жизни был достаточно ясно выражен, и мы, как и множество тогдашних общественных активистов, полагали, что демократическое движение даст нашему народу новый импульс развития. Но очень быстро оказалось, что лица, которые в глазах общественного мнения представляли это движение, на самом деле были врагами России и русского народа, лжецами и заговорщиками. Нашими оппонентами были Ельцин и его окружение, градоначальники Попов и Лужков и их группировка. Как московские депутаты мы сражались со столичным отрядом олигархии, как публицисты — с олигархией российского уровня, потом в Госдуме в 2003-2007 гг. работали плечом к плечу, вынашивая общие идеи о российской государственности и путях выхода из тупика, в котором находится страна.

В новую эпоху Сергей Пыхтин вошел сложившимся мыслителем и опытным управленцем. Тогда же он определился как русский националист, хотя в тот период (впрочем, как и сегодня), сам термин «национализм» служил обвинительным жупелом, который используют против русских патриотов разнообразные «кривозащитники» и прочий обслуживающий персонал либерально-бюрократического режима.

Сергей Петрович на личном опыте ощутил слабость советской системы и увидел собственными глазами, как власть была перехвачена новой генерацией чиновников — ранее рьяно коммунистической, а позже — не менее рьяно «демократической». Это были одни и те же порочные типы, которые ранее терзали нашу страну своими идеологическими догматами, а после быстро «перестроились». Обманом и заговором они захватили власть, потом собственность, а потом разрушили государство, перед которым должны были бы нести ответственность за свои преступления. Этим людям крайне не нравилось зарождавшееся народовластие, которое также могло привлечь к ответу воров и изменников. Поэтому Советы дожили только до 1993 года, когда они были насильственно ликвидированы в результате очередного государственного переворота.

В 1993 году во главе группы экспертов Сергей Пыхтин дал объективную оценку бюджетной деятельности московских властей и до-

казал сокрытие половины (!) доходной части бюджета мегаполиса. Это был гражданский подвиг, совершенный с реальным риском для жизни. Выявление преступления такого масштаба было одной из причин, по которой Московский Совет, так и не принявший отчет Лужкова о бюджете, был ликвидирован, а его депутаты годами подвергались негласным репрессиям.

Русская трагедия 1993 года состоит в том, что из власти были выброшены люди, получившие опыт реального управления и имевшие нравственные устои. Золотой фонд нации, попавший через систему Советов во власть, был уничтожен. Сергей Пыхтин был из категории политиков, готовых честно служить стране и народу на государственных должностях. Но ему не дали реализовать себя на этом поприще. Общество и власть готовы были возносить лишь тех, кто лгал и крал. В этих условиях государственная служба не могла быть привлекательной для честного человека. Поэтому Сергей Петрович нашел другое поприще — русскую идеологию. И мы получили огромный вклад в интеллектуальное достояние нации.

Подвижнический труд энциклопедиста и мудрого участника многих острых событий политической жизни — этим характеризуется наш друг и соратник. Его трудами многие годы существовал дайджест национально-консервативной публицистики «Золотой лев».

Сергей Петрович проделывал фантастическую работу, читая более двухсот статей в месяц, чтобы отобрать из них полезные и пригодные для публикации в издании с четко выраженной идейной позицией.

Помимо чисто интеллектуальных достоинств, Сергей Пыхтин обладал одной важной личной чертой, подчеркивающей его неординарность. В наше время трудно не озлобиться: злобой переполнена российская общественная жизнь и публицистика. Сергей Петрович был исключением. Ни в своих выступлениях, ни в своих статьях он не переходил на личности, не допускал сниженной лексики, которой так часто бравируют завсегдатаи сети Интернет. Его стиль был аристократичен и доброжелателен, но его мысли были жестко выраженной истиной, которая порой вызывала ярость у оппонентов. Другьям известен его тонкий юмор и добрая ирония, которая никогда не задевала, создавая одновременно интеллектуальное напряжение и теплоту человеческого общения.

Сергей Петрович никогда не стремился к почету и материальному достатку. В советский период все его поощрения обычны — премии, размещение на Доске почета, в постсоветский — Почетная грамота Госдумы в связи с 60-летием. За все годы трудов — крошечная квартирка со спартанской обстановкой, которую он не сменил на более просторную и в тот период, когда легко мог это

сделать, возглавляя Черемушкинский район столицы. Скромность во всем открывала ему пространства творчества, недоступные более «прагматичным» людям.

Провожая Сергея Петровича в последний путь, друзья и соратники сравнивали его жизнь с воинским служением, его образ — с образом русского офицера. Хотя он и не служил в армии, но воевал на фронтах той войны, в которой мы отстаиваем мировоззрение нации, защищаем нашу историю и культуру от наветов и извращений, разоблачаем завиральные идеи путаников и вредные идейные вирусы, распространяемые нашими врагами. Сергей Пыхтин был бойцом армии, сражающейся за национальное возрождение и воссоединение исторической России, за уничтожение олигархической системы, за снятие бюрократического пресса с нашего народа. Он ушел из жизни как солдат, который не дождался победы, но внёс в нее свой весомый вклад.

Когда наша победа состоится, и в России утвердится национальная власть, Сергей Петрович Пыхтин будет оценен на государственном уровне по достоинству. Мы, его друзья и соратники, всегда будем помнить о его вкладе в деятельность Союза возрождения России (СВР) и Конгресса русских общин (КРО), партий «Родина» и «Великая Россия». Он входит в современную русскую историю не отдельной строкой, а, может быть, целой страницей. В сравнении с ним многие важные «государ-

ственные мужи», которые мнят о какой-то своей исторической роли, выглядят ничтожествами и недостойны даже упоминания.

Русские патриоты должны помнить и чтить Сергея Петровича, изучать его труды и использовать их для того, чтобы наша страна, наконец, сбросила с себя ярмо олигархии, вновь стала великой, а русские люди — ее полновластными хозяевами.

Андрей Савельев

Из последних мыслей Сергея Пыхтина:

— Быть по-настоящему политическими соратниками можно только будучи друзьями.

— Выгодно и интересно жить в великой стране.

— Этап интеллектуального творчества в основном завершен, все темы разработаны. Теперь необходимо трудиться над тем, чтобы достижения русского интеллекта стали достоянием русского политического движения.

Ритмы русской истории

1. Духовная истина Истории

В отличие от всего остального биологического мира, существующего на земле, мира живой природы, человечество, принадлежа ему биологически, как в индивидуальной, так и в общественной форме, обладает уникальной способностью мыслить, следовательно, познавать окружающую его действительность и самое себя. Прежде чем действовать, человек поэтому создаёт в своем воображении будущее в виде идеального образа или плана. Предпосылкой для планирования будущего и самих действий, точно так же как их необходимым источником, является то, что можно назвать поиском смыслов.

Человеку точно так же как и социумам, членом которых он является, недостаточно объективных, эмпирических знаний, обеспечивающих простое, физиологическое, повседневное существование. Люди мыслят, чтобы жить, и живут, чтобы мыслить. Видоизменяя первую фразу Библии, можно сказать, что вначале была мысль, и мысль была у Бога, и мысль была Богом. Мысль не только понимает будущее, приближаясь к нему в процессе жизнедеятельности человеческих сообществ, она творит его, по мере того, как овладевает знаниями смыслов. Существовать без смысла, то есть без стремления познать абсолютные истины, можно лишь не имея разума.

Поиск смыслов человеческого бытия, поиск истины или - в религиозной лексике - поиск спасения, попытка связать сущее с высшими, интуитивными знаниями явились основным условием возникновения религии - специфического сознания, исторически первоначальной и вместе с тем фундаментальной формы организованного сознания вообще, послужившего источником других его форм, возникших в ходе дальнейшего развития.

Затем, по мере увеличения плотности сожителства людей, когда они все дальше оказывались от своего первоначального способа существования в родовых, племенных и клановых формах, когда значительно более концентрированными и организованными становились социальные организмы, объединявшие их в устойчивые общественные, а затем и политические структуры, уменьшая их зависимость от действия стихийных, враждебных и чуждых сил природы, и одновременно умножая их опыт, более углубленными и изоциренными оказывались способы познания и осмысления действительности, развивая воображение и производство идей, то есть постижение смыслов, находящихся вне и помимо человека, смыслов, открывающих возможность быть их созидающим деятелем, руководствуясь в своей жизни высшими, абсолютными знаниями, а не инстинктами, страстями или предрассудками¹.

¹ Религия есть сфера нашего сознания, в которой решены все загадки мироздания, устранены все

Осознание смыслов человеческого существования, смысла жизни, прошло несколько последовательных этапов. В первоначальном виде, когда знания накапливались в преимущественно эмпирической форме, сознание приобрело религиозную форму и, хотя оно не сводилось к осознанию фактов, постепенно накапливаемых и систематизированных, лишь по прошествии многих тысячелетий сознание поднялось на более высокий логический и интуитивный уровень.

Отношение человека к религиозной вере, как и вопрос бытия сакрального, бога или творца, какой бы смысл ни вкладывали в эти понятия различные религии, поскольку они являются либо её сущностью, либо рассматриваются богословием или теологией, не входит в предмет настоящей работы. Религия в данном случае имеет значение как одна из форм сознания, открывающая человеку смысл его существования. В данном случае не важно, как та или иная религия отвечает на вопрос о смысле жизни, главное, что ни одна другая форма сознания не в состоянии дать на него удовлетворительный ответ как в прошлый, так и в настоящий период.

Познание как специфический феномен на-
противоречия глубокой мысли, стихает вся боль чувства, она есть сфера вечной истины, вечного покоя, вечного мира; в ней все народы всегда видели свое достоинство и праздник своей жизни (Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2 т.: Т. 1. М., 1976. с. 205).

чалось с осознания чувственно воспринимаемой природы, ее явлений, тех сил, во власти которых человек находился на протяжении многих тысячелетий. Одновременно сознание воспринимало и постигало смысл существования самого человека, оно занималось самопознанием.

Накопление, систематизация и применение знаний – такой же труд, как и любой другой, он подчиняется законам своего разделения. Постепенно этот вид умственной деятельности, совпавший с возникновением первоначальных языческих культов и верований, обособился от других видов труда, став не только общественной обязанностью, но и привилегией особой социальной группы, корпорации или касты шаманов, халдеев, волхвов, авгугов, словом - жрецов. Таково было положение вещей в Древнем Египте, в Вавилоне, Индии, Китае, Японии, Палестине, Персии, в античных Греции и Риме, доколумбовой Америке, на Руси до принятия ею христианства. История религий не знает исключений.

Знание не только умножает силы, знание смыслов даёт безусловную власть. Поэтому жречество либо само было политической властью, либо, как это происходило в Греции и Риме, существовало наряду с такой властью, выполняя функцию оберегателей культов, мифов, традиций, обычаев, идеологии, культуры в целом. Такое поря́док существовал на протяжении нескольких тысяч лет, примерно до начала христианского летоисчисления.

Принципиально иной этап в развитии сознания или, другими словами, в постижении смыслов наступил в период преодоления языческих культов с их наивной, ритуальной формой религиозности, сдобренной изрядной дозой мифологии, мистицизма и оккультизма, и возникновения религий в собственном смысле слова, той ее высшей, подлинной формы, которая непосредственно сосредоточена на постижении абсолютного, божественного знания².

Сознание, постигая смыслы, открывая их для практической, в том числе интеллектуальной деятельности, не может не иметь дело с временем - продуктом воображения, подобно числам и формулам в математике, без которых, тем не менее, невозможно развитие целых отраслей науки и практических расчетов в промышленности и военном деле. Явление рождения и смерти заставляет сознание постигать смысл жизни³, превращаясь тем са-

² На востоке Евразии даосизм возник в VI-V вв., буддизм в V-III веках до Р.Х., на западе – христианство в IV веке, магометанство в VII веке от Р.Х. Все они - мировые религии. Мы исключаем из нашего перечисления иудаизм, являющийся разновидностью не мировой, а языческой религии евреев, чье возникновение относят к XIII в до Р.Х., и конфуцианство, которое, не являясь религией, представляет собой учение, возникшее в VI-II вв. до Р.Х.

³ Наиболее яркий стихотворный диалог о смысле жизни состоялся между поэтом Пушкиным и митрополитом Московским Филаретом. *Пушкин:*

мым в религиозное знание⁴. Так как земное существование человека конечно, а звёздное небо с ее светилами являют собой образ вечности, то сознание, в отличие от остальной живой природы, использует отвлечённую категорию времени, что дает возможность раскрывать тайны, присущие времени в его различных формах, используемых им в качестве универсального измерителя – *религией* для постижения абсолютных истин (смысла жизни), *философией* для постижения вечных истин (как жить), *наукой* для постижения прошлых, уже состоявшихся истин (чем жить), *идеологией* для постижения будущих истин (как быть), *политикой* для постижения настоящих истин (что делать).

Когда возникли монотеистические религии, сознание заработало в полную силу, что дало возможность, с одной стороны, специализировать его деятельность, интенционально обратившись к постижению высших истин, а с другой - постепенно специализировав и при-

Дар напрасный, дар случайный, // Жизнь, зачем ты мне дана? // Иль зачем судьбою тайной // Ты на казнь осуждена? *Филарет:* Не напрасно, не случайно // Жизнь от Бога мне дана, // Не без воли Бога тайной // И на казнь осуждена.

⁴ Трансцендентная вечность противоположна времени, не составлена им и не пребывает в нем. В ней нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, никаких промежутков времени. Она не была и не будет, но только есть раз и навсегда (Августин Аврелий).

дав дополнительный стимул в самостоятельной деятельности таким его видам, уже сложившимся к тому времени, как философское, научное, идеологическое и политическое сознание.

Восхождение религиозного сознания в различных регионах Евразии на уровень мировых религий сыграло плодотворную роль во всемирной истории. Одно из парадоксальных заблуждений обыденного знания состоит в придании периоду Средневековья характера «тёмных веков». В действительности именно в эту эпоху под воздействием мировых религий сложились существующие ныне цивилизации, охватывая пространства, пределы которых обусловлены границами их распространения. Именно тогда произошло становление самобытных способов производства, присущих этим цивилизациям и предопределившее их дальнейшие формы. Тогда же стали складываться в рамках обособленных цивилизаций социальные и политические общности, в конечном счёте создавшие великие государства и великие нации, несущие на себе и поныне основное бремя мирового развития и мировой культуры⁵. Речь идет не только о христианстве, но и о магометанстве. В кратчайшие

⁵ Народы создают государства, государства, далеко не все, создают нации, некоторым нациям удается создать великие государства, единицам выпадает счастье создать империи. Империи – локомотивы истории.

исторические сроки оно духовно переродило в единый народ полудикие племена Аравии, где зародилось, утвердив на месте языческих культов строгий монотеизм, распространившись затем от Атлантики на западе до индонезийских островов на юге. В странах ислама гораздо раньше христианских стран расцвели медицина, астрономия, математика, география, философия, теология, поэзия.

Мы опускаем описание следующих полутора тысяч лет развития сознания, чтобы открыть его на странице Возрождения. Оно ознаменовано рядом выдающихся событий, послуживших толчком в истории дальнейших трех столетий. Под ударами с Запада и Востока пала Византия – восточно-римская христианская империя. Одна из причин этой катастрофы заключалась в разделении христианства на католицизм и православие. На северо-востоке Европы обрело независимость православное Русское царство, ставшее преемником Второго Рима и непрерывно расширявшее свои пределы. Благодаря изобретениям в технике Европа совершила великие географические открытия, положившие начало мировой торговле и колонизаторской заморской экспансии. Вместе с тем европейским народам через общение с арабами стала открываться сначала культура Востока, где светские формы сознания добились выдающихся достижений, затем – исчезнувшая и забытая на несколько столетий античность с

ее литературой, скульптурой, философией и великими завоеваниями.

Из захудалой западной окраины Евразии, которой она стала после разложения и гибели античной цивилизации, Европа постепенно превратилась в самую динамично развивающуюся и обогащающуюся часть света, многократно усилив процесс познания, интерес к естествознанию, очевидные и зримые успехи которых открывали новые, невиданные еще возможности для роста интеллектуальных и производительных сил. Эти материальные возможности, создав новую политическую конфигурацию мира, потребовали ревизии существующих смыслов, преобразование мировоззрения, что привело к глубокому системному кризису сознания, выразившись, с одной стороны, в кризисе европейского религиозного сознания, и с другой, в критике другими видами сознания самой религии, в отрицании ими религиозного знания как такового. Изменения в религиозном сознании вызвали Реформацию, изменения в светском сознании - Просвещение.

Процессы религиозной реформации обычно относят лишь к Европе. В действительности она происходила и в России. Специфика состояла лишь в том, что в Европе ее осуществляли различные диссиденты, восставшие против власти папы и императора, а в России оно происходило по инициативе и под руководством патриарха и русского царя.

Как бы там ни было, христианство вышло из процесса реформирования, противоречивого самого в себе, в новом качестве. Не углубляясь в подробности, анализ которых выходит за пределы настоящей работы, следует отметить, что католицизм привнес в христианство авторитаризм, протестантизм – индивидуализм, православие – соборность. Эти качества наделили разные христианские цивилизации неповторимыми свойствами.

Религиозное сознание протестантизма, укоренившееся на севере Европы и в Северной Америке, обусловило взлет экономической инициативы, промышленно-техническую революцию, расцвет науки, литературы, искусства. Обратной стороной этого процесса оказалось разложение сознания, в итоге раздробившее эту ветвь христианства, если верить проведенным подсчетам, на десяток тысяч течений и сект. Католическое сознание, оправившись от поражений, который ему нанес протестантизм, уведший за собой более трети паствы, но сохранивший за собой юг Европы и Латинскую Америку, стал гораздо более народной религией, нежели это было прежде. Реформация православия, породив старообрядчество, тем не менее, придала динамизм религиозному сознанию, что пробудило творческие начала других видов сознания, революционизировав хозяйственную жизнь и быт, создав светскую литературу, науку, русскую культуру и современный русский язык,

предотвратив распад Российского государства и многократно увеличив его мощь, придав определенность, целостность и самостоятельность православно-русской цивилизации.

Питательной почвой Просвещения выступило естествознание, проникновение практического разума в тайны материально-физического мира, открытие относительного характера происходящих в нём процессов при абсолютности, неизменности закономерностей, которые ими управляют. Одна из ключевых логических ошибок, возникших в период Просвещения, состояла в представлении, что сущий мир делится на две противоположные части – материальный и идеальный, на материю и сознание, на природу и дух. Эта спекулятивная гипотеза дала основание, противопоставив одно другому, изобразить «основной вопрос философии» как вопрос о приоритете. Ниспровержение религии приобрело форму отрицания первичности сознания или духа, творящего природу. Отрицание духовного смысла жизни выразилось в признании вторичности сознания и первичности материи, после чего с неизбежностью последовало и отрицание абсолютных истин, добываемых религиозным сознанием. Между тем основной вопрос, который решает религия - взаимосвязь человека и абсолюта.

Неизбежным следствием отрицания абсолютных истин и признания возможными лишь истин эмпирического, практического,

материального значения, становится отрицание религии как формы сознания, как источника мировоззрения, объясняющего смысл человеческого бытия. Нетерпимое отношение к религиозному сознанию толкало Вольтера к призыву уничтожить церковь («раздавите гадину»), а воинствующе-негативное отношение к религии радикальных атеистов, например, Маркса, видело в ней то чудовище, то наркотик («опиум народа»). Вульгарный материализм потому отрицал религию, что он выводил идеи, философию, любые формы сознания, в том числе и религию, из так называемого гражданского общества как единственной основы истории, которое, в свою очередь, якобы целиком зависит от материального производства непосредственной жизни. «Формы сознания возникают или исчезают вместе с реальными общественными отношениями».

Воинствующий материализм, который в XXI веке приобрел в поступках последних своих адептов откровенно карикатурные формы, даже в момент своего краткого теоретического торжества, был переполнен явными противоречиями. С одной стороны, идеи, овладевшие массами, являются материальной силой, а с другой - революции являются движущей силой истории, религии, философии и прочей теории. Между тем одно из двух – или сознание, овладевая массами, диктует последним форму и направление движения, или бессо-

знательное движение масс порождает сознание. Обстоятельства творят людей или люди творят обстоятельства? Но когда поиск истины подменяется софистикой, когда ошибка содержится в самой постановке вопроса, неверный ответ предопределён и поражение неизбежно.

Борьба с религиозным сознанием, которую знает история, выражалась либо в угнетении церкви, в запрете религиозного образования и в упразднении религиоведения, как это происходило в России-СССР, либо в государственном атеизме, который декларировался в коммунистической Албании, либо в его изощренном умалении, что было присуще немецкому нацизму, грезившему о возврате к древним германским языческим культам, либо в извращении религии и опошлении церковной деятельности под предлогом их модернизации, провоцируя создание многочисленных псевдо-религий, что имеет место в современных Европе и в США.

Признавая особенностью человека наличие в нем способности мыслить и действовать, сообразуясь с мыслями, являющимися не только продуктом действий, но и их предпосылкой, так называемые материалисты почему-то предположили, что не сознание людей определяет их общественное, физическое бытие, а наоборот - их общественное бытие определяет их сознание. Материальное бытие, отделённое от идеального сознания - первично, а созна-

ние, отделенное от бытия, вторично. Мыслящий мозг является не самострельным творцом, а зеркалом, всего лишь отражающим действительность. Являясь коренной мировоззренческой ошибкой, этот вывод всё ещё господствует в сознании многих современных наций, несмотря на то, что она послужила причиной значительных трагедий, совершенных на протяжении последних трех столетий, обрушив на человечество неисчислимые бедствия и утраты.

Между тем, пока экспериментальными исследованиями не будет открыто научное представление о происхождении и природе вселенной, жизни и мышления, которые остаются тайной для научного сознания, что, скорее всего, останется таковой еще не одно тысячелетие, человечеству не обойтись без религии. Но если по тем или иным причинам какие-то его части попытаются отказаться от религиозного сознания, они обязательно загонят себя в нравственный тупик. Точнее говоря, эта часть человечества подвергнется деморализации. Когда нация отказывается от фундаментальных мировоззрений, создаваемых религиозным мышлением, происходит вырождение философии, идеологии, науки – и, вследствие деградации по этой причине массового, общественного или национального сознания варваризуется практика, то есть политика.

Данное утверждение, еще три столетия на-

зад выглядевшее всего лишь гипотезой, теперь, после того как теоретический атеизм или агностицизм показали, на что они способны, когда оказываются политической силой, можно считать установленным фактом. Оказались несостоятельными попытки заменить религиозные заповеди и каноны юридическими фикциями и либеральными свободами, как и попытка вытеснить религиозное сознание наукой. Если в анализе экономических отношений теоретический материализм, одна из фракций сознания, добился очевидных успехов, открыв законы движения стоимости, то в познании духовного мира, который был воспринят им в качестве побочного продукта материального производства, он потерпел не одно поражение. Выдающиеся по своим утратам и жертвам события XX столетия доказали материальную силу и первичность сознания и системообразующий фактор религии, придав этим выводам значение фундаментальных законов человечества.

Вся история сознания, которая есть ни что иное как непрерывный, не прекращающийся ни на миг процесс поиска смысла жизни, поиска истин, которыми следует руководствоваться, и закономерностей, которые неизвестны сознанию, но объективно действуют в природе, представляет собой борьбу, деятельными участниками в которой могут быть лишь немногие, потому что открытие истин требует мужества, смелости и воли. Каждая область

сознания – метафизическое пространство, на котором разыгрывается непрерывный бой, а овладение истиной – это борьба, прежде всего борьба с соблазнами и предрассудками, борьба, в которой каждый её участник – воин. Бессилие – прежде всего признак заблуждения, и лишь истина и стремление к её постижению делают человека умнее и сильнее. Жажда познать смысл жизни и борьба за истину делает человека свободным, стремление к счастью превращает его в раба.

Начавшееся во второй половине XVIII века, эпоха Просвещения прервала естественное развитие человечества, стремящегося к истине, и стало казаться, что христианские идеи начали гибнуть под ударами просветительных идей. Сначала его сознание соблазняли иллюзиями стремления к счастью, которые содержались в «Декларации независимости Соединённых штатов Америки» 1776 года. В ней провозглашалось, что все люди сотворены равными, что им принадлежат неотчуждаемые права, каковыми являются жизнь, свобода и стремление к счастью, что для их обеспечения народ вправе учреждать правительство, действующее с его согласия, которое может быть изменено или уничтожено, если власть окажется несправедливой или губительной. На почве этой декларации, в свою очередь питавшейся идеями так называемых гуманистов, принадлежащих тайным масонским обществам, в дальнейшем возникла иде-

ология либерализма. Несмотря на то, что авторы этого документа трижды ссылались на христианство, поминая Создателя, призывая в свидетели «верховного Судию мира», уповая на помощь «божественного Провидения», он был отрицанием христианства и игнорировал религиозное сознание.

Через 72 года идеи просвещения породили следующий соблазн – пролетарский коммунизм, основным программным документом которого стал «Манифест коммунистической партии», изданный в 1848 году. Объявляя от имени международной партии пролетариата войну буржуазной собственности, буржуазному обществу и эксплуатации, он тоже имел в виду стремление к счастью. Но, в отличие от равенства, жизни, свободы и справедливого народного правительства, с которого начинал свой путь по миру в поисках счастья либерализм, признаком пролетарского счастья была провозглашена будущая всемирная ассоциация индивидов, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Правда, движение к такой ассоциации предполагало период диктатуры пролетариата, класса людей, не имеющих отечества, для которого религия и мораль не более чем буржуазные предрассудки, централизацию в его руках политической власти, проведение экспроприации и конфискации, а также создание промышленных армий и некоторые другие мероприятия, пред-

назначенные для уничтожения классов. Авторы Манифеста при этом исключали какую бы то ни было полемику. Документ на этот счет был неумолим и безапелляционен: «Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения. Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, - одним словом, их сознание? Что же доказывает история идей, как не то, что духовное Производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса».

Что принесли человечеству два мечтающих о своем торжестве призрака, рожденных мятежным сознанием - либерализм и коммунизм? Не прошло и двух столетий после провозглашения либерализма, как в тех странах, где ему удалось овладеть массовым сознанием, господствующие высоты оказались в руках олигархии. Не потребовалось и ста лет пролетарского господства в странах, где сознание людей вдохновили коммунистические идеи, как власть в этих странах была присвоена классом бюрократии. Надо ли объяснять, что осталось от идей либерального счастья при господстве олигархии и до какого

уродства были доведены идеи пролетарского счастья под управлением бюрократического чиновничества.

Настало время человечеству освободиться от кровавых призраков, теоретических спекуляций, несостоятельных надежд и беспочвенных иллюзий, порожденных Просвещением, идеи которого заливают мир ложью, лицемерием, несправедливостью и кровью вот уже в течение трех веков. Становление наций и цивилизаций, произошедшее в XX веке, делает возможным вернуться из мира грез на почву реальной действительности. Человеческое содержание, воплощенное в сознании, наконец-то обретает присущую ему материальную, государственную форму. Осталось только нациям привести то и другое в движение.

2. Циклы и периоды⁶

Есть много общего в историях двух наций – русской и американской. На географических картах эта общность хорошо просматривается. Очень небольшое и захудалое Московское княжество на северо-востоке Русской равнины, вышедшее из-под опеки Золотой Орды, и

⁶ Выступление на заседании Русского интеллектуального клуба в Москве 25 апреля 2007 года, обсуждавшего тему: «США как главный противник России: заблуждения и понимание». Название дано издателем – *Ред.*

небольшие по территории и населению 13 колоний, вдоль восточного побережья Северной Америки, которые освободились из-под опеки Великобритании. В обоих случаях происходила «война за независимость». Казалось бы, их географическое положение не предполагало выдающейся политической истории. Но затем оба государства произвели мощный и неожиданный взлет. Они превратились в державы мирового уровня, тогда как ведущие государства Средневековья и Нового времени были отодвинуты в сторону, вынужденно уступая место двум гигантам.

Многие мудрые люди предвидели особый смысл в будущих отношениях между Россией и Северо-Американскими Штатами, их соперничество. Сошлюсь на такого мудреца – «по-забытого» европейского писателя Стендаля, занимавшего значительный пост в администрации Наполеона. В одной из своих работ 1817 года он сказал, что будущее человечества будет определяться противостоянием Соединенных Штатов и России. Это мысли и гипотезы интеллектуально развитых слоев европейского общества, которые после Наполеоновских войн поняли, что такое Россия и что она в перспективе может составить США конкуренцию на мировой арене. Не государства Европы и не азиатские державы, вроде «недвижно» Китая! И это понятно: все-таки слова Стендаля написаны в 1817 году!

Хочу обратить внимание, что многое в ха-

рактере отношений России и США зависело и зависит от специфических особенностей русской истории, от ее циклов. Артур Шлезингер, весьма авторитетный американский политолог, убедительно говорил о циклах американской истории. Он строил на этой основе свои доктрины, объяснявшие характер внутреннего развития США и их внешнюю политику. У нас же мало обращают внимания на циклы русской истории. А они имели важное значение для развития России и для ее иностранной политики, определяя и объясняя ее взлеты и падения, победы и поражения.

Между тем в последние 500 лет русская история как раз демонстрирует такие циклы.

Примерно 60 лет роста, накопление мощи, доминирование в мировой истории, то в Азии, то в Европе, то в мире в целом, и примерно 40 лет – кризис, сомнения, переоценка ценностей, если угодно, революция. Посмотрите на русскую историю после 1480 года, когда мы приобрели неделимый суверенитет, до наших дней. И вы эти циклы увидите вполне отчетливо.

Дважды, когда Россия вступала в период кризисов, Штаты выступали по отношению в ней в качестве агрессора, очевидного противника. Я имею в виду события, связанные с 1917 и с 1991 годами. Россия, напротив, поступала иначе. Она, наоборот, в периоды американских кризисов не вредила, а помогала Штатам. И в войне за независимость амери-

канских колоний, и в период гражданской войны 1861-1864 годов Россия предотвращала интервенцию европейских держав на территорию Америки. В ответ США были среди тех, кто помогал интервенциям в отношении России или участвовал в подрывных действиях против нее. И даже в период «великой депрессии», когда американскую промышленность поддерживали русские заказы.

Сейчас наша страна живет в условиях радикальной переоценки ценностей. Чем не революция? Отнюдь не «оранжевая» и не какая-либо еще «цветная» – настоящая! Она радикально пересматривает, переделывает всю страну: экономический уклад, общественный строй, политическую систему. Она не оставляет от них камня на камне. Она сокрушает и, вместе с тем, строит. Одни опять видят в происходящем «окаянные дни», другие слышат вдохновляющую «музыку революции».

Нечто подобное, только в гораздо более ясных формах, в России происходило 100 лет тому назад. В начале XX века мы тоже переживали серьезную, системную революцию. Она оценивается в политике, в политологии, в истории по-разному, но объективно с Россией происходила революция и просматривались те же закономерности, что и сегодня. Мы видим 40-летний цикл переоценки ценностей, перестройки государства. Между прочим, каждый раз в результате таких событий мы становились все мощнее. Как ни странно,

как ни парадоксально. И совершенно неожиданно для многих в мире, в том числе и для американцев.

Русские революции всегда были революциями роста, несмотря на очень большие издержки и риски, которыми чреваты любые системные кризисы. Но они всегда были для нас предпосылкой роста. Точно так же, как после катастрофы 1917 года. От промышленного потенциала России тогда осталось 2-3%. Но уже через 20 лет страна стала второй державой на планете после США, а в чем-то и первой. Что бы там ни говорили, это был результат продуктивной революции начала XX века. Сделать продуктивными результаты нашей теперешней переоценки ценностей, текущего кризиса, при всех его издержках, - это актуальная задача современных поколений русских людей.

Циклы русской истории можно видеть не только в процессах, протекавших в XX столетии. Их можно зафиксировать и в XIX, и в XVIII, и в XVII веках. И каждый раз России, ее росту и развитию кто-нибудь обязательно противостоял извне. Государства-противники менялись, но постоянно мы находились с ними в состоянии войны, часто вооруженной, но всегда - экономической и идеологической.

История доказывает, что война - норма политических отношений между государствами, мир между ними - исключение. В течение последних 70 или 80 лет нас обучали совершен-

но иному, внедряя в сознание представление, что естественное состояние между народами - мир. Такая концепция была очень опасным заблуждением. Она обезоруживала русское национальное сознание, делала его безвольным и бессильным. Когда Россия не была заражена пацифизмом, она не боялась войн. Русские никогда не страшились войн, хотя и не совершали актов агрессии. Потому что были убеждены, что надо бояться не военных конфликтов, а военных поражений.

Очень важный момент для понимания русской истории: революция вначале всегда ослабляет страну. Результат 40 лет смуты - всегда слабость и бессилие. Прежде всего, играет роль кризис в мировоззрении, обострение социальных и политических противоречий. Современный период как раз этим и характерен. Вот только хотелось бы, чтобы он не растягивался до бесконечности. 40 лет в настоящее время - непростительно много. Наоборот, надо стараться сжимать период слабости. Ибо риски перехода из одного качества в другое чреваты поражением, а то и гибелью страны.

Мы же не должны забывать, что было 100 лет назад: вооруженные силы 14 государств, пользуясь нашей слабостью и гражданской войной, вступали тогда в русские пределы, пытались играть свою игру в мировых делах. Но уже в 20-м году русская армия наступала на Польшу, имея конечной целью Берлин.

В Средней Азии была взята Бухара, которая до этого она никогда не была частью России. Поэтому, когда вспоминают большевиков, их разлагающую, подрывную деятельность, стоит также помнить, что их политика в течение трех лет после 1917 года восстановила нарушенную территориальную целостность империи. Да, их ораторы и публицисты декламировали тезисы об интернационализме, о праве нации на самоопределение и другую ерунду. Но практически они решали совершенно другую задачу. Они из войны вышли государственно мыслящей партией.

События последних двух десятилетий поставили перед Россией ту же задачу, но с существенной поправкой. Если революция 1917 года привела к необходимости восстановления территориальной целостности Российского государства, то революция 1991 года ставит перед страной задачу восстановления её политической целостности. Потому что прежде произошло разложение самой государственности, а сейчас - разложение центральной власти в государстве.

В публицистике стало чуть ли не общим местом утверждение, что «Советский Союз распался». Отечественные либералы не могут скрыть своего удовольствия, и за океаном радостно потирают руки. Произошла, мол, геополитическая катастрофа. Я же полагаю, что такая характеристика не соответствует сущности реальных процессов. То, что принято

было называть «Советским Союзом», было в действительности государством Российским, но переименованным в 1922 году в угоду тактической конъюнктуры и господствующей ленинской доктрине. Стало быть, термин «Советский Союз» относится не к государству как таковому, а к его наименованию.

Если бы действительно с 1922 года существовал Советский Союз как союз 16 самостоятельных государств, то, уверяю, в 1941 году того удара, который нанесла по России объединенная Европа, возглавляемая Германией, мы бы не выдержали. Мы рассыпались бы в течение нескольких недель. На что и рассчитывали немцы. В Европе думали, что мы действительно Советский Союз, а не Россия, что оказалось дезинформацией. Оставаясь единым и неделимым государством, Россия всего лишь изменила свое название. И она победила в качестве единого государства, а не фантомного «союза республик».

Может ли распастся название? Ответ очевиден. Вот почему я утверждаю, что никакого «распада Советского Союза» не произошло. И не надо морочить себе голову этим вымыслом, забивать вредной ложью сознание обществу, военных, студентов. Вместо того чтобы дезинформировать очередного стратегического противника. Ведь эта гипотеза очень дорого обходится. Если Россия распалась, значит, «придите и владейте нами». И вот уже войска США, как некогда в 1918 году,

размещаются в Средней Азии, в Закавказье, в Прибалтике. На очереди Украина.

Если национальное сознание соглашается с распадом государства, распад не остановить. Американцам достаются всего лишь бесхозные пространства. Распад Австрийской империи, начавшийся в 1918 году, продолжается вот уже почти сто лет. И мы видим иностранные армии, тех же США, на недееспособных обломках этого замечательного во всех отношениях государства. Это наглядный пример, который мало кого научил.

Давайте вспомним и нашу историю. В 1918 году в государстве Российском возникло около 40 самозванных правительств. Многие из них печатали денежные знаки, формировали армии, издавали законы, даже воевали между собой, а некоторые режимы успели получить и дипломатическое признание. Но что это меняло для нас, для России? Если гетман Скоропадский сидел в Киеве под защитой немецких штыков, разве Киев становился нерусским городом? Или русский город Баку, в котором появилось «правительство» мусаватов перестал быть русским? Или русский город Вильно, где возникла какая-то Тариба, а затем его оккупировали поляки? Разве они превращались в за границу?

Русские люди, возможно, тогда были малограмотны, зато они не поддавались на вражескую демагогию, не посыпали голову пеплом и не произносили заклинания о «геополитиче-

ской катастрофе». В 20-е годы они не погружались в мир снов, а делали историю страны. Они не говорили, что распалась Россия, что все кончено, что «история не знает сослагательного наклонения». Знает, да еще как!

Многое может существовать в виртуальном мире, заполненном фантазиями так называемого «международного права», измышлениями журналистов и ложью политиканов. А в реальном мире была гражданская война, где решался вопрос территориальной целостности страны. На 99% на полях сражений, и только на 1% за столом переговоров. Тогда нам было глубоко наплевать, что о нас где-то там думают и что планируют. Потому что история России делается не ее внешними противниками, не международными заговорами против нее, а русским народом, русской политической элитой, русскими философами и мыслителями.

Внешнее влияние на внутренние процессы в России, конечно же, есть, как на любое государство. Иногда это влияние весьма значительно. Но мы, русские, все равно главные деятели этой истории. И все зависит только от нас. Если, разумеется, не повторять без конца что «распался Советский Союз». Мало ли что существует 20 самопровозглашенных правительств и что их кто-то дипломатически признал. Главное, чтобы мы не признали. Если мы не признаем их, если мы будем противостоять как граждане единого Российского государства, то не будет никакого распада. Хотя

такая перспектива кому-то очень нравится, и враждебные силы, мечтающие стереть Россию с политической карты, на нее работают.

Следует подчеркнуть, что правительства США всегда или почти всегда довольно враждебно относились к России, как бы она ни называлась. Это отношение было характерно для эпохи существования Русской Америки, и в период, предшествующий принятию решения об ее уступке Штатам. Вашингтон был недружественен по отношению к России также во время русско-японской войны. В обеих мировых войнах между Россией и США был «странный союз» - циничный и своекорыстный со стороны американцев. Россия платила кровью, тогда как послевоенный Форт Нокс лопался от золота. Наконец, с 1946 года и по настоящее время Штаты ведут против России войну на уничтожение.

Но на настоящую «холодную» войну США против России времен Советского Союза советское правительство, начиная с Хрущева, ответило «странной войной». Массовое сознание, и без того отравленное «борьбой за мир во всем мире», было дезориентировано дипломатической демагогией, разоружением, разрядкой. Холодная, но настоящая война с США превратилась для населения страны в гиперболу, в метафору, в надоедливую пропаганду власти, постепенно терявшей авторитет и влияние. Наконец, всерьез воевавшие с Россией Штаты стали восприниматься русскими как вполне дружеская страна.

Современное соотношение сил между Россией и США, крайне неблагоприятное для России, возникло не сегодня и даже не 20 лет назад. Дисбаланс складывался на протяжении как минимум пятидесяти лет. Паритет вооружений, достигнутый в этот период, обесценивался в сфере идеологии. Если положить на весы истории, с одной стороны, враждебные действия США по отношению к России, а на другую – реальную политику коммунистической власти, то действия внешнего противника померкнут перед тем, что творила по отношению к России собственная власть. В послевоенный период проводилась откровенно антирусская идеология, пропитавшая систему образования и сферу искусства. Именно на коммунистических идейных грядах выращивалась русофобия - презрительное, высокомерное отношение к России и русским, нигилизм по отношению к русской истории, особенно когда трактуются события на окраинах страны, всестороннее расчленение русского народа путем его украинофикации и белорусификации, конфедерализация государственного устройства, наконец, иезуитская дискриминация великороссов на протяжении многих десятилетий. Причем, все то, что разрушало нас изнутри, не только не исчезло вместе с властью *партократии*, но и разрослось после нее еще гуще, многократно усилившись при господстве либеральной *бюрократии*.

Хочу обратить внимание на работу «Завет-

ные мысли» выдающего русского ученого и мыслителя Д.И. Менделеева. К сожалению, 90 лет её у нас не публиковали. После 1905 она была напечатана только в 1995 году. В ней есть замечательный эпизод, в котором Менделеев ссылается на то, как была построена система образования у наших исторических противников – в Англии у англосаксов. Менделеев был там, чтобы изучить работу университетов. Это конец XIX века.

Менделеев пишет о том, что был очень удивлен, когда ему объяснили, что главная задача, поставленная перед британскими высшими учебными заведениями – воспитывать везде, где поднят британский флаг, из каждого студента – не физика, химика, математика, медика или литературоведа. Главное, чтобы диплом получил англичанин и англиканин, независимо от этнического, религиозного или имущественного происхождения. Выполнение такой задачи высшей школой гарантирует обеспечение национальных интересов Британии на веки вечные. Потому что дипломированный выпускник, кем бы он ни был по роду занятий - инженером, врачом, учителем, офицером или предпринимателем - будет работать, имея в виду не только свои личные, но и британские национальные интересы. Отсюда вывод, который сделал Менделеев – о том, что главная роль в системе образования принадлежит профессору, преподавателю в широком смысле. Потому что именно профессор,

общаясь со студентами, воспитывает в каждом из них англичанина и англиканина.

Так было в Англии и так, - мыслил Менделеев, - должно быть в России. С той разницей, конечно, что выпускниками университетов России, в отличие от британских выпускников, должны быть русские и православные.

Здесь уместно вспомнить утверждение, принадлежащее Бисмарку. О том, что победой немцев над австрийцами в сражении при Садовой в 1866 году и созданию империи воссоединенная Германия обязана немецкому учителю. В противоположность этому глубокий кризис национального самосознания, потрясший Россию в конце XX века, в значительной степени является, как бы это ни показалось парадоксальным, результатом деятельности русского учительства.

Если бы в России прислушались заветным мыслям Менделеева, то, скорее всего, наша страна была бы избавлена и в прошлом веке, и в наступившем от тех кризисов, которые заставляют нас с тревогой говорить о том, что мы так горячо сегодня обсуждаем.

3. Парадоксы революционных переходов⁷

Бытие России в её многовековой истории воплощалось в форме Российского государства, и история России это история государ-

⁷ Выступление на конференции «Уроки прошлого для России будущего» 21.09.2007, организованной Клубом «Реалисты»

ства. Это выяснил, доказал и завещал нам ещё Карамзин.

Столетия – циклы русской истории. Каждое из них завершается определенным переходом. И в момент такого перехода гибнет общество, старая система социальных отношений, но не народ. Исчезает сложившийся экономический механизм, но не хозяйственный потенциал. Отбрасывается господствовавшая идеология, но её заменяет какая-то новая идеология. Погибает власть, но не гибнет государство.

Это происходило, конечно, и в начале XX века, но это происходило и много веков до того - когда мы от удельной России переходили к России-вотчине и от вотчины к поместью. А потом от поместья к фабрике. Сейчас тоже происходит процесс перехода, когда мы из государства-фабрики становимся государством-корпорацией.

Опираясь большими временными промежутками, мы должны признать, что в русской истории подобные переходы всегда носили продуктивный характер. В противном случае мы бы никогда не получили одну шестую часть земного шара под названием Государство Российское. В противном случае нам пришлось бы признать, что русские оказались неудачниками. Ничего подобного: русские и Россия - это может быть одно из самых выдающихся достижений истории. По крайней мере, после обретения христианства.

Русское сознание живет историей, переживает и возвращается в прошлое с таким же интересом, с каким оно осмысливает сегодняшний день. Но вместе с тем оно зачастую остается в плену неосмысленных парадоксов, среди которых революция 1917 года занимает ключевое место. Пора бы уж изучать и оценивать события первой трети XX столетия не с точки зрения «белых» или «красных», а с национальной русской точки зрения, извлекая из них пользу для настоящего, а не энергию для продолжения давнего противостояния. И понять, что в том русском споре точка давно поставлена.

Революция это системный, всесторонний, радикальный переход государства из сложившегося, существующего, но уже отжившего и устаревшего социального, экономического, хозяйственного, культурного, духовного состояния в принципиально новое. Случаи такого перехода в русской истории, по крайней мере, после того как Государство Российское обрело суверенитет в 1480 году, наблюдались все прошедшие столетия.

Переход 1917 года - это не одна только октябрьский переворот. Конечно, это эпизод очень важный, очень значительный в той революции, которая происходила в начале XX столетия на протяжении примерно сорока лет. Формально это временной период между 1902 годом, когда Россию затрясло в аграрных беспорядках, и примерно 1937 годом, когда по-

бедители в этой революции свели между собой счеты и юридически - в виде Конституции СССР - оформили все те отношения, которые утвердились на протяжении этого периода.

Речь должна идти об огромном историческом переходе. Он был подготовлен событиями XIX века. То, что было связано с превращением России в одну из величайших держав тогдашнего мира. И что вместе с тем сопровождалось известными проблемами. Они накапливались, но господствующие классы и государственная власть не в силах были с ними справиться. Их неразрешенность доказывала, что без революционного перехода в новое качество вряд ли удастся обеспечить развитие страны. Тогдашние мыслители, политики, даже сановники это прекрасно понимали, и историки нам всегда укажут на эти сигналы. Вспомним хотя бы известную Записку Дурново, министра внутренних дел. И, разумеется, русскую литературу. Она очень внимательно отслеживала то, что происходило в России, и была в определенной степени социологией еще до того, как в России социология появилась как наука.

Накануне революции были проблемы, на которые стоит указать. Это бюрократизация власти, опора трона на чиновничество - вынужденная мера, на которую пошла монархия после известных событий 1825 года, когда вера в дворянство, которое оказалось неустойчивым, была утрачена. Назовём так-

же нигилизм интеллигенции, возникшей в XIX столетии, её отщепенство (см. известный сборник «Вехи», 1909 года). Это земельный, главный в России вопрос, который не нашел положительного решения ни в 1861 году, ни в 1906 году - он ускорил радикализацию крестьянства. Общеизвестно также разорение дворянства. И, наконец, радикализация политики в целом - и со стороны власти, и со стороны оппозиции. Практически все политически активные слои общества были непримиримы в тот период.

Все эти факторы подготовили почву для революционных событий между 1905 и 1920 годами. Включая, разумеется, и Гражданскую войну.

Была ли альтернатива? Мне кажется, да. Это доказывается тем ожесточением, в которое вылилась борьба за будущее. Гражданская война показала: о себе заявили две альтернативы - проект либеральный и проект коммунистический. Выбор решался вооруженным методом на поле боя. Мы должны быть благодарны «белым» за то, что они с оружием в руках попытались реализовать свой проект будущей России, вызвав ответную реакцию «красных», которые приняли вызов.

Гражданская война это необходимый элемент, когда различным силам общества невозможно договориться мирными способами. Гражданская война спасла нашу страну в тот период, потому что любые гражданские

войны, не только в России, мобилизуют нацию. Тогда лучшие люди вынуждены не отсиживаться, не дезертировать за границу, а участвовать в политическом процессе. Как бы это ни показалось парадоксальным, именно Гражданская война остановила всеобщий развал и деградацию, которые были характерны для периода власти Временного правительства, когда разлагалось практически все.

Когда закончилась революция? В конце 30-х годов. Революция, то есть исторический переход, - это не взятие Зимнего дворца. Это длительный процесс, когда происходит смена всего - и социального строя, и экономической формации, и доминирующей идеологии, словом - всей системы. 37-й год поставил точку в этом процессе и сказал, кто победил. А в гражданских войнах всегда побеждает тот, кто прав в тот исторический период. Война это отец всего, как говорили древние.

Россия обрела новое качество, и её победа в Великой Отечественной и Второй мировой войне подчеркивает правду той революции, которая в России произошла в первой трети прошлого столетия.

Особенность той революции - правящий слой, образовавшийся по ее завершении, был русофобским. Что не могло не осложнить русскую историю двадцатого столетия серьезнейшим образом и, кстати, приостановило превращение нашей страны в русское национальное государство.

Идеология марксизма пропитана ненавистью к России и русским. Достаточно прочитать публицистику Маркса, Энгельса и Ленина. В этом отношении существующая либеральная власть ничуть не лучше. Не случайно ее идеологи, руководители и публицисты не могут произнести слово «русский», у них это слово застревает в горле. Она заменяет его всевозможными суррогатами. Поэтому и использовали в прошлом слово «советский» - для вытеснения всего русского. Хотя ничего политического слово «советский», конечно, в себе не несет. Это всего лишь система институтов власти. В Зимнем царском дворце была советская лестница - по ней проходило в помещения, где заседал Государственный совет. Это только слово, не более того.

Что такое советская цивилизация, часть ли она русской цивилизации? Этот вопрос также из разряда интеллектуальных фикций, результат влияния марксистской идеологии, которую исповедовал многие десятилетия господствующий класс Российского государства после 1917 года.

Что наследует современная Россия от предыдущих эпох? Вопрос наследства пока не стоит, потому что существует очень хорошее и, к сожалению, редко применяемое юридическое понятие «континуитет», что значит: «непрерывность». Русская история не прерывается, она не останавливается вот уже одиннадцать столетий только писаной истории. И, будем

надеяться, что она никогда не прервется. Поэтому извлечь из предыдущего опыта у нас есть что, а заботиться о наследстве нам еще рано – история продолжается.

Октябрьские события 1917 года смели, отодвинули от власти дряблую либеральную идеологию, совершенно недееспособные формы общественных и политических отношений. В тот кризисный период в воюющей стране (участие Российской Империи в мировой войне, заметим, почему-то оказывается вне нашего осознания), к власти пришли крайне решительные силы, которые, прежде всего, стали наводить железный порядок в государстве. К власти в октябре 17 года пришла достаточно энергичная, сплоченная партия, которая смогла преодолеть болтовню о «демократии и свободе» в условиях войны, кризиса и развала, и которая попыталась управлять так, как это было необходимо.

Революция не праздник, а кризис. В отличие от французов, мы не танцуем на развалинах, в отличие от европейцев, мы не веселимся, расставаясь с прошлым. Наши революции основательны. У России была одна возможность выжить и сохранить государственность, и она ею воспользовалась. Власть революционного правительства большевиков при всех её издержках достаточно убедительно показала, как следует выходить из катастрофического положения, с которым наверняка никогда бы не справились тогдашние социалисты, народники, либералы и прочие.

Что стало происходить в 90-х годах прошлого столетия в нашей стране? Начался новый переход от государства-фабрики в новое качество, в новое состояние - к государству-корпорации. К тому времени состоялась урбанизация страны, Россия крестьянская превратилась в Россию мещанскую или буржуазную. По сути дела, общественное сознание за этот период преодолело увлечение марксизмом, переварило его. Она стала превращаться в национальное государство, в общественном сознании стали преобладать национальные мотивы. Жить и развиваться по тем лекалам, по тем критериям, которые утвердились в предыдущий период, она уже не могла.

Когда обстоятельства ставят под вопрос существование государства, обычные методы правления приходится заменять на чрезвычайные. Эту истину была доступна еще древним. В античном Риме её называли диктатурой. Власть не во имя власти, не для удержания власти, не для подавления собственного населения средствами страха, не для её узурпации, а для спасения Отечества. В нашу эпоху, если объективно возникает необходимость в диктаторских методах правления, власть должна носить чрезвычайный характер, но сущность такой власти должна быть другая: диктатура должна быть национальной. Диктатура, в основе которой защита и сбережение национальных особенностей, национальных святынь, национальных идеалов и инте-

ресов. Если угодно, диктатура с русской душой и русским мировоззрением.

Речь, таким образом, идёт о совершенно иной, нежели в настоящее время, политической власти, которая в состоянии положительно решить стоящие перед Россией задачи, поскольку, как и 90 лет назад, ей тоже приходится осуществлять переход из одного качественного состояния в другое.

Возникли предпосылки для очередного перехода на более высокую ступень развития. И он наверняка будет продолжаться не одно десятилетие. Подобно тому, как предыдущие переходы такого рода завершались успешно и продуктивно, и ныне происходящий переход в новую систему производственных, экономических, общественных, политических и государственных отношений продуктивно закончится не хуже. Впереди не пресловутая стабильность, а ожесточенная борьба, в результате которой будет поставлена жирная черта под многими текущими процессами, и мы еще увидим полёт русских орлов - еще выше, чем в 1945 году.

Век побед и упущенных возможностей

1. Победа – праздник, которому предшествует беда

Обычно, завершая тот или иной цикл жизни - день, неделю, месяц, год, - людям свойственно подводить жизненный баланс. Суммировать доходы и расходы, сводить воедино дебет и кредит. Итожить прожитое и пережитое. Наконец, делать выводы и планировать будущее. Нечто подобное происходит и в общественном сознании, когда завершаются более продолжительные циклы - десятилетие, столетие.

Мы – современники перехода Россией рубежа XX и XXI столетий. И здесь мы сталкиваемся с недоброжелательной и предвзятой оценкой русской истории в прошедшем столетии, которая переполнена кликушеством и поношением всего русского. Русские предстают в них неудачниками и жертвами. Они якобы ничего не достигли и всё, не ими созданное, расточили. Их преследовали одни только поражения, либо победы, в конце концов обернувшиеся поражениями. Они надорвались и не в состоянии продолжить свою миссию великой нации, великого государства, великой цивилизации.

Не станем опускаться в этом непростом вопросе до положения заправских спорщиков,

даже если оппонентами выступают отнюдь не глупцы, а профессионалы своего дела. Врагам ничего доказать невозможно. Переубедить тех, кто в чём-то искренно убеждён, – тем более. Во всём должно убедиться самим. По крайней мере, для тех, кто более или менее знает хронологию событий XX века, хорошо известны русские победы и русские поражения, достижения и неудачи.

Век начался неудачами. Войной России с Японией, вероломно открытой японцами в январе 1904 года, после нападения на русскую Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре. Теперь об этой войне русские мало что знают. О том, например, что, несмотря на ряд поражений Россия войну вовсе не проиграла, во всяком случае, на сухопутном театре военных действий. Или что Япония уже к середине 1905 года практически исчерпала все ресурсы, необходимые для ведения войны, тогда как Россия использовала в ней менее 10 %. Война закончилась не в пользу России не из-за слабости армии, а из-за разложения тыла, поражения и пацифизма интеллигенции и массовых русских бунтов, которые пришлось подавлять силой оружия.

Участие России в Первой мировой войне ознаменовано как выдающимися победами на фронте, так и тяжкими поражениями. Но все военные неудачи – которые ограничились главным образом 1915 годом – были преодолены в 1916, отмеченном знаменитым

Брусиловским наступлением против австро-венгров и разгромом турок на Кавказском фронте. Они поставили Австро-Венгрию и Османскую империю на край полного военно-стратегического краха. Казалось, еще несколько усилий весной и летом 1917 года – и русские армии, сломив сопротивление выдыхавшихся тогда австрийцев, германцев (их хорошо изматывал Западный фронт) и турок, перейдут в наступление, овладеют Берлином, Будапештом, Венной и освободят наконец-то Константинополь и Черноморские проливы от турецкой оккупации. Когда победоносное окончание войны уже не только грезилось, но было всесторонне обеспечено в материально-техническом и организационном отношении и до победы оставалось каких-то несколько месяцев, состоялся «удачный» февральский заговор двора, Думы и промышленников против императора, ставший поводом для так называемой демократической революции, неожиданно окончившейся катастрофой власти, армии и государства. Неожиданно, прежде всего, как раз для «героев» февраля 1917 года.

Главное в событиях 1917 года состоит в том, что они лишили Россию победы и руководящего участия в переделе мира между странами-победительницами, так называемой Антантой (а не разделять его после окончания мировой войны было невозможно). Все русские жертвы оказались напрасными и бесполезными.

Недобросовестные союзники России пытались в 1919 году завершить мировую войну по-воровски, без её участия. Но Версальский мир без России и вопреки её геополитическим интересам не мог не стать лишь хрупким перемирием, которое и закончилось через 20 лет неизбежным возобновлением и продолжением военных действий.

Лишь по досадной ошибке, которую уже не исправить, сражения 1939-45 годов называются Второй мировой войной. В действительности состоялось продолжение Первой мировой войны, которая была не окончена, а всего лишь прервана. Исторические государства вернулись на поле боя, чтобы доиграть начатую партию. Можно сказать о существовании естественного закона: пока причины, породившие войну, не исчерпаны, она может окончиться только окончательным поражением одной из сторон.

Октябрьский государственный переворот, отстранивший к тому времени номинально существующее Временное правительство и приведший к власти режим «российских коммунистов», принято рассматривать в качестве «пролетарской», «социалистической», «великой» революции. Это недоразумение. Переворот действительно имеет «великое» значение для России. Но его величие состоит не в том, что вследствие смены режима место выдающегося демагога Керенского в кресле премьер-министра досталось выдающемуся

русоеду Ульянову-Ленину. В перевороте, организованном большевиками и их союзниками, имелся положительный момент. Он устранил от власти в стране наиболее опасную фракцию либералов, которая, как показал исторический опыт, способна только разорять и расчленять Россию. Управляя страной всего лишь несколько месяцев, либеральная партия, несмотря на общественный подъём, ввергла Россию в хаос безвластия и экономической анархии. С этим нетерпимым состоянием большевикам удалось покончить за несколько месяцев. Что же касается самого революционного процесса, то у него была вполне объективная природа.

Движущей силой русской революции явилось неодолимое стремление русского крестьянина-ремесленника к земле, к производительному труду вообще. В России, никогда не знавшей ни массовой безработицы, ни противоположности между городом и деревней, ни антагонизме между индустриальным и сельскохозяйственным видами труда, словом всего того, что составляло сущность общественно-экономических противоречий в Европе, не возникло ни пролетариата, ни почвы для социализма. Позитивная сторона революции в России состояла в том, что она сбрасывала отжившие формы сословного господства дворянства и разложившейся бюрократии, бессильных обеспечить управление динамично развивавшимися производитель-

ными и общественными силами. В отличие от Европы, где рабочее сословие, благодаря процессам разделения труда, обособилось от крестьянства и составило самостоятельную политическую силу, русское крестьянство никогда не существовало одним только земледелием. Помимо сельскохозяйственных работ, которые, из-за суровых климатических факторов, продолжались не более четырёх-пяти месяцев в году, они остальное время года занимались разнообразными ремёслами. Революция в России, которую обычно отождествляют, и неправильно, только с 1917 годом, являлась не пролетарской, а крестьянской; её сущность поэтому не могла быть и не была пролетарски-социалистической. Как бы это ни показалось парадоксальным и неправдоподобным, получается, что весь период так называемого социализма в России являлся в социально-экономическом отношении феодальным социализмом, господством в обществе уклада, соответствующего крестьянскому уравнительному мировоззрению. Отнюдь не случайно идеология этой революции опиралась на произведения Кампанеллы, Мора, Оуэна и других европейских фантазёров.

Если и было что-то от коммунизма в Советской России (с 1922 года называлась СССР), так только официальная риторика, и ничего больше. Однако было бы неверно делать из этого вывод, что современная Россия якобы безнадежно «отстала» от так называемых «ци-

вильзованных стран». Наоборот. Она из великой державы, каковой являлась в начале века, превратилась в его второй половине в мировую сверх-державу, первой вышла в космос и овладела ядерно-ракетным щитом. Находясь, повторимся, на феодальном, то есть сравнительно низком социально-экономическом уровне развития. Не так трудно представить, какая степень развития хозяйства, культуры, общества будет реально обеспечена, когда страна перейдёт в новую, а именно буржуазно-демократическую, капиталистическую фазу формационного развития, при условии, что она будет в цивилизационном отношении оплодотворена русской национальной революцией, которая превратит Россию в русское национальное государство.

Гражданскую войну 1918-22 годов чаще всего вспоминают как борьбу «красных» с «белыми» или, гораздо реже, как борьбу республиканцев с монархистами. Утверждается, что война носила якобы невероятно разрушительный характер. Такая оценка событий - очевидное преувеличение, плод недобросовестной характеристики причинно-следственных связей. Разрушения от военных действия, которые велись сравнительно небольшими по численности силами и при численно незначительном тяжелом вооружении с обеих сторон, в действительности были минимальными. «Белые», как хорошо известно, являлись республиканцами, а не монархистами,

«красным» же было совершенно безразлично, какая форма власти будет утверждена, главное, чтобы исчезла прежняя система экономических отношений, не дававшая крестьянской массе развернуться. Но и они формально декларировали республику.

В действительности именно гражданская война спасла Россию от политического и государственного распада, свела к минимуму её территориальные потери. Она обеспечила условия, благодаря которым была восстановлена централизация государственного управления. Война заставила общество мобилизовать не только ресурсы и средства борьбы, дезорганизованные во время либерального распутства, но и воссоздать распавшуюся императорскую армию, место которой на стороне победивших «красных» заняла РККА. К моменту окончания войны численность РККА достигла 5 миллионов. Отнюдь не случайно завершающими аккордами войны, превратившейся из гражданской в революционную, стали штурм «красными» Бухары, их поход на Варшаву, операция в Монголии против войск авантюриста Унгерна-Штернберга и восстановление границ государства на Кавказе по Араксу.

Логика общественно-политического развития заставила большевиков, начавших своё властвование с политического разрушения Империи, закончить войну тем, что территориальная целостность Империи была в основ-

ном восстановлена. Это подтверждает, что в революции, как и в гражданской войне, надо видеть не только «братоубийство» или «окаянные дни», как это субъективно-честно засвидетельствовал Бунин, но и музыку будущего, о чём не уставали утверждать Брюсов, Блок и Маяковский. Если бы в этом заочном споре правда была на стороне одного только Бунина, то Россия никогда бы не победила европейские орды, осуществившие вторжение в 1941 году, и не запустила бы спутник и первого человека в космос, что произошло всего лишь через 35 лет после окончания гражданской войны и через 12 лет после победоносного завершения Великой Отечественной. Это было совершенно невозможно без высочайшего духовного здоровья русской нации, говоря точнее – русского народа.

Период между завершением гражданской войны и новым европейским вторжением, занявший чуть больше 20 лет, состоит из нескольких взаимосвязанных процессов. Они оказались весьма удачными и своевременными, а их результаты позволили существенно укрепить экономический, военнотехнический и морально-политический потенциал страны. *Во-первых*, хозяйственная дезорганизация, обусловленная не только гражданской войной, но и хаосом либерального 1917 года, вынудил власть ввести НЭП – экономический механизм, позволивший сравнительно быстро восстановить хозяйствен-

ный потенциал и уровень жизни. *Во-вторых*, победой «красных» в войне революция вовсе не завершилась. Ещё не произошла социализация земледелия и деревни, тогда как социализация индустрии и городов по-крестьянски была осуществлена ещё во время гражданской войны. После коллективизации села менее чем за 10 лет был создан единый общенациональный хозяйственно-экономический комплекс, объединивший все производственные отрасли. *В-третьих*, была осуществлена индустриализация хозяйства, прежде всего промышленности, и связанная с этим процессом так называемая культурная революция, позволившая уравновесить качество и структуру рабочей силы с созданными производственными фондами, включая армейское вооружение, прежде всего авиацию, бронетанковые войска, артиллерию. *В-четвёртых*, на завершающем этапе революции, окончание которой можно датировать 1936 годом, сущность политического режима была приведена, причём весьма радикальными методами, в соответствие с фактически сложившимся, социально-экономическим укладом - крестьянско-социалистическим по своей природе.

Пять предвоенных лет (1937-41) запечатлелись в массовом сознании как время стабильности и достатка, благополучия и безопасности, уверенности и оптимизма. Чем объясняется решительный подъём страны? Страхом,

террором, обманом, о чем без устали талдычат свои и чужие клеветники России, невозможно в предельно короткие сроки ликвидировать неграмотность, построить тысячи заводов, создать сотни научных коллективов, модернизировать промышленность, заново создать боеспособную и вполне современную армию (которая, напомним, после 1925 года имела территориально-милиционную систему организации), нельзя было обеспечить планомерность динамичного хозяйственного развития. Советская Россия заняла второе место в неофициальной табели великих держав мира благодаря необыкновенному политическому единству, возникшему вследствие уникального явления - победоносной революции крестьян-ремесленников, доля которых в населении страны составляла тогда более 90 процентов.

О Великой Отечественной войне сказано достаточно много и подробно, чтобы была необходимость произносить прописные истины и повторяться. В этом нет необходимости.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что Россия на этой войне воевала не с одной только Германией, о чём в послевоенный период толковали официозы Старой площади. В походе на Россию Германия объединила практически всю континентальную Европу – от Испании до Норвегии и от Голландии до Болгарии и Турции. В войне против России участвовало 18 государств, не считая тех, кто обеспе-

чивал коалицию «стран оси» материальными поставками. И вовсе не итальянский фашизм или германский нацизм толкали Европу в это гибельное для неё предприятие. Европейские нашествия на Россию происходили и до возникновения фашизма и нацизма. Будут они, скорее всего, и после исчезновения этих доктрин с политической арены. Их истинные причины обусловлены не партийными идеологиями и не невежеством политиков, а действием геополитических законов, не философскими доктринами, а жестокими экономическими потребностями. Когда сталкиваются интересы государств, борются между собой не классы или партии, и уж тем более не вожди тех или иных стран, а нации и цивилизации. И чем непримиримей объективные противоречия между ними, тем ожесточённее борьба, тем дороже и величественнее победа.

Тем не менее, очевидно, что русские победили в 1945 году и достигли в Европе рубежей, которые могли быть достигнуты ими ещё летом или осенью 1917. Вся Восточная Европа, кроме Греции, оказалась под русским контролем или оккупацией, тогда как Западная Европа - под контролем или оккупацией Соединённых Штатов Америки. Молниеносная операция на Дальнем Востоке - против Квантунской армии Японии, завершившаяся её капитуляцией, - восстановила суверенитет России над Курилами, Южным Сахалином и Ляодунским полуостровом, утраченный в результате японской агрессии в 1904-05 годах.

Хозяйственные, демографические и психологические жертвы, понесённые Россией в войне, не идут ни в какое сравнение с тем, чем сочли возможным «пожертвовать» главные союзные государства - Великобритания и США. Так как англосаксы уклонялись на протяжении всей войны от ведения полномасштабных операций на суше, их людские потери были минимальны. Кроме того, они касались практически только войск. Англичан погибло примерно 600 тыс. чел, американцев - немногим более 200 тыс. При этом одни только войсковые потери русских составили 7 млн. чел, гражданского населения, согласно последним данным, - около 20 млн.

Военные действия не велись ни на территории Великобритании (если не считать немецких бомбёжек с воздуха), ни на территории США. В то же время война в России охватила более 3 миллионов кв. км., оставляя после боёв зону сплошных разрушений, касающуюся населённых пунктов, храмов и дворцов, промышленных, сельскохозяйственных объектов и путей сообщения. Если «союзникам» не было необходимости вести восстановительные работы, и, напротив, во время войны они лишь наращивали свою экономическую мощь, то России пришлось всё разрушенное и похищенное во время оккупации восстанавливать. На это ушло примерно 5 лет и колоссальные материально-технические и трудовые ресурсы. Западу ничего этого делать

было не нужно. Он не восстанавливал экономику, на что русским приходилось тратить, а модернизировал и наращивал свой военно-экономический потенциал.

Сорок послевоенных лет (1946-85) лишь условно можно считать мирным периодом русской истории. Против России её бывшими союзниками во Второй мировой войне с 1946 года под предлогом идеологической несовместимости социально-экономических систем велась Холодная война, стратегическая цель которой состояла в реализации гитлеровской доктрины - добиться геополитического уничтожения России как целостного и могущественного государства. Отнюдь не случайно на протяжении всего периода существования Советской России, то есть с конца 1917 по конец 1991 года, действительно мирными были всего лишь 14 лет, из них на довоенный период приходится 4,5 года мира, и на послевоенный – 9,5 лет. Поэтому-то главным сектором развития России являлась военная промышленность, те отрасли, которые обеспечивали её стратегический военно-промышленный и научно-технический паритет с противником, главным образом с США.

Одновременно с военно-промышленным развитием удалось достигнуть такого уровня производства в отраслях потребительского сектора, включая земледелие, который обеспечил рациональное снабжение населения СССР продуктами питания, бытовыми пред-

метами длительного пользования и решить в основном жилищную проблему. Не надо также забывать, что Советская Россия существовала не в гордом одиночестве, а вместе с союзниками и государствами, отношения с которыми носили характер взаимодействия в «режиме наибольшего благоприятствования». Хозяйственные потенциалы этих стран создавались и функционировали с учётом отраслевого разделения и кооперации труда. Россия сосредоточивала свои мощности на производстве главным образом тяжелого, базового машиностроения и на военно-техническом производстве, а её союзники и дружественно настроенные государства – на развитии лёгкой и пищевой промышленности. Так продолжалось по крайней мере до 1982 года, когда умер последний настоящий генсек. Затем наступил период разложения «коммунистического» режима партноменклатуры, а с 1989 года его сменил процесс социально-экономических и общественно-политических изменений, который было бы нелепо и близоруко не характеризовать как Новую русскую революцию, о чём речь пойдёт ниже.

2. Основные противоречия, которые не удалось преодолеть

Россия побеждала там, где, казалось бы, всё было против неё, и она терпела поражения в тех областях, где сама ожидала одни только

победы. Русские победы невозможно объяснить на рациональном языке цифр, оперируя одними только качественными или количественными характеристиками. Сами по себе цифры грандиозны. Но и поражения России столь же величественны, необъяснимы и непредсказуемы. Они сравнимы разве что с тем, что пришлось испытать Великой Римской Империи. То положение, в котором оказалась современная Россия, требует не только веры в неизбежность её будущих побед, - без веры они просто невозможны, - но и в понимании причин, ввергнувших страну на рубеже тысячелетий в новый виток мрачных испытаний.

Объективные причины системного кризиса, который на протяжении всего двадцатого столетия разрушал русское общество, возникли и созрели веком раньше. В концентрированном виде их можно свести к трём группам противоречий: национально-государственным или политическим, духовным и социальным. Вот их конспективное изложение.

Во-первых, противоречия *национально-государственного устройства страны*. Обе революции, по крайней мере на их первой фазе развития, приводили Россию в состояние политической дезинтеграции. При этом ни её пространства, ни полиэтничность, на что чаще всего ссылаются, не являются чем-то уникальным и ни на что не похожим. В мире существует большое количество крупных по площади государств, население которых со-

стоит из множества различных народов. И что же, разве являлось это обстоятельство причиной их государственного распада? Наоборот. Если в таких государствах происходили революции - возьмём такие страны, как Франция, Италия, Германия, Китай - они спланивались, укрепляли государственность, делали их сильнее. В чём же дело? Думается, причина была сформулирована ещё Н.М. Карамзиным в «Записке о древней и новой России», написанной в 1811 году. Уже тогда было очевидно, что «государство наше состоит из разных народов» и что «Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями». При этом два фактора должны неуклонно осуществляться, чтобы «дела шли, как должно». Во-первых, необходимо «вести единство законов», а не устанавливать для каждого народа свои особенные (уже тогда вызывало недоумение, отчего Ливония, Финляндия, Польша или Малороссия имели свои особенные законы). Во-вторых, необходимо исходить из принципа, что «всякая губерния есть Россия в малом виде».

Но нет пророка в отечестве своём. Ни Карамзина, ни его последователей не услышали и не поняли. Как первый, так и второй принципы в России никогда не были реализованы. Более того, власть откровенно ими пренебрегала: единства законов и политической однородности всех территорий государства нет ни в Своде законов Российской империи,

ни в законодательстве Советской России. Отсюда возникновение наиболее слабого звена русской государственности, которое каждый раз рвалось, стоило лишь возникнуть в стране серьёзному социально-экономическому напряжению. Известно: рвётся там, где тонко.

Частным случаем проблемы политического единства страны является присутствия в России *еврейства* - этноса, который благодаря своей природе и вследствие логики развития превратился в своеобразную «пятую колонну», действующую вопреки стратегическим интересам Государства Российского и русского народа. Этот сюжет русской истории также настолько ясен, что его достаточно лишь назвать.

Во-вторых, мы имеем дело с противоречиями в *русском общественном мировоззрении* - неустроенностью духовной жизни, за которую в течение многих веков несла ответственность Русская православная церковь. Никакого кризиса не было, пока православное духовенство находило силы, способы и желание решать эту проблему. Но после того как превращённая в разновидность государственной бюрократии и утратившая из-за этого авторитет церковь была вынуждена отступить, и место духовных пастырей и вождей заняла интеллигенция (особый образованный слой, не известный в других странах), кризис мировоззрения стал хроническим. Созданная Петром I как образованная раз-

новидность служилого дворянского сословия, необходимого для государства, она была безнадежно испорчена Петром III, разрешившим ему паразитическую праздность. Дворянство вообще и интеллигенция в частности, утратив живую, деятельную связь с собственной страной и её потребностями, увидела идеал в отрицательно-материалистическом и гуманно-атеистическом Западе, исторически враждебном и чуждом России. Европейский гуманизм попал тогда на благодатную психологическую почву. И вот диагноз, датированный 1909 годом: «Нет интеллигенции более атеистической, чем русская». А там, где отсутствует религиозное начало, позволено всё. В *общественном сознании* уже в XIX веке восторжествовали агрессивный антирусский нигилизм и беспочвенный атеизм, от которых всё русское было отчуждено. Но, обладая монополией на духовное производство, интеллигенция обрела необыкновенное влияние на «русскую государственность и общественность». Именно в её руках, по меткому замечанию С.Н. Булгакова, оказалась судьба Петровой России. Теперь мы знаем, что и судьба Советской России также находилась в её же руках.

В-третьих, следует видеть противоречия, обусловленные *социальным обнищанием или пролетаризацией* большей части населения страны, главным образом великорусского. Неспособность общественных и государственных

ных институтов, управляющих экономикой, ликвидировать массовую нищету ни во время осуществления «великих реформ» XIX века, ни в результате «великой октябрьской» XX века. Имущественная нищета имеет неизбежное следствие - доминирование люмпенской, босяческой и быдлярской *психологии* во всех сословиях, классах и группах общества.

Короче говоря, что бы ни происходило в социально-экономическом, общественно-политическом или государственно-стратегическом положении России на протяжении текущего века, указанные три дамокловы меча одновременно и постоянно висели над нею. На протяжении XX столетия делались безуспешные и в значительной степени наивные усилия не преодолеть указанные противоречия, а превратить их в свою противоположность: из оружия, которым пользовался враг, - в средства защиты. Вместо модернизации церковности при сохранении всех фундаментальных ценностей и святынь веры была предпринята попытка вообще отказаться от религиозных основ - с заменой морально-нравственных заповедей, которыми должно руководствоваться общество, рациональным и материалистическим кодексом. В результате несколько русских поколений исповедуют откровенный цинизм, эгоизм и алчность в качестве краеугольных камней своей жизненной философии. Материальный достаток как предпосылка существования и

развития главного общественного института - трудовой семьи - был заменён производственным индивидуализмом и формальным коллективизмом. Нищенское существование масс в самой богатой потенциальными естественными ресурсами стране мира попытались превратить в добродетель, которую было предписано исповедовать. Но в то же время так называемые «верхи» не считали нужным отказываться от вопиющей, всё более умножающейся личной роскоши. Почва для фарисейства и лицемерия, которые разъедают любое общество, была создана. Что касается невольного еврейского засилья, то его очевидность не требует каких-либо пояснений. Пршное извне еврейство (а другого еврейства в России попросту не могло быть), используя свойственные ему и хорошо известные приёмы, навязывало коренным общественным верхам мировоззрение, совершенно чуждое русскому самосознанию.

Таким образом, после того, как Россия, совершив революцию и победив в мировой войне, вернулась в качестве страны-победительницы в состояние сравнительно мирной жизни, главной проблемой общества оказалось состояние всеобщего отчуждения. Оно выражалось соответственно в трёх формах: в отчуждении гражданина от государственной идеологии марксизма-ленинизма; в отчуждении производителя от обобществлённых средств производства и основных резуль-

татов производительного труда; в отчуждении личности от нации, а русских, являющихся нациообразующим и государствообразующим этносом страны, кроме того, от собственной народности. Напрашивается вывод: судьба русских в России более чем трагична. В собственной стране они оказываются изгоями, метеками, вольноотпущенниками, всем чем угодно, но только не полноценными гражданами. Ни до 1917 года, ни тем более после, им так и не было суждено восстановить свой утраченный статус. Речь шла даже не о каких-то привилегиях, которыми должны в России обладать русские в силу простой исторической справедливости. Об этом не то что говорить, мечтать не полагалось, а некоторое время это даже расценивалось как уголовно-наказуемое деяние.

Нельзя не признать, что положение русских в России унизительно. Именно они являлись объектом нещадной эксплуатации. Русские больше всех остальных этносов России понесли потери в годы всех войн, которые ей пришлось вести. Из русских формировали трудовые армии, которыми затыкали практически все хозяйственные бреши – от Турксиба в 20-е до освоения «целинных и залежных земель» в 50-е и всех высосанных из пальца «великих строек» 70-х и 80-х годов. Русское население было низведено к простой рабочей силе, если не сказать – рабочей скотине, что не могло не подорвать уважительного отношения к рус-

ским со стороны инородцев и проживающих в стране иностранцев, получавших от режимов, существовавших в России, многочисленные привилегии.

В годы Великой Отечественной войны отношение власти к русскому населению изменилось. Но и тогда не была реализована возможность придать русским особый статус или хотя бы уравнивать их с другими народами. Что было бы естественным актом после завершения войны, поскольку именно русские вынесли на своих плечах основные тяготы и боевого, и трудового фронтов. Но всё ограничилось известным анекдотом - застольным тостом Сталина в 1946 году. А затем о русских, как о батаре Тушина, было напрочь забыто на многие десятилетия. Внутри русской нации, которая могла стать реальностью в те же годы, образовалась пустота. Само существование такой нации было отвергнуто режимом. Появилась нелепая, антинаучная доктрина «новой общности», так называемого советского народа. Но такого народа не было и быть не могло. Вместо национального единства обществу навязывалось этническое отчуждение, шовинистическая неприязнь малых народов России к русскому народу. Ниже автор подводит своеобразный баланс русской государственной и национальной истории в XX столетии.

3. Стратегический баланс

Национально-государственный баланс

Двадцатый век оказался периодом нескольких геостратегических взлётов и падений России. Поражение в Японской войне низвело Россию до роли младшего партнёра стран Антанты. Искусственно вызванная зависимость от внешних займов прервало самостоятельную государственную политику, осуществлявшуюся на протяжении двух предшествующих царствований, заставило войти в асимметричные и невыгодные соглашения, направленные против Тройственного союза, которые в стратегической перспективе не были насущной необходимостью для России. Тем не менее, участие России в Первой мировой войне восстановило её положение полноценной великой державы, и к 1916 году, после поражений, которые были нанесены союзникам на Западной фронте, Великобритания и Франция были вынуждены согласиться с определяющим значением России в Малой Азии и в Центральной Европе, включая Балканы и Черноморские проливы. Были заключены соответствующие соглашения о разделе сфер контроля и влияния, реализация которых наступала после окончания войны.

События февраля 1917 года в Петрограде, начавшиеся с «невинного» заговора, имевшего целью «всего лишь» устранить от власти императора и его правительство, обернулись

всеобщим безвластием, переросшим годом позже в гражданскую войну между коммуно-большевизмом, с одной стороны, и его противниками, состоящими частично из русских монархистов, частично из русских республиканцев и частично из многочисленных этно-сепаратистов – с другой.

Сначала Брест-Литовский договор между германским кайзером и большевистско-эсеровским правительством, а затем наличие в стране множества воюющих между собой сторон дали союзникам формальный повод устранить Россию от участия в выработке и оформлении Версальского мирного договора. Союзникам было выгодно на протяжении всего периода гражданской войны иметь отношения в той или иной форме со всеми воюющими сторонами, не признавая в то же время в качестве легитимного ни одно из существовавших правительств - ни в «красной» Москве, ни в «белом» Омске. Утверждения о том, что Антанта помогала «белым», является, мягко говоря, большим преувеличением. Союзники не помогали никому, стремясь лишь к достижению собственных выгод.

Вместе с тем надо отдать должное Антанте. Ни одна пядь русской территории не была отчуждена от России вопреки воле победившей в гражданской войне стороны, то есть большевиков. Именно правительство Ленина-Троцкого отказалось в 1917-20 годах от русских территорий на северо-западе, в

центральной Европе и на Кавказе, от так называемых финских, армянских, польских и прибалтийских земель. Заключение сепаратного Брест-Литовского договора и выход из войны лишил Россию возможности разделить плоды победы. Россия понесла колоссальные территориальные утраты – в Европе земли Финляндии, Прибалтики, Русской Польши, Западный край, Бессарабия, в Азии - Западная Армения и Урянхайский край. Из всех фактических потерь, которые понесло Государство Российское, только присоединение Бессарабии к Румынии никогда не признавалась большевиками. На остальные утраты они юридически соглашались. Но Россия имела и некоторые приобретения. В её состав были включены Хивинское ханство и Бухарский эмират; до 1917 года они формально являлись государственными образованиями с некоторыми признаками суверенитета (под русским протекторатом).

Как бы там ни было, большая часть России вышла из катаклизмов 1917-21 годов единым государственным образованием. Однако природа внутригосударственных отношений при этом трансформировалась коренным образом. Победу в гражданской войне, не в последнюю очередь, «красные» купили ценой предоставления статуса «союзных» и «автономных» «государств» инородческим элитам, занявшим ключевые места в «советских» органах. На месте Российской Республики образовался Со-

ветский Союз, состоящий первоначально из 4-х «союзных» (Российской, Украинской, Белорусской и Закавказской) и 2-х «народных» республик, причём правовой статус последних – Хорезмской и Бухарской, пока они не оказались в составе РСФСР, - был достаточно сомнителен.

Превращение России из *единой* республики (то есть общего дела всех граждан страны) в *несколько десятков* республик (то есть частного дела отдельных этносов или народов) лишь на первый взгляд представлялось пустой формальностью. Она казалась таковой лишь постольку, поскольку *государственное право* оставалось фикцией, а его роль выполняло *партийное право* и партийный принцип «демократического централизма». Но как только этот централизм стал сам собой демонтироваться, а партия из органа, руководящего обществом во имя всеобщих целей, превратилась в несколько своекорыстных корпораций, алчных камариллий, преследующих собственные эгоистические цели, химерические структуры власти союзных и автономных «республик», влачившие жалкое существование (штат МИДа РСФСР, к примеру, состоял из десятка безвестных чиновников), стали обретать плоть и кровь. Им захотелось стать государствами не на словах, а на деле.

Потому упразднение «СССР», декларированное в Беловежских Вискулях в конце 1991 года, нельзя сводить к «алкогольному» загово-

ру с целью устранения Горбачёва. Если Беложевский меморандум, декларировавший прекращение политического единства СССР (Советской России), и был результатом заговора, то его первопричины следует искать в 1922 году, когда Ленин и его соратники по партии не нашли ничего умнее, как сконструировать «договорную федерацию» на месте Государства Российского.

В истории России, тем не менее, возникали ситуации, когда от «федеративной» формы государственного устройства можно было бы совершенно безболезненно отказаться или, наоборот, эффективно ею воспользоваться.

После того, как «красные» окончательно победили в гражданской войне, а «коммунистическая» партия укрепились во власти, условия, заставившие пойти на создание союзных и автономных республик, в сущности, отпали сами собой. Режим, кроме того, заявил о том, что в стране построен социализм, то есть, обеспечено социальное единство общества на основе обобществленной собственности, а лозунги «мировой революции» были отвергнуты. Вместо дальнейшего раздробления страны, что было фактически предпринято в 1936 году правительством Сталина, учинившим «национальное размежевание» в Туркестане, в новой Конституции можно было бы декларировать создание единого государства, упраздняющего государственные образования, возникшие в период первого этапа революции

и гражданской войны. Тогда политическое, экономическое и социальное единство, обеспеченное партийной монополией на власть, было бы дополнено единством государственным. Но партийный режим действовал вопреки «диалектической логике». Союз образца 1922 года, состоявший из четырёх республик, превратился в тех же границах в союз, состоящий из одиннадцати республик. На месте упразднённой Закавказской республики возникли в прошлом не существовавшие Грузия, Армения и Азербайджан. От РСФСР отторгли земли Туркестана и Степного края, в пределах которых власти создали никогда не существовавшие республики казахов, киргизов, узбеков, туркмен и таджиков.

Вторично «федерация» могла быть упразднена непосредственно после наиболее выдающегося события всего XX столетия - победоносного окончания Великой Отечественной войны. Такие общие страдания и такая общая победа не могли не сплотить всё население страны, стереть искусственно созданные этнические перегородки и объединить между собой население, которое тогда же почувствовало себя единой нацией, то есть «русскими». Кроме того, налицо имелись внешние факторы - десятки миллионов человек в период военных действий и непосредственно после их завершения были перемещены из мест постоянного проживания. Территории практически всех «республик», в том числе и «авто-

номных», которые и до войны не могли похвастаться моноэтничностью, после войны утратили её окончательно.

В третий раз судьба «федерации» могла окончательно стать историей в 1977 году, в период, предшествующий принятию новой Конституции. К тому времени руководство компартии уже несколько лет декларировало, что в СССР создана новая общность людей – советский народ. Социально-экономическая ситуация была также весьма благоприятной: межэтнические отношения носили комплиментарный характер, а хозяйство развивалось вполне динамично. Казало бы, если вместо «многонационального народа» возник «один народ», то естественным результатом такого преобразования должна быть политическая реформа – создание на месте федеративного и союзного – единого и неделимого государства. Однако власти и теперь не воспользовались подходящим случаем. «Единому советскому народу» они навязали этническую автономизацию и «многонациональный» государственный федерализм.

В свою очередь – по крайней мере дважды – режим мог воспользоваться федеративной формой политической организации Советской России в её геополитических интересах.

В 1945-48 годах существовала реальная возможность расширить количество участников СССР за счёт государств Восточной Европы, попавших в зону его влияния и контроля.

При этом речь могла идти не только о славянских странах, таких как Болгария, Югославия, Польша или Чехословакия, но и о Финляндии, территория которой более полутора веков (с 1745 года) была частью России, а также финно-угорской Венгрии и православной Румынии. Кроме того, на Дальнем Востоке таким государством могла быть малонаселённая тогда Манчжоу-Го, после капитуляции Японии не являвшаяся ещё частью Китайской Республики, в которой, строго говоря, из-за гражданской войны не было национального правительства.

Можно спорить о том, было ли нужно России такое геополитическое расширение, имелись ли для этого соответствующие субъективные условия, как отреагировали бы на такую политику бывшие «союзники». Бесспорно то, что СССР, обладавший 12-миллионной армией, великолепно вооруженной, с опытными офицерами и генералами, с привычной победждать, был в состоянии достойно ответить на любую недружественную или враждебную инициативу. Но Сталин и его окружение уже не были способны на неординарные поступки. Они согласились на Думбартон-Окские соглашения по созданию МВФ, на придание доллару США функций мировой валюты, упразднённой золотой стандарт, на территориальный раздел Германии между союзниками и оскорбительную для русских четырёхзонную форму оккупации «союзниками» Берлина и

Вены, штурмом взятых именно русскими войсками. Словом, сталинское правительство в тот период, когда надо было закреплять победы, бездарно их растрачивало, стремясь умиротворить будущих противников России в Холодной войне.

Форма «союза» могла ещё сработать положительно в 70-е годы, после того как Запад «проглотил» ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию, и, по крайней мере, на некоторое время среди руководства этих стран возникло единство политических целей и осознание наличия общей для всех режимов опасности, и европейские государства СЭВ могли быть с их согласия присоединены к СССР в качестве «союзных республик». Тогда в Европе, между границами собственно России, которые проходили по Бугу, Тисе и Дунаю, и странами НАТО был бы воздвигнут мощный кордон из подконтрольных территорий шириной в полторы тысячи километров. Тогда инициатива в ведении Холодной войны была бы перехвачена СССР и развёрнута им в сторону от внутренних русских дел, что составляло главную цель НАТО, и обращена к неблагоприятным для этого блока событиям в странах Азии, Нового Света и Западной Европы. Англосаксам пришлось бы от наступления перейти к обороне.

Зная теперь всю историю СССР от его сомнительного начала до бесславного конца, можно констатировать, что его существова-

ние было серьёзной русской геополитической ошибкой. Ни на одном этапе «союз» не умножал и не мог умножать мощь страны. Более того, чем дольше он существовал, тем опаснее становилась какая угодно форма федерации для политического единства страны. Позволяя унижать и эксплуатировать русских, она создавала почву для русофобии и этношовинизма. Отнюдь не случайно воспитание и образование из поколения в поколение было направлено на то, чтобы получить из так называемых «национальных кадров» антирусский, интернационалистский, высокомерно-шовинистический корпус управленцев. Понятие национальных интересов СССР или России было для него не только пустым звуком, но и чуждым призывом. В конце концов народы русских окраин, постепенно утратившие духовные, экономические, общественные связи с великорусским центром страны, в момент кризиса русского самосознания оказались вовлечёнными своими «руководящими кадрами» (для примеров далеко ходить не приходится, достаточно назвать фамилии Шеварднадзе, Алиева, Назарбаева, Ниязова, Керимова, Лучинского, занимавших высшие партийно-административные посты в структурах власти СССР) в процесс политического разложения государства. При определённом стечении обстоятельств тень оказывается сильнее вещи, а маска может подменить лицо.

Социально-экономический баланс

Принято считать, что символами России в начале XX столетия были лапти и соха, что страну населял неграмотный, а значит - невежественный народ. Известно, что Ленин уничижительно оценивал Россию того времени как «нацию рабов», русских инженеров – «полудикарями», а крестьян – «сонными дикарями, приросшими к своей куче навоза». И так считал не только этот вождь русской социал-демократии, мирового пролетариата и продолжатель дела Маркса-Энгельса. Разумеется, именно так можно было чувствовать Россию, опираясь на впечатления, почерпнутые из произведений Чернышевского, Успенского, Короленко, Чехова и других беллетристов того же направления, тенденциозно-антирусского по своей природе.

В действительности Россия была иной. В экономическом отношении она являлась не менее развитой, чем другие ведущие государства мира. Проблема, однако, заключалась не в качественных характеристиках развития, а в количестве производимого и уровне экономического развития в целом. Для сбалансированного роста объёмов производства и распространения современной промышленности по всей России, вследствие недостаточных производственных накоплений, попросту не хватало инвестиций. Кроме того, природно-климатические особенности, которые обеспечивали один хороший урожай в три года,

не только препятствовали росту столь необходимого народонаселения, но и вынуждали к ведению земледелия, предполагавшего сезонность труда, универсальное совмещение сельского и городского видов деятельности. Там, где создавались русские промышленные производства, а они реально концентрировались в пяти-шести индустриальных районах, один из которых находился в Русской Польше с центром в Лодзи, их производственно-технологический уровень и качество продукции (корабли, самолёты, автомобили, паровозы и т.д.) были не ниже европейского или североамериканского. Ещё более впечатляют темпы хозяйственного роста. За период с 1861 по 1900 год, к примеру, выплавка чугуна в России увеличилась в 10 раз, добыча каменного угля в 43, добыча нефти в 264 раза. Длина сети железных дорог тогда же возросла в 24 раза.

Экономическая причина русской революции, начало которой обычно датируется 1905 годом, но время завершения совершенно неправильно относят к 1917, кроется, с одной стороны, в отказе власти решать земельный вопрос, что касалось интересов почти 90 процентов жителей, с другой, - в пролетаризации или разорении крестьян-ремесленников. Сила обстоятельств превращала их в постоянных жителей городов, отрывая от земледелия и самой природы.

Социальная причина революции скрыва-

лась в архаичной сословно-кастовой системе русского общества, ставшей препятствием для интеллектуального, культурного и имущественного развития. Между объективными потребностями развивающегося уникального, совершенно неповторимого русского хозяйства и возможностями, которые открывались перед огромными массами крестьянской и мещанской молодёжи, существовала пропасть.

Революция, общая продолжительность которой составила на самом деле более чем 30 лет, поскольку её успешное завершение можно датировать 1937 годом, решила все стоявшие перед страной проблемы. Но сделала она её самым радикальным образом. Однако было бы большой ошибкой механически повторять вульгарные оценки, появившиеся в качестве официальных в 20-е годы. Революция не была и не могла быть по своей сути ни рабочей, ни социалистической; поскольку население России являлась крестьянско-ремесленной, победное восстание основной части населения, вне зависимости от того, кто его возглавлял, не может быть никакой иной, кроме как крестьянской революцией.

Радикальное решение аграрного вопроса состояло на первом этапе в национализации земли, а потом и в обобществлении всего земельного фонда страны и уравнивании экономического положения земледельцев сначала как арендаторов, затем – как сельскохозяйственных рабочих, колхозников, юридически организованных в коллективные хозяйства.

Однако, наряду с вполне закономерным решением аграрного вопроса в духе крестьянского уравнительного мировоззрения, революция породила новую неразрешимую политическую проблему. Её источник был вне собственно русского крестьянства. Режим, взявший на вооружение марксизм в его пошло-социологическом виде, как бы это не казалось парадоксальным, был заражён ненавистью к русскому крестьянству, из-за его мелкобуржуазности. Если некий абстрактный «рабочий класс» формально декларировался как класс-гегемон, класс-труженик, господствующий в стране, то крестьянство рассматривалось в качестве одной только реакционной массы. Преследование крестьянства, прежде всего его наиболее квалифицированной, трудолюбивой, энергичной и деятельной части, – так называемого кулачества, – превратилось в подобие паранойи. Понять и объяснить можно, оправдать происходившее нельзя.

Вполне обоснованный, если угодно научный вывод о несовместимости *частной* формы земледелия и *обобществлённой* формы организации промышленности был подменён ложным тезисом о принципиальной несовместимости промышленности и земледелия, о неизбежном антагонизме промышленного и сельскохозяйственного видов труда, об изначальной противоположности города и деревни. Создание производственного потенциала страны сопровождалось отчуждением про-

мышленности от земледелия, города от деревни, ремесленника от земледельца, что противоречило объективным, прежде всего климатическим, географическим и историческим условиям существования самой русской экономики. Причину сравнительно малой её эффективности и опять-таки сравнительно низкой производительности труда следует искать не в изначальной неэффективности условий, в которых им приходится функционировать, а в ошибочной организации производства, игнорирующей его объективные национальные особенности.

Неизбежные кризисы развития социальных отношений, неизвестные предыдущим этапам развития, невольно закладывались ещё в XIX веке, при механическом перенесении на русскую почву европейского мануфактурного и фабричного производства – технологии, форм организации и системы трудовых отношений. Основное отличие России от Европы – ярко выраженный сезонный характер земледелия – игнорировалось. Природно-климатические условия не создавали условия для появления в России особого крестьянского класса, который мог бы заниматься весь календарный год земледелием, составляющим основной, если не единственный источник его существования. Сезонность земледелия, ограниченная четырьмя месяцами в году, естественным образом предопределяла потребность в отхожих промыслах, превращая крестьян по проис-

хождению в земледельцев-ремесленников по виду деятельности.

В Европе и Северной Америке таких ограничений нет. Поэтому, если первоначально возникшие в этих экономических зонах промышленные производства, технологии и средства труда не зависели от сезонности рабочей силы, то в России, когда они были без каких-либо изменений перенесены на русскую почву, европейский характер производительных сил существенным образом повлиял на «возникновение капитализма в России». Вместо того, чтобы учитывать особую природу промышленной рабочей силы, которая сохраняла производственную связь с сельским хозяйством, русских рабочих вырывали из крестьянского мира деревни и прикрепляли отношениями купли-продажи рабочей силы прочнее крепостного права к городскому предприятию. Основная масса сельскохозяйственных рабочих, в свою очередь, лишилась городских заработков и постепенно утратила профессиональные навыки ремесленников.

Результаты принудительной производственно-отраслевой дифференциации оказались печальными. Самодеятельное сельское население, имевшее постоянную работу не более 4-5 месяцев в году, остальное время вынуждено было «переливать из пустого в порожнее», имитируя трудовую деятельность. Из-за бесцельно проживаемых месяцев, лишенных экономического смысла, оно эмоци-

онально деградировало и постепенно спивалось. В свою очередь самодеятельное, преимущественно рабочее население, оторванное от привычного образа жизни, не могло выразить свои способности и в промышленных профессиях, зачастую лишенных творческого начала, и приспособиться к искусственно созданной городской среде, в которой воспроизводились экспериментальные формы, создававшиеся архитектурой модного конструктивизма. Так как жилищное строительство являлось государственной монополией и строго регламентировалось, ситуация осложнялась реализуемым в стране способом расселения. Сначала большую часть городского населения размещали в убогих бараках и коммунальных квартирах, что продолжалось почти 40 лет, затем для него почти два десятилетия возводили панельные «хрущёбы», являвшиеся, по сути, формой изощрённого пренебрежения социально-биологической природой человека.

Кончилось тем, что более чем 100 последних лет не промышленность и земледелие, архитектура и формы трудовых отношений приспособивались к естественным природно-климатическим условиям и к выросшему из них русскому характеру, а наоборот, образ жизни коренного населения и народный характер, имеющие гораздо более чем 1100-летнюю историю, должны были приспособиваться к чуждым, даже враждебным им социально-производственным отношениям и архитектурно-пространственной среде.

Спрашивается, какая сила обеспечивала принуждение? И разве одна только сила была главным стимулом? И только ли насилем можно объяснить пассивность социальных групп, интересами и ценностями которых постоянно пренебрегали? А не коренятся ли формы социальных отношений и их действующие лица в так называемом «азиатском способе производства», якобы присущим патриархальной России, обречённой всегда догонять? Скорее всего, - нет. Всё, что сознание воспринимает как естественный ход вещей, не является насилем и не встречает сопротивления. Русская история XX века как раз демонстрирует более чем активную, пассионарную по Гумилёву, форму взаимодействия русского общества с действительностью. Разве две революции, гражданская война и семь войн с внешним врагом, три из которых были мировыми, не считая десятка более мелких кампаний, не опровергают измышлений об упадке воли, отсутствии энергии, недостатке бесстрашия? Очевидно, что все эти и многие другие положительные качества в народном характере присутствовали в избытке. В том-то и дело, что промышленность и земледелие, формы и размеры жилищ и иные жизненные обстоятельства в общественном сознании из цели превратились в средство, которым можно было пренебречь. Величие целей всегда оправдывает убогость средств.

На самом деле социально-экономическая

действительность предопределялась внешними обстоятельствами. На Российскую Империю за первые 17 лет текущего столетия было совершено два вооруженных нападения – сначала Японии, затем Германии и Австро-Венгрии. Что же касается Советской России, то она находилась в состоянии перманентного противостояния с ведущими государствами Запада. С ними велась Холодная война, включавшая гонку обычных и ракетно-ядерных вооружений, внешнеторговые войны, подрывные и диверсионные операции, наконец - войну идеологий. Положение было ничуть не лучше, чем в период между двумя мировыми войнами. Тогда Сталин выдвинул в 1931 году известный тезис: либо СССР удастся за 10 лет пройти путь, который европейская промышленность прошла за 100 лет, либо «нас сомнут». Чтобы не «смяли», надо было отказаться от многих социальных благ. Бытовая неустроенность, тем более что она находилась на периферии внимания, почти никого не возмущала. Общество находилось в состоянии психологической мобилизации, напряжённого труда, готовясь к неизбежной войне. И она была выиграна.

Тридцатые годы коренным образом отличались от 50-х – 80-х. Холодная война, продолжавшаяся более 45 лет и решавшая вопрос о том, какой коалиции должно принадлежать господство в мире, не привлекала общественного внимания и не вызывала интереса в

«советском обществе». Холодная война была «тайной войной» Кремля. Впрочем, тогда всё стало тайной. Мало кто знал о действительных причинах и ходе Корейской войны. За семью печатями были экономические отношения с государствами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и с Китаем. Вьетнамская война, являвшаяся «горячей» частью Холодной войны, преподносилась лишь как национально-освободительная. Десять лет военные операции в Афганистане пытались превратить в «государственную тайну». Целые военно-промышленные отрасли и города, построенные для их размещения, становились «секретными объектами». О них даже не упоминали. В конце концов, сложилась парадоксальная ситуация. Хозяйственно-экономический потенциал страны разделился как бы на две части – ту, которая находилась на поверхности и была общеизвестна, и ту, которую «спрятали» от общества. Социум также разделился на две неравные части. Большая обслуживала гражданский комплекс, меньшая – «военно-промышленный». Ни одна официальная цифра, исходившая от власти, не соответствовала действительности. Статистика, информация, даже искусство стали «большой ложью», казалось – ложью во спасение, оказалось – наоборот. Ничто не предполагало угрозу, если бы ни одно обстоятельство. Между властью и населением, режимом и обществом, настоящим положением вещей

и их поверхностными проявлениями образовалась пропасть.

Объективных причин экономического кризиса на самом деле не было. Шла борьба за мировое господство, реализовывались важнейшие программы стратегического, прежде всего военно-технического развития. Основные ресурсы шли на цели войны. Личному потреблению оставалось сравнительно немного. Речь не шла об аскетическом существовании. Проблема заключалась в психологии сравнения. Поскольку хозяйственный потенциал России и её союзников по отношению к США и их союзникам составлял не более 20-25%, то достигнутый абсолютный военно-технический паритет неизбежно вёл к значительному (в среднем в 7-10 раз на душу населения) потребительскому диспаритету.

И здесь произошло событие, которое трудно объяснить. В тот момент, когда как раз личное потребление являлось наиболее слабым звеном, его поставили в центр общественного интереса, придали статус критерия для оценки результатов «мирного соревнования двух систем». Начиная с Хрущёва, все правительства старательно внушали населению, что СССР отстаёт от США только по уровню и количеству продуктов потребления на душу населения и что единственной задачей остаётся «догнать и перегнать» американцев по потреблению мяса, молока, яиц и.д. Казалось бы, трудно представить себе более несвоевремен-

ную постановку такой задачи. С одной стороны – направлять большую часть ресурсов и денежных средств на ведение Холодной войны, конца которой не было видно, и, таким образом, развивать военно-технические виды производств, оказывать помощь странам-союзникам, с другой – мистифицировать собственное население близким достижением эры потребительского изобилия, о том, например, что в 1980 году в СССР будет «построено коммунистическое общество». В 1961 году даже приняли программу, в которой утверждалось: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Как тут не вспомнить знаменитое; «что это, глупость или измена?».

Возможно, авторы этого чудовищного лозунга преследовали прагматические цели. Не исключено, что имелось в виду повлиять на настроение населения стран противника, представить дело таким образом, что «социалистический лагерь» вот-вот станет потребительским раем. Но не надо было обладать чрезмерной проницательностью, чтобы понять, что, отказавшись от серьёзной экономической политики, власть перешла к политике экономического авантюризма. Провал этой чисто политической пропагандистской акции можно считать прологом смены социально-экономического строя, и, вслед за этим, смены политического режима. Неясным была лишь дата неизбежного конца, что не могло

не стать предметом подрывных акций со стороны США, в которых принимали участия и их активная агентура в самом СССР в лице так называемых диссидентов.

Общественно-политический баланс

На протяжении XX столетия в России имели место быть несколько политических режимов: две формы монархии (с 1901 по 1917 год) и пять форм республики (с 1917 по 2000 год). Столь быстрая смена форм общественной жизни имеет свои предпосылки. Всё дело в том, что она развивалась стремительными темпами, в связи с чем ни одна форма правления не имела возможности укорениться, стать привычным образом жизни для нескольких поколений.

Абсолютная монархия, унаследованная от предшествующих столетий, уже к 1905 году стала невыносимой для практически всех существовавших тогда сословий. Император постепенно утратил не только сакральные качества, традиционно присущие русскому православному царю, но и столь необходимый любому главе государства авторитет. Не в последнюю очередь этому способствовало три обстоятельства – с одной стороны утрата православной Церковью способности влиять на сознание и настроение население, с другой – распространение книгопечатания и кинематографа. Помазанник Божий в глазах простого народа оказался обычным, ничуть не

выдающимся и даже невзрачным человеком, «гвардейским полковником». От нимба помазанника не осталась и следа.

Всё общество, особенно высшие классы, требовали конституции, под которой подразумевалось установление народного представительства. Существовала уверенность, что стоит «народу» предоставить право избирать своих представителей в «русский парламент», как в жизни страны произойдут немедленные улучшения. В отличие от бюрократии, назначаемой царём и подчиняющимся его воле, бюрократии, которая «страшно далека от народа» и не знает его насущных потребностей, появится такое поколение общественных деятелей, законодателей, которые примут правильные государственные установления, и все неудобства отпадут сами собой.

В октябре 1905 года *абсолютная* монархия в России пала. Как полагал С.Ю. Витте, бывший в то время одним из ключевых деятелей правительства, это событие явилось результатом «многолетнего сильного брожения и политических убийств, резкой смуты во всех частях России». Её сменил режим монархии *конституционной*, регулируемой сводом основных законов Империи и ограниченной представительными учреждениями – Государственной Думой и Государственным Советом. Одновременно подданным «даровали» «незыблемые основы гражданской свободы», предполагавшие неприкосновенность личности,

свободы совести, слова, собраний и союзов, причём в таком объёме, которого не достигли даже в государствах Европы. Для партий, не ставивших своей целью ниспровержение существующего строя, открылась возможность беспрепятственной деятельности.

Режим, приступая к решительному изменению образа правления и строя общественной жизни, демонстрировал веру в «политический такт русского общества». Господствовало предположение, что русское общество не желает анархии, угрожающей не только ужасами борьбы, но и расчленением государства. Власть демонстрировала полное незнание общества, которым пыталось управлять. «Немыслимое» оказалось неизбежным. Политическая реформа в действительности явилась не способом укрепления власти и умиротворения народных волнений, а лишь отсрочкой, продлившей на 12 лет существование сословно-бюрократического строя и монархического образа правления.

Ни одна политическая сила общества, включая монархистов, не считала себя обязанной быть лояльной установленному порядку вещей. Общественная жизнь представляла собой непрерывную череду заговоров и интриг, в которых принимали участие даже сами власти. Господствующие классы – бюрократия и дворянство, не желали пожертвовать даже крупницей своих привилегий, превращая тем самым даже образованную и состоятельную

часть общества в своих противников. Нижняя палата русского парламента – Государственная дума – выступила детонатором политических возмущений. Из властного органа, через который должны были создаваться государственные законы, она сразу же после своего возникновения превратилась в политический клуб, в котором рождались и озвучивались интеллектуальные подстрекательства для общественных возмущений. Отсюда известные слова П.А. Столыпина, председателя кабинета министров, обращённые к членам Думы 10 мая 1907 года: *«Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия»*. Но сторонники этой точки зрения находились, да и сейчас находятся, в подавляющем меньшинстве.

Ни политические лидеры, ни общественные деятели, ни предприниматели, ни служащие, ни квалифицированная часть наёмных рабочих, ни крестьянство не были удовлетворены своим положением. И требовался лишь подходящий повод, чтобы зревшее недовольство обрушилось на страну, словно стихийное бедствие. Таким поводом стали события мировой войны, развязанной, к стати говоря, властями Германии, Австро-Венгрии, Франции и Великобритании. При этом для организаторов и участников разного рода беспорядков не име-

ло значение ни состояние внешней угрозы, обусловленное серьёзными неудачами на фронте в 1915 году, ни необходимость исполнения гражданского долга перед отечеством в тылу, ни даже выдающиеся военные успехи, которые были достигнуты армией в 1916 году. Что бы ни происходило в Империи, на фронте или в столицах, разнуздавшаяся пресса, находившаяся по преимуществу в собственности еврейства, и бесчинствующие политики, вроде профессора Милюкова, визжали о «глупости и измене», которые, якобы, поразили власть и двор.

Общество, впавшее в состояние психастении, было убеждено, что власть предаёт интересы России, что император «слаб» и неудовлетворительно исполняет свои обязанности, а двор кишит изменой, во главе которой стоит сама императрица – «немка», на самом деле в детстве воспитанная англичанкой и превратившаяся в России в православного русского человека. Недоверие общества и армии к власти императора в действительности являлось свидетельством серьёзного противоречия между архаичной системой формирования и деятельности институтов власти, опиравшейся на личную преданность царю, и процессом рождения национального мировоззрения. Всё дело в том, что Россия сословно-феодалная уже стала превращаться в Россию национальную, и эта метаморфоза оказывалась несовместимой с существовавшими админи-

стративными, экономическими и социальными формами. Последние были обречены на упразднение или уничтожение.

Антиимператорский заговор в феврале 1917 года, вынудивший династию отречься от престола, смешал все карты так называемого образованного общества и превратил благоустроенное в целом государство, бывшее накануне решительной военной победы, в кипящий, неуправляемый, взрывоопасный котёл. Армия утратила способность вести боевые действия, государственные учреждения лишились возможности исполнять функции управления вверенными областями, законы перестали исполняться, но главное – не нашлось сил, которые бы могли восстановить общественный порядок, защитить от анархии государственный уклад, предотвратить «расчленение государства». Воистину «распалась связь времён». Одна из главных причин, породивших хаос, заключалась в том, что власть, выпавшую из рук монарха, подобрала либеральная интеллигенция, составившая Временное правительство и её органы на фронте и в тылу, интеллигенция, для которой главным противником был не внешний враг, с которым Россия вела войну, не «бессмысленный бунт» обозлённого, дезориентированного населения, а само Российское Государство. Оно и оказалось первой жертвой «демократической революции».

Поскольку режим Временного правитель-

ства, или 1-я республика, был безбрежно либеральным, и в силу этого игнорировал реальное положение страны, а Россия «с сегодня на завтра», не прекращая войны, превратилась, как заявил Ленин, в «самую демократическую страну в мире», то установившееся правление заведомо было слабым и недолговечным. Вне зависимости от того, стремилось к этому само правительство или нет, оно фактически расплачивалось за своё существование распадом русской государственности и утратой дееспособности всех институтов власти, хаосом в экономике, ядовитым идеологическим плюрализмом, стимулированием территориально-сепаратизма и этнического шовинизма, но главное – нравственным разложением армии. Попытка спасти 1-ю республику от краха, предпринятая генералитетом во главе с Корниловым, была скорее актом отчаяния, нелепой непрофессиональной импровизацией, нежели тщательно продуманным заговором.

Возникшая на волне октябрьского переворота 2-я республика, власть в которой первые восемь месяцев принадлежала коалиции большевиков и левых эсеров, провозгласила Россию «советской», «федеративной» и «социалистической». Так появилась аббревиатура РСФСР. Россию 2-й республики характеризовали три обстоятельства: доминирование в обществе уравнилельных настроений, которые принято назвать социалистическими, захват власти партией, которая сама себя на-

зывала «якобинской», и, в качестве естественного следствия этого, состояние гражданской войны, сопровождавшееся присутствием на русской территории иностранных войск, которые участвовали в боевых операциях.

Режим 2-й республики, имевший конституцию, принятую «съездом советов» летом 1918 года, демагогически используя риторику «марксизма» и ложно трактуя события в Европе и Азии, объявил претензию на мировое господство, драпированное призывами к мировой революции пролетариата. Но так как для глобальных претензий у России не было материальных и военно-технических условий, все внешнеполитические притязания «большевистского» режима окончились его сокрушительными военными поражениями. Единственное, что ему удалось сделать – одержать победу над различными вооруженными противниками, враждовавшими к тому же между собой. Гражданская война обошлась России примерно в 11 миллионов жизней, созданием множества квазигосударств на её территории и необходимостью установления в стране жесткой диктатуры «ордена меченосцев», в который постепенно превратилась РСДРП. Логика социально-политического развития всегда оказывается сильнее «всесильных теорий».

Неминуемое поражение большевистского режима, и прежде всего идейного, стало очевидным после неудач в Польской войне, мя-

тежа Балтийского флота в Кронштадте, Антоновского восстания в центре России, разгула этно-сепаратизма на Юге России и в Закавказье. Они заставили вождей большевизма пойти на радикальные социально-экономические и политические изменения. В 1922 году Российскую республику, как государственную форму организации России, упразднили, и её сменило новое конфедеративное образование – СССР. Россию формально разделили на 6 никогда дотоле не бывших «союзных» «социалистических» «республик», образовавших «союзное государство», при этом название РСФСР сохранили за неким образованием, включавшим Великороссию, Сибирь и Туркестан. В 1936 г. от РСФСР отторгли Туркестан, образовав на его землях 5 «союзных республик», в 1940 – Карелию, в 1956 году возвращённую в состав РСФСР под видом «автономии». Конфедеративный характер государственности, закреплённый конституционно, вытекал из права каждого члена «союза» на «выход» из него. Иначе говоря, во имя сохранения реальной власти, зашатавшейся у них под ногами, большевики пожертвовали юридической целостностью и национальным единством Российского государства.

3-ю республику, существовавшую до 1991 года, на первых порах отличали прагматизм и прочность, но не благодаря государственным установлениям, а вопреки им. Власть в «союзе» принадлежала на практике не офи-

циальным органам, а партийной администрации, не государственным служащим, а чиновникам «партии». Повседневная жизнь регулировалась директивами ЦК и Политбюро, а не законодательными актами. Общим правилом здесь было откровенное несоответствие между заявлениями власти и её делами, решительное противопоставление содержания общественно-политических отношений декларируемой форме. Многие десятилетия режим жонглировал народностью на словах, и тут же - пренебрежением интересами народа на деле.

Противоречие в той или иной мере уравновешивалось методами или приёмами властвования. Внутренняя стабильность обеспечивалась партийной олигархией, властвование которой являлось проявлением беззастенчивого деспотизма. Закономерным следствием такого положения вещей стало постепенное отчуждение населения, ставшего немым «коллективным Герасимом», и власти, убеждённой, что она может делать в стране всё, что ей заблагорассудится. Социальная зрелость общества усиливалась, тогда как форма её самоорганизации оставалась неизменной. Но деспотия не может быть немощной и дряхлой. Ей вообще противопоказана старость. Как только смена лиц, осуществляющих власть, задерживается или прекращается, а именно это и произошло в конце концов с партийным аппаратом в СССР, превентивный страх

перед властью сменяется перманентным презрением к ней.

Закономерный подъём хозяйственного потенциала, выросшего в период 3-й республики примерно в 100-110 раз, монополия общенародной собственности не только на средства производства, но и на непроектные основные фонды, требовали многочисленного государственного управленческого персонала, и так называемые «национальные кадры», создававшиеся десятилетиями для заполнения доходных вакансий на периферии, которым прививали стойкую ненависть ко всему русскому, оказались орудием разрушения 3-й республики. Иначе говоря, хозяйственная и государственная бюрократия, десятилетиями скромно, но отнюдь не бескорыстно, существовавшие в тени бюрократии партийной, исполнила роль её могильщика. Партийный характер управления изжил себя. Он стал никому не нужным, даже самому партаппарату. Поэтому не было необходимости ни в заговорах, ни в пушечных залпах, ни в штурмах. Для падения режима было достаточно действия самодельных «туристских» песен, зубоскальных анекдотов с кукишем в кармане и пошлой эстрадной сатиры, наконец, – опереточного путча. Роль народных трибунов выполняли не честолюбивые адвокаты, а артисты разговорных жанров и циничные журналисты.

Само собой разумеется, что переход от аб-

солютной монархии к конституционной не является политической революцией, хотя в России такое превращение в 1905 году сопровождалось массовыми беспорядками. Их первопричина была существенно глубже. Революционный переворот носил не столько политический, сколько формационный характер. Сословно-дворянский уклад жизни, обеспечивший непрерывный экономический рост и в то же время исчерпавший свой потенциал, уходил в прошлое, и на его смену выступал революционный класс крестьян-ремесленников. Переход в 1922 году от 2-й к 3-й республике также не являлся политической революцией, хотя и закладывал под государственные устои России бомбы огромной разрушительной силы – в виде этнического суверенитета и конфедеративного устройства.

Иное дело – падение 3-й республики. Опять, как и в 1917 году, дело шло об изменении формационных основ, социально-политического уклада. Россия преимущественно сельская, ремесленно-крестьянская, каковой она была на протяжении всего XX столетия, незаметно превратилась в Россию городскую, буржуазную. Если в 1917 году соотношение жителей городов и сельской местности выражалось как 20:80, то к 1989 году оно составляло примерно 70:30. Страна, социальная природа которой изменилась коренным образом, в которой стали проявляться в массовом порядке гражданские потребности, нуждалась в новых по-

литических формах. Когда происходят революции? Неверно, что они совершаются при упадке духа или из-за тяжкого имущественного положения большинства. Напротив. Политические революции происходят на гребне общественного подъёма, на волне экономических успехов, под впечатлением нереализуемых возможностей, достижению которых, как полагает активная часть общества, препятствует существующий режим. Знамена любой революции всегда испещрены словами надежды на лучшую жизнь.

В 1989-91 годах в Советской России (СССР) произошла именно такая революция. Её полки и батальоны составляло по преимуществу население больших городов, на митингах они возглавлялись так называемой интеллигенцией, в том числе её «творческой» фракцией, но действительное руководство социальным переворотом, все основные рычаги власти и основное вещное и денежное богатство достались хозяйственной бюрократии, а в «союзных» и «автономных» республиках - этническим «руководящим кадрам».

Как и в первую революцию, формальным поводом для массового движения в которой было стремление низвергнуть монархию, так и во второй революции главный лозунг заключался в низвержении партийной монополии на власть. «Долой самодержавие» было написано на знаменах первой революции, «долой б-ю статью» – на знаменах второй. И то и

другое было самообманом, поскольку к 1917 году монархия в России уже 11 лет не была самодержавной, а к 1989 году КПСС не являлась партией реальной власти. Самодержавие и партийная диктатура являлись не отражением в общественном сознании фактического положения вещей, а болезненно закомплексованным самоощущением общественного сознания, не воспринимавшего действительность как она есть.

Лишь на первый взгляд 4-я республика возникла 21 августа 1991 года под крики ликующие московской толпы возле Дома Советов России «Ельцин, Ельцин, Ельцин!», когда позорно исчез виртуальный, существовавший только в телеэкранах ГКЧП. На самом деле она заявила о себе годом раньше, 12 июня 1990 года, после того как Съезд народных депутатов РСФСР почти единогласно принял пресловутую Декларацию о государственном суверенитете. Тем самым Российская республика де-юре заявила о выходе из Союза республик, сделав его существование, таким образом, принципиально невозможным. Сущность 4-й республики выразилась не только в химерической суверенизации «республик», но и в осуществлении на практике деструктивного, откровенно провокационного и подрывного «права наций на самоопределение вплоть до отделения», права, использовавшегося врагами России в качестве оружия пропаганды против её территориальной целостности и политического единства.

В начале первой революции такой пропагандой занимались прозападные социал-демократы (большевики) и различные этно-сепаратисты, теперь – всё те же этно-сепаратисты и большевики новой формации – прозападные “либерал-демократы”. Если с этно-сепаратизмом всё так или иначе было ясно, - он с годами не менялся, разве что менял хозяев, - то изменение идеологической окраски большевиков вполне объяснимо. Они отражают не собственные идеи, мысли, доктрины, которых у них нет и никогда не было, а идеи, мысли, доктрины, господствующее среди западных интеллектуалов. В начале XX века по Европе бродил «призрак коммунизма», в его конце – «призрак либерализма». Не случайно многие известные большевики-либералы (Боннэр, Гайдар, Афанасьев, Окуджава, Бойко, Никонов, Чубайс и т.д.) оказались внуками или иными родственниками известных большевиков-коммунистов.

Как бы там ни было, идеологической предпосылкой свержения 3-й республики, а вместе с нею и всего жизненного уклада, стало духовное слабодушие её столпов - партийной аристократии и опостылевших «кремлёвских старцев», которых вначале перестали бояться (их продолжали бояться лишь «диссиденты», замуравившие себя в собственных квартирах и дачах), затем перестали замечать. Репутации режима непоправимый ущерб наносили коррупционеры, предатели и демагоги, пере-

полнившие кабинеты Кремля, Старой площади и Лубянки, сменив там энергичных «децемвиров» эпохи Сталина.

Три знаменитых августовских дня 1991 года, ставшие последними в жизни 3-й республики, хотя её формально-юридическое существование продолжалась ещё несколько недель, оказались менее трагическими, чем карнавалы в Рио-де-Жанейро. Новая трагедия страны воспринималась с облегчением выздоравливающих после тяжкой болезни. Агонию государства перепутали с последними конвульсиями режима. Наступающий хаос приняли за наступление долгожданного порядка. Запах гражданской смуты приняли за аромат «демократии и свободы». Русское революционное прошлое вернулось в действительность своим вторым изданием. Август 1991-го явился подобием марта 1917-го. Повторилось всё, даже братание между окопниками воюющих сторон. Тогда это были германцы и австрийцы Первой мировой, теперь американцы и европейцы-натовцы Холодной войны.

4-я республика оказалась столь же недолговечной, как и 1-я. Она пала в результате государственного переворота через два года. Неустойчивость и внутренняя слабость режима 4-й республики объясняется просто – он не устраивал ни один политический лагерь, тогда существовавший. Ни коммунистов, потерпевших поражение в борьбе за власть в августе 1991, но сохранившие кое-где свои эко-

номические интересы; ни либералов, захвативших власть в объёме правительственно-президентских структур и новоявленного «правительства города Москвы» под фактическим водительством властолюбивого вице-мэра; ни национал-государственников, - единственную политическую фракцию общества, которой не досталось ничего. Кроме того, законодательные и административные институты власти, оставшиеся от 3-й республики, находились в состоянии непрерывной грызни. Режим постоянно раздирали то парламентские, то правительственные кризисы, дополнявшиеся кризисами на региональном и местном уровне. Наконец, время от времени обществу услужливо сообщалось, что неизбежен государственный переворот, который учинит президентская камарилья (Бурбулис, Лужков, Гайдар, Чубайс и т.д.). Слухи были столь настойчивы, а поведение президента и его клевретов настолько недвусмысленно, что летом 1993 года уже ни у кого не было сомнения, что переворот произойдёт, и споры относились лишь к тому, когда Ельцин пойдёт на разгон Съезда – в августе или сентябре.

У 4-й республики, как в прошлом и у 1-й, в самом обществе не оказалось серьёзного, дееспособного защитника, социального слоя, который мог бы стать его сторонником. Ситуацию прояснили результаты референдума, состоявшегося 25 апреля 1993 года, они предопределили неизбежность переворота.

Сторонников Ельцина и, следовательно, противников 4-й республики среди избирателей оказалось 38%. Им противостояло 25% весьма разношерстных избирателей, от коммунистов до монархистов. Объявили нейтралитет 37%. Следовательно, враждебность к либеральной исполнительной власти выразили 34 млн. голосовавших, к законодательной – 46,2 млн. В состоянии удовлетворения от экономической политике администрации находились 36,5 млн., но 30,6 млн. её не приняли, а 40,2 млн. уклонились от обсуждения.

Тем самым нация оказалось не в состоянии определить судьбу режима. Его политика не консолидировала, а расколола страну на части. Но дело шло не к гражданской войне, как многие полагали, а всего лишь к социальному равновесию политических противоположностей. Напряжение сконцентрировалось в различных институтах власти. Судьба государственных институтов, не зависевших от общества, оказалась в руках политической олигархии, верхних десяти тысяч. Пауза, наступившая после референдума, оказалась периодом их маневрирования, поиска союзников, выискиванием ошибок у противников, инспирированием шумных скандалов и ожидания, у кого первыми сдадут нервы.

Обречённость 4-й республики объясняется неизлечимой болезнью государственных институтов – их безвластием. Дело в том, что никому не было выгодно сохранять статус-кво.

Так называемые либералы, победив в августе 1991 года и стремясь заполучить всю полноту власти, не собирались сохранять парламентскую систему. В перспективе она могла закрепить в стране неподходящую им форму правления, создающую строй представительной демократии. Сторонники коммунистов, потерпев поражение, находились с 1991 года в состоянии депрессии. Им были антипатичны обе фракции, имевшие большинство во враждующих лагерях, которые незадолго до этого были одной командой. Так называемых центристов, своеобразную генерацию преждевременных демократов, заседавших в законодательных учреждениях и составлявших там большинство, раздирали внутренние противоречия, превращая их из органов власти в дискуссионные клубы. Но этот недостаток быстро изживался, и Советы уже превращались в некое подобие конвентов, что заставляло партию Кремля торопиться. Отсюда известные артиллеристские эксцессы сентября-октября 1993 года и победная оргия имущественных хищений, охватившая ельцинистов под видом приватизации государственной собственности. Она не прекратилась и доныне.

В грядущей 5-й республике концентрируются практически все противоречия, которыми больна страна, и от которых она то ли не может, то ли не желает избавиться. Тупое равнодушие народа, власть, превратившая

национальные интересы в товар, которым она торгует направо и налево, некомпетентность законодателей, казнокрадство, жульничество и лихоимство, распространённые как никогда широко и глубоко. Что осталось от светлых и замечательных качеств, которыми можно и должно гордиться? Народ-бессребреник, народ-воин, народ-жертвенник, народ-труженик... Где всё это?

Факт складывания режима 5-й республики показывает, что социально-политический и духовно-нравственный климат в стране изменился. И отнюдь не в лучшую сторону. Обычно принято считать, что революции носят некий прогрессивный характер, позволяющий совершаемым их нациям, сбросив обветшавшие одежды прошлого, резко продвинуться вперёд. Русская революция начала века была именно такой, но она смогла преодолеть кризис либерального разрушения лишь благодаря гражданской войне.

Сейчас происходит нечто противоположное, и не в последнюю очередь потому только, что социально-политические противоречия, которые не только объективно существуют, но и накапливаются, остаются в замороженном, заторможенном состоянии. Следовательно, происходящая в современной России революция, по крайней мере, на её современном этапе, является регрессивной. Поэтому каждый день существования политического строя, возвышающегося над обществом, не

может не наносить ущерб России и её будущему. В народонаселении, его культуре, нравственном состоянии, промышленности и земледелии, государственных институтах и прежде всего армии и службах безопасности проявляются явные признаки дегенеративности. Над гражданами доминируют охлос и люмпен, расплодившиеся по стране в устрашающих количествах, главным средоточием которых стали крупные города, прежде всего космополит-Москва.

Что же получается? Сущность всех монархических и республиканских режимов, существовавших в России на протяжении последнего столетия, состоял в том, что они пытались вытеснить образ жизни, естественным путем господствовавший на протяжении сорока поколений, и навязать обществу отношения, ей глубоко чуждые или несвоевременные. При этом каждый режим либо сразу, либо чуть позже превращался в авторитарную, тираническую или деспотическую диктатуру бюрократии. Каждый режим пытался навязать не свойственные стране правила личного и общественного существования, насильственно, применяя оружие и средства устрашения, насаждал чуждые моральные и нравственные установления, вместо того, чтобы опираться на то, что уже было создано множеством поколений и доказало свою силу и способность к развитию. Исключения были крайне редки и наступали только в периоды очевидной, ясно

осознаваемой внешней угрозы. Тогда власть умнела, а страна побеждала.

За истекшее столетие русское общество, совершив своеобразный кругооборот в своём развитии, оказалось примерно в той же критической точке, что и на рубеже веков сто лет назад, но только на более высокой социально-экономической ступени развития. И опять перед Россией стоит трудная задача. На этот раз существует объективная необходимость превращения многонародной России в единую национальную Россию, страны с множеством политических режимов, раздирающих её на части, в русское национальное государство.

Духовно-нравственный баланс

Русское общество вступило в XX век в состоянии глубокого духовно-нравственного кризиса. Причина была не только в том, что исчерпал себя многовековой сословный принцип его организации и вместе с ним сословный характер морали, религиозная основа народной культуры. Такие исконные основания русской жизни, как справедливость, воля, правда, традиция стали замещаться своим формальным подобием - правом, свободой, истиной и деньгами. Слово туман или дым, испарился, исчез авторитет русской православной церкви. Над священниками откровенно издевались, а храмы опустели. Публика заполнила театральные залы, подменяя

высокую этику жизни поверхностной эстетикой быта, и, разочарованная словами пастыря, уверовала в слово писателя, как правило, критического реалиста или физиолога-обличителя.

Русская литература, в основании которой были положены произведения положительного реализма Ломоносова, Державина, Карамзина и Пушкина, в своей массе изменила основоположникам. Читающая часть общества всерьёз и надолго увлеклось сочинениями и идеями Фонвизина и Новикова, Радищева и Рылеева, а образцом отношения к России и русской жизни оказалось не «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина, а «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. На протяжении всего XIX столетия, заложившего основы духовной среды русского человека, появившегося уже в XX веке, художественная литература и публицистика приобретали свойства убедительного обличения. Они формировали одно только критическое мировоззрение читающего русского человека. Если справедливо утверждение, что «кадры решают всё», то стократ верно вытекающее из него следствие – «кадры учителей всё предрешают». Прусский учитель, как известно, создавал Германскую империю, русский – уничтожал Российскую.

Литераторы и публицисты, многие из которых обладали многими положительными качествами, тем не менее, вдохновенно и та-

лантливо сначала извратили русскую жизнь и её коренные основы, а затем вдохновенно и талантливо заразили нигилизмом русское сознание. Лермонтов вывел на своих страницах в качестве «нашего современника» демонического «лишнего человека». Гоголь обнаружил в России одни только «мёртвые души» (а когда осознал свою ошибку, было поздно). Тургенев опозитизировал бездеятельность и рефлексию обитателей умирающих «дворянских гнёзд». Достоевский в своих художественных произведениях забрался внутрь истерзанной и больной русской души, извлекая оттуда то «униженных и оскорблённых», то «игроков», то «бесов». Лев Толстой создал в качестве образцов для подражания такие, в сущности, гротескные типы, как семейства Ростовых, Болконских и Облонских, которым экзальтированная публика пыталась подражать, а «положительный образ» народа – в Платоне Каратаеве, которому не подражал никто. Салтыков-Щедрин, признававшийся, что он любит Россию до «боли сердечной», тем не менее, вывернул наизнанку её историю и превратил сатиру и гротеск из литературного жанра в образ мыслей. Чехов обрушил на Россию полчища «печенегов», «человеков в футляре», «душечек», «хамелеонов», «злоумышленников», завершив свой творческий путь несколькими драматическими профанациями. Наконец, ранний Горький подытожил литературный век образами босяков и пьяниц,

которые безапелляционно поучали трезвых и работающих людей, как надо жить. Главный недостаток русской литературы заключался в том, что она никогда не пыталась даже создавать образы русского героя и никогда не стремилась сделать объектом творчества героическую русскую историю, русского человека – как настоящего героя нашего времени. Она их попросту не замечала. И поэтому в русской литературе не создавалось ничего, что было бы подобно произведениям Вальтер Скотта, Майн Рида, Купера, Дюма, Жюль Верна, наполненным сочной, полнокровной, гиперболизированной историей Европы и Нового Света и захватывающими приключениями, воспитывающими деятельных натур. В каждой национальной литературе можно найти положительное героическое начало, кроме русской. Ещё мрачнее развивалась русская публицистика. Радищев стал для неё образцом для подражания. Неистовый Белинский, словоохотливый Герцен, плодовитые Чернышевский, Добролюбов и Писарев, разнузданный Бакунин, вьедливый и «пустой» Михайловский, все они были охвачены страстью к разрушению основ, вкривь и вкось, но убедительно для полуобразованной публики трактуя прошлое и настоящее России.

Именно на этой литературной почве выросли целые поколения ниспровергателей если и не по образу действия, то по образу мыслей. Прославление бунтов, подобных разинщине и

пугачёвщине, и отрицание неизбежной и насущной реформ Петра Великого. Героизация и сострадание подлому декабрьскому мятежу и неприятие всего царствования Николая I. Непрерывная критика «великих реформ», завершившаяся «революционным» хождением в народ и терроризмом. Ещё более оголтелая критика так называемых контрреформ, вопреки очевидному стремительному развитию страны в царствование Александра III. И так далее в том же стиле и том же духе. Дело усугублялось тем, что одновременно с этим развивалась народная грамотность, которая давала, благодаря книготорговле и газетам, возможность внедрять идеи критицизма в неокрепшее ещё сознание людей, чей иммунитет к подрывной пропаганде антиправительственного и антигосударственного направлений был существенно ослаблен.

Ведущее значение в этом процессе занимал особый общественный класс – русская интеллигенция, претендовавшая на то, чтобы быть «солью земли» и мозгом нации. В начале века интеллигенция занимала по отношению к действительности резко отрицательную позицию. Отрицанию и высмеиванию подвергалось всё сущее – религиозные заповеди и моральные установления, государственное устройство и экономический уклад, культурные традиции и общественные привычки. В конце концов, дух нигилизма превратил интеллигенцию в системного противника, фрондёра, врага Рос-

сии, что было бесстрастно зафиксировано авторами сборника «Вехи», опубликованного в 1909 году. Главные свойства интеллигенции: *«легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения»* (П.Б. Струве). И в то же время твёрдое убеждение, что *«путь, которым до сих пор шло общество, привёл его в безвыходный тупик»* (М.О. Гершензон).

Кто в действительности оказался в тупике – общество в целом, какая-то его обанкротившаяся часть, массовое сознание или что-то ещё? Какой бы ответ не был получен, в любом случае из «безвыходного тупика» существует лишь один настоящий выход – радикальный прорыв, разрушение действительности, революция, сметающая какой угодно «тупик» с лица земли.

Важно и то, что безграничная критика всего и вся, сменившая церковные поучения, одержала безусловный верх, что и предопределило в дальнейшем характер русской революции, ставшая свершившимся фактом в 1905 году. Дело не ограничивалось требованиями «демократических свобод», «конституции» или «республики». В стране, традиционно отдающей первенство слову и мысли, объектом ожесточённой борьбы стало само мировоззрение, борьба за самосознание. В этой борьбе, которая в дальнейшем переросла в Гражданскую войну, русская православная Россия пала под ударами России воинственно-безбожной

и «интернациональной». Но иного и быть не могло.

Крестьянская Россия, победившая в результате революции 1905-36 годов, утвердила не только желательные ей отношения собственности, феодальные по своему существу, но и такую систему власти и административно-государственное устройство, которая было больше похожа на удельное деление. В России, под прикрытием коммунистического учения, одержало верх крестьянское мировоззрение. Когда не в меру принципиальные теоретики приходят в неистовство, анализируя морально-нравственные и этико-эстетические нормы, существовавшие в период Советской России, обращая внимание на несоответствие теоретического «научного коммунизма» и «коммунистической практики», они ошибаются.

Коммунизмом, который существовал в трудах одних лишь «основоположников», в Советской России и не пахло, но не из-за «тоталитаризма», «перерождения» и тому подобных «страшилок», придуманных «советологами» по ту и эту сторону «железного занавеса». Этот период русской истории был не воплощением кабинетной теории, не её практическим воплощением, вроде кратковременной «Парижской коммуны», существовавшей 72 дня, а так называемым «крестьянским социализмом» или, если угодно, «феодальным социализмом», существовавшим целых 70 лет в качестве ми-

ровой системы. Не случайно, после того как победоносно для большевиков закончилась гражданская война, Ленин отказался не только от лексики и риторики военного периода, от прямолинейности марксиста-догматика, и, перейдя на нормальный язык, настаивал на утверждении в России не непосредственного коммунизма, не социализма даже, а «государственного капитализма» при «строении цивилизованных кооператоров». Не социализм, а кооперативный капитализм приобрёл для Ленина определённую привлекательность и перспективность по сравнению с теми иллюзиями, которыми была переполнена его же публицистика предшествующих лет и особенно периода 1917-20 годов.

Если проанализировать сравнительно малоизвестные стенограммы партийных съездов и партконференций, проходивших в период 1921-34 годов, и занимающих по полторы тысячи страниц и больше, то станут понятными не только причины существовавших в Компартии (РКП, ВКП) разногласий, но и драматические формы, которыми они, в конце концов, завершились для одной из сторон. Столкнулись две доктрины: коммунистическая, представленная большевиками-теоретиками, такими как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и т.д., и прагматическая, возглавлявшаяся большевиками-практиками - Сталиным, Куйбышевым, Дзержинским, Фрунзе, Орджоникидзе. Существовала альтернатива:

либо реализация абстрактных идей, сформулированных в «Коммунистическом манифесте», либо решение реальных задач, стоящих перед конкретной страной. Особо ожесточённые споры между этими фракциями проходили в 1921 году с левацкими группами и в 1927-29 годах с троцкистами. Определённый деспотизм в управлении хозяйством или государством, а также идеологическая монополия, предполагавшие отсутствие какого-либо плюрализма в чём-либо, были объективно обусловлены установившейся системой экономических отношений, в том числе отношений собственности, а также идейно-политическими противоречиями, возникшими между Советской Россией и так называемым «миром капитала». В работе «Политическая экономия Советской России» (опубликована в бюллетене «Континент Россия» № 12 за 1997 год и альманахе «Золотой Лев» № 1-2 за 1998 год) эта тема была исследована более подробно, потому нет необходимости здесь на ней останавливаться.

В результате многолетних дискуссий возникла та система теоретических представлений и взглядов, которая получила наименование «сталинизма», примерно до 1983 года, с перерывом на 1956-63 годы, когда власть оказалась в руках «ревизионистской» группы Хрущёва, являвшаяся в той или иной степени теоретической основой для всех государственных институтов в их практической деятельности. Пока общественная идеология

оставалась внутренне непротиворечивой и соответствовала уровню социального и экономического развития, она вполне удовлетворяла массовое сознание. Затем всё изменилось.

Разложение господствующей идеологии, формально называвшейся коммунистической, но в действительности являвшейся крестьянской, началось как неизбежное следствие, во-первых, разложения на протяжении XX века самого крестьянского общества, по мере развития страны ставшего преимущественно городским, и, во-вторых, перерождения господствующего класса.

Моральное перерождение обычно связывают с периодом власти Хрущёва, формальным отрицанием «сталинизма», но на самом деле всё началось гораздо раньше. Уже во время Великой Отечественной войны, после того как войска продвинулись в Германию, генералитет действующей армии был уличён в коррупции и мародёрстве. К преступлениям такого рода были причастны маршалы Жуков и Конев, в отношении которых производились следственные действия, впоследствии прекращённые. Имущественные злоупотребления охватили значительную часть офицерского корпуса. Когда миллионы офицеров были демобилизованы, они привнесли армейскую безнравственность в гражданскую жизнь. Но ещё большая эрозия происходила в партаппарате, постепенно утратившим какие-либо полезные общественные функции.

Оказавшись в завоёванной Европе, увидев уровень и качество жизни европейских народов, победоносная 15-миллионная армия неожиданно для себя поняла, насколько низок уровень повседневной жизни основной массы населения СССР. Для многих это был шок. Ибо в общественном сознании существовало большое предубеждение на этот счёт, создававшееся официальной пропагандой, пользовавшейся безоговорочным доверием. В своём большинстве русские не знали, как напряжён, по сравнению с другими странами, они работают и как бедно, в сравнении с ними, они живут. Именно сравнение открыло им глаза. В дальнейшем подобные впечатления возникали в частях советской армии, находившихся вплоть до 1991 года в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии. За 40 лет через эти войска прошло не менее 6 млн. молодых людей. Всё это время системы образования, воспитания и пропаганды, действующие в СССР, не обеспечивали достоверных знаний о том, в чём состоит сущность «советских» социально-экономических отношений и как в действительности создаётся и распределяется общественное богатство. Знания подменялись грубым и неубедительным начётничеством, а поверхностные впечатления оказывались не в пользу «реального социализма».

Если бы режим был честен с собственным народом, он был бы обязан раскрыть перед ним механику экономических отношений,

объяснить принципы, согласно которым осуществляются такие определяющие фазы расширенного воспроизводства, как собственно производство, распределение, обмен и потребление. Но тогда сразу же стало бы ясно, что функционеры режима, так называемая номенклатура, нещадно эксплуатируя население, применяет по отношению к нему одни принципы, а к себе – прямо противоположные. Одни получали всё, другие – почти ничего. В результате декларируемый приоритет общественных интересов над личными и коллективными, который в целом соблюдался между двумя мировыми войнами, во время Второй мировой и после неё обернулся на практике грубой пародией.

Одержанная в 1945 году величественная военно-политическая победа *государства* оказалась тягчайшим идеологическим поражением *нации*. Как только массами было осознано, что постоянный дефицит потребления, изматывающий население, не временное состояние, а постоянное свойство существующей системы, с их энтузиазмом было покончено. Маски благопристойности были сброшены, власть утратила былой авторитет, пропаганда лишилась убедительности. Реальный социализм предстал перед «советскими людьми» в своём истинном свете и оказался «голым королём», а «строительство коммунизма» – откровенным лицемерием власти, считающей население дегенератами, которых можно откровенно презирать.

Критическое отношение к действительности постоянно усиливалось, поскольку расширение формальной образованности общества не сопровождалась познанием вершин культуры и объективных законов развития, а новое поколение интеллигенции всё так же, как и в начале века, в своём сознании и чувствах придавали решающее значение распределению и уравниванию по сравнению с производством и творчеством (Н.А. Бердяев в «Вехах»). Интеллигенция проявила полное безразличие к тому, что Советская Россия на протяжении 40 лет, предшествующих роковому 1991 году, находилась в состоянии реальной мировой войны с коалицией западных стран. Не имело значения, что эта война носила «холодный» характер и не выливалась, как правило, в прямые столкновения вооружённых масс на полях сражений. Но она требовала колоссальных усилий: капиталовложений, затрат людских, интеллектуальных и материальных ресурсов, финансирования не только собственного военно-промышленного комплекса, но и стран-союзников. И главное – участие в непрерывных идеологических битвах, которые требовали фанатичной веры, убеждённости в собственной правоте, неутомимой работоспособности, выдающихся полемических талантов, всего того, в чём режим, постепенно ослабевавший, испытывал абсолютный голод.

Фанатиков и бойцов «идеологического фронта» в послевоенной и особенно после-

Сталинской России практически не было. Холодная война была делом не нации, а власти, правящей партии, а не государства. Как и в годы Первой мировой войны, моральное состояние «тыла» не соответствовало стоящей перед страной задаче. Никому не приходило в голову, что поражение в этой войне станет роковым для России. Именно на масштабах производства и творчестве, которые определяют благосостояние населения страны и её мощь, прежде всего сказался кризис мировоззрения. Духовное здоровье советского общества не выдержало бесконечных ожиданий благополучия по-американски, достижение которого официальная пропаганда Старой площади превратила в навязчивую грёзу. Ведала ли партбюрократия, что творила, вопрос риторический. Она полагала, что может обманывать других, но обманула она прежде всего себя самую.

Итак, современным русским реформам (перестройка или ельцинирование страны) предшествовала атмосфера неудовлетворенности. Чувство ущербности бытия создавалось в течение многих лет, пока в сознании «советских» граждан не укоренилась установка: «с материальной точки зрения мы живем плохо!». Диссидентство особенно акцентировало внимание на этом. А официальная пропаганда своей узколобой прямолинейностью подтверждала: «если государство столь упорно говорит о наших грандиозных успехах, а мы

никаких особенных изменений не чувствуем, то дела, по всей видимости, дрянь».

Действительно, пропаганда твердила об удовлетворении непрерывно растущих потребностей, а в стране все больше становилось талонов, спецзаказов, спецраспределителей. Распределителями заменяли магазины, связями - деньги. Особенно это касается сферы продовольственного обеспечения.

Продовольственный распределитель, ставший одним из главных признаков номенклатурной системы, существенным образом затронул народный инстинкт, сложившийся ещё во время войны. Система провоцировала людей годами бояться голода. Они не могли наесться. И чем сложнее и абсурднее оказывалась распределение, тем сильнее становилось чувство неблагополучия. Даже при растущем производстве сельхозпродукции это чувство продолжало обостряться.

То же касалось и одежды, предметов длительного пользования, бытовой техники. С одной стороны, реальный уровень производства давал основания говорить о нарастающем благополучии, с другой, граждане не могли не видеть, что условия приобретения благ оказываются все более ущербными. Талонная система укрепилась и существовала десятилетиями, не затрагивая разве что только столицы. В магазинах состояние потребления иллюстрировали очереди и «черное крыльцо» для влиятельных чиновников, на предприяти-

ях - выездная форма торговли, в учреждениях - спецбуфеты, спецзаказы, спецпайки.

В повседневный быт успешно внедрялось представление о том, что *блага* не продают, а дают. И это, как нельзя более убедительно, свидетельствовало о неблагополучии, создавало предчувствие катастрофы, хотя в действительности всё было иначе.

При всем при этом страна была в достаточной степени материально обеспечена! Холодильники, стиральные машины, мебель, обувь - все это можно было не только «достать», но и купить. Даже автомобили становились уже не роскошью, а средством передвижения. Рядовой инженер или учитель, *поднапрягшись*, поработав на «халтурах», вполне мог скопить денег на автомашину. Причем непрестижные марки автомобилей уже переставали быть дефицитом.

Таким образом, рост благосостояния полностью исчерпывался неэффективной распределительной системой, которая укрепляла у людей ощущение о катастрофическом неблагополучии их жизни, которое не подтверждалось ни социальным статусом, ни счётом в сбербанке, ни имущественным положением, но держало в постоянном напряжении.

Еще в 1991 году на одной из пресс-конференций Г. Бурбулис, для всех тогда очевидный «серый кардинал» при Б. Ельцине, не смог ответить на вопрос о том, какой же социальный строй его единомышленники предла-

гают создать в стране? Он, запнувшись, сказал, что этому строю нет названия. Направление реформ действительно невозможно было определить в экономических терминах, тем более - в политэкономических.

Но реформы с нелепыми названиями или вовсе без названия не являются изобретением «демократов». После Сталина *каждый генеральный секретарь* занимался поисками своей собственной социальной философии и опровержениями предшественников. Если для Брежнева это был *развитой социализм и экономная экономика*, то для Горбачева - *ускорение и перестройка*. Своя риторика и персональная стратегия помогали утвердиться у власти, олицетворяя новый этап развития страны.

Горбачев вместе со своими помощниками сумел придумать пьесу, в которой ему поручалось играть роль вождя, обещающего скорое благополучие. Но вместе с постановкой этой пьесы был порождён поток событий за пределами сцены, который вывел команду Горбачева из системы власти. А все потому, что почти сразу стало ясно, что озвученная пропагандой новая система ценностей не была связана с реальным благополучием. Распределительная машина, продолжая работать, разрушила всякие надежды на приличную жизнь. Карточки и «визитки покупателя» действовали уже и в столице, изменяя не только настроение москвичей, но и инспирируя си-

туацию бунта, который давал власть новому слою деятелей - радикальным реформаторам.

Изменение положения дел произошло практически сразу после объявления об исчезновении СССР. Вместе с номенклатурным распределителем в одночасье исчез и относительный товарный достаток. После введения «свободных цен» и обвальной приватизации рынок насытился продукцией, которую в прошлом нельзя было свободно купить. Пропали очереди, но и вместе с ними и потребитель, утративший реальную покупательную способность. Очередь в течение короткого срока сократилась чуть ли не втрое. Полки в продовольственных магазинах обнадеживали, что голода не будет, но содержание *конкретного* кошелька показывало, что недостаток питания *конкретного* гражданина, с воодушевлением встретившего реформы, вполне вероятен или уже реален. Искусственно поддерживаемый дефицит материального потребления, создававшийся коррумпированной насквозь торговлей, сменился реальным дефицитом знаков стоимости - денег.

Перестройка с развалом СССР в 1991 году не была прервана. Она просто вступила в новую фазу и воплотилась в новых персоналиях. Можно сказать, что она усугубилась в своих ключевых проявлениях.

«Демократический» миф, порожденный Горбачевым и теми, кто вовремя выскочил из-за его спины, утверждал ложное представ-

ление о том, что в России каким-то образом можно устроить свое материальное бытие так, как оно сложилось в Европе. Но условия существования в России такой возможности не давали. На единицу потребляемого продукта приходится тратить больше ресурсов просто в силу природно-климатических условий, вынуждающих глубже закапывать водопровод, заботиться о теплоизоляции зданий, отапливать помещения 9 месяцев из 12, работать в поле всего 4 месяца в году и т.д. и т.п.

Очевидно, уровень благополучия в России при прочих равных условиях всегда будет ниже, чем на Западе. Здесь всегда будет более трудоемкая, энергоемкая экономика. Так уж сложилась судьба, что живут русские в условиях Аляски или севера Канады. Условия существования русской цивилизации обуславливают собственную ни на что не похожую систему ценностей и представлений о благополучии. Северный, если угодно - нордический характер русской цивилизации ограничивает русское материальное благополучие и заставляет искать благополучия иного порядка.

Горбачевский или гайдаровско-ельцинский, ельцинско-чубайсовский тип представлений о пути достижения благополучия просто не соответствует типу русской цивилизации. Он не стимулирует творческого стремления к обустройству жизни, а угнетает его, ориентируя на ложные, недостижимые цели. Русским по-

казывают все лучшее из того, что есть на Западе (магазины, кварталы, уголья) и говорят: «Вот как можно жить, если принять их систему ценностей!» Для Запада это так или почти так. Но для России такая установка губительна. Приняв западную систему ценностей, русские не только не смогут жить «так», но и вообще не смогут жить, не смогут удержать даже достигнутого скромного достатка. Сахаровская идея о конвергенции, - тоже миф, разоблаченный историей, но всё ещё используемый в целях разложения национального самосознания граждан России, подчеркивающий их кажущуюся ущербность.

Тут сложился еще один миф - об экономии на национальных интересах страны, на геополитике. Горбачевская команда, а потом и команда Ельцина утверждали, что необходимо избавиться от излишних затрат на нужды государства. Мол, разрушим Берлинскую стену и вздохнем свободно, перестанем помогать союзникам и появится колбаса в магазинах, сократим военные затраты и космические программы и заживем на сэкономленное припеваючи... *Вышло все наоборот.* Где экономили, там теряется еще больше. Например, неожиданно для реформаторов стала очевидна элементарная истина: конверсия военного производства требует огромных затрат. Но для того, чтобы прийти к этому выводу, они провели разорительный для страны эксперимент.

Оказалось, что установка на то, чтобы кормить только самих себя приводит к разорению. Уровень потребления в результате проведенных мероприятий по экономии средств увеличился только у избранных - у казнокрадов. Вспомним, какую волну ненависти вызывали миллионы управленцев. Вспомним, как подсчитывалось количество райкомовских и ведомственных должностей. Их сократили в надежде поправить «темпы роста»... И что же, стали жить лучше? Как бы не так! Стремление к одному лишь материальному, вещному благополучию обернулось фантастическим благополучием наиболее наглых, подлых, нахрапистых, продажных... Исключения из этого правила крайне редки.

Итак, распределителю «развитого социализма» заставила население России поверить, что оно живет всё хуже и хуже. «Перестройка» указала, как достичь благополучия. А «демократия» обеспечила благополучие избранным. «Постперестроечная» риторика давала иллюзию того, что через смену форм поведения, через политическую борьбу с мифами о благополучии в грядущем «коммунистическом далеке» можно обрести «демократическое» благополучие. И это снова был обман.

Почему же этот обман, столь очевидный сегодня, стал возможным? Дело в том, что «сливки» общества давным-давно утратили связь с тем социальным строем, которым они управляли. Им надоели общественные фонды

потребления, система педантичного контроля и учета, жизнь в казенных дачах, поездки в казенном транспорте, официальное существование «на одну зарплату». Связь с Западом усиливалась, примеры иного бытия дразнили воображение и в конце концов совершили правящий слой, который решил предать свою страну в обмен на личное благополучие. Оставалось только дать массам «продуктивную утопию», чтобы нейтрализовать её или сделать хотя бы на время союзником.

Стали говорить о первоначальном накоплении, которое вроде бы неизбежно должно пройти в криминальной форме. Появились философы, утверждавшие что предприниматели, прежде чем подумать о стране и народе, «должны нажраться». Но у нас *первоначальное накопление* оказалось прямым присвоением общенациональной собственности, монополизированной прежним чиновничеством. Если первоначальное накопление в Европе происходило за счет *права силы*, то в России - за счет *права должности*. Причем присвоение собственности шло без принятия на себя вместе с правами свободного владения и распоряжения также и ответственности. Следовательно, номенклатурная «прихватизация» означала не преодоление отчуждения имущественных отношений, а усугубление этого отчуждения для большинства. Функции государственного управления и управления частным предприятием в какой-то период использовались для

личного обогащения совершенно беспрепятственно. Это не только не было подсудным, но даже не считалось зазорным! Оно служило источником вдохновения.

С одной стороны, общество утратило осознание своего права на коллективное владение накопленным богатством, с другой - переродившийся чиновник стремился к тому, чтобы соединить управление с владением. Чиновник, не имея противовеса в виде представительной системы власти, утратил интерес к управлению общенародной собственностью и страх перед органами правоохраны. Новая система ценностей развязывала руки для присвоения общественного добра, ставшего почти что ничейным, бесхозным, отчуждённым от юридического собственника.

Народ так и не понял, что это *отнимают у него*. Уменьшение ресурсов, находящихся в распоряжении отдельного гражданина, стало для него абсолютной неожиданностью, необъяснимым явлением. Но «обезболивающее» было впрыснуто еще во времена брежневского застоя и «демократическая» операция прошла без шока, без гражданской войны, которая была бы неизбежна в случае, если бы грабеж такого масштаба был осознан.

Дело тут не в какой-то злонамеренности, которую приписывают Горбачеву и его «команде». Все условия для падения прежнего строя созрели задолго до его введения во власть, и он рухнул сам по себе. Номенклатура, управляю-

щая государством, перестала рассматривать этот строй как свой. То же самое произошло со всей массой населения. Все утратили интерес к системе, которая обеспечивала их привычным уровнем благополучия. Все пожелали эксперимента, попытки обрести иное бытие, достичь одним скачком европейского, если не американского уровня благополучия. Поэтому произошла и происходит в настоящее время подлинная революция - преобразование одного строя в другой. Согласившись на революцию, нация согласилась на коренное изменение своего бытия и, тем самым, сама себя обрекла на материальное неблагополучие и на резкое снижение жизненного уровня.

Но в условиях новой русской революции еще ничего не сложилось окончательно: ни власть, ни границы, ни государство, ни законы, ни право собственности, ни ее субъекты. То, что похищено, будет еще не раз украдено снова. Не только население, но и «новых русских» еще не раз ограбят еще более «новые». Бегство капиталов из России показало: новоявленные собственники прекрасно понимают, что передел еще далеко не завершен. Возвращать на родину рисковую часть капитала их заставляет лишь предельно благоприятная среда для разного рода авантюры и получения сверхприбыли там, за кордоном.

Вот так и состоялся заговор общества против самого себя. Одни в результате получили возможность приобщиться к материальному

изобилию, другие - к непроглядной нищете. Естественно, первых - штуки, вторых - миллионы. Как в любой «нормальной» революции.

Жажда благополучия часто приводит в ловушку и лишает даже того достатка, которым средний гражданин привык довольствоваться. Это происходит подобно тому, как необузданное желание счастья и превращение его в цель лишает человека возможности вполне насладиться самим моментом счастья, который, быть может, был уже совсем близок.

В России благополучие никогда не рассматривалось с узко прагматических позиций. Достижение материального изобилия не было самоцелью. Русские живут в стране, в которой материальный достаток сам по себе не является абсолютной ценностью. *Шикарная* жизнь в России невозможна. Даже семьи с относительно высокими доходами были всегда скромны в быту. Роскошь, выставляемая напоказ - исключительное явление в прошлой русской истории. Таких людей русская земля не могла долго выносить, ибо здесь были иные нравы и представления о должествующем поведении.

Исходя из традиции, принимая революцию как факт, русское общество обязано отвергнуть ее с нравственных позиций. Тотальность отказа от общественной собственности, отказ от многообразия её форм, от сложной многоукладности не просто неэффективны с экономической точки зрения. Такая полити-

ка связана также и с отказом от глубинных нравственных установок, сложившихся на протяжении многих столетий и забытых его последним поколением.

Может быть, именно поэтому настоящие частные собственники в России еще не появились. Бюрократы, ставшие обладателями общественного имущества, по привычке присваивают лишь оборотные средства, не заботясь об основном капитале, который просто распродаётся. Отсюда и чудовищный спад производства, исчезновение высокотехнологичных производств, умирание не только фундаментальной, но и прикладной науки, одичание быта и нравов.

Тут как раз и проявляется связь материального благополучия с благополучием духовно-нравственным. Утрата интереса к общественному строю и равнодушие населения и элиты к разрушению государственности, по сути дела, указывают, что те и другие отчуждены от высших ценностей. Именно это отчуждение, сыграло роковую роль.

Расчеловеченный индивид, придающий особое значение не тому, как он работает, а тому, сколько он потребляет, считает, что способ жить «по человечески» означает непрерывное расширение своего материального благополучия. В этом смысле «демократический» режим в России не имеет никакой новизны по сравнению с «коммунистическим» режимом. Примитивизация потребностей, а

вместе с ними и представлений о благополучии, даже при внешней новизне лозунгов и экономических преобразований, превратилась в мощный фактор. Общество занято поисками причин деградации в материальных условиях, а они вовсе в другом!

Выбирая стратегию выживания своей страны, культуры, самих себя, русские не вольны игнорировать или менять собственной волей систему духовно-нравственных установок, которые во многом определяют и экономический строй.

Если какая-либо сила начнет (уже начала) действовать вопреки фундаментальным принципам существования цивилизации, ничего, кроме ее разрушения, она не добьется. И если они видят такую силу, независимо от него, то действует она осознанно или в состоянии помутнения, приходится определить её как антинациональную, антигосударственную, предельно враждебную, отбрасывающую Россию в состояние варварства, дикости, вырождения.

Допуская *варварство внутри* России, русские сами порождают те процессы, которые в прошлом погубили две Римские империи, оказавшиеся не в состоянии противостоять *варварству, пришедшему извне*, прежде всего духу и практике ростовщичества. Допуская современное варварство, они соглашаются на многолетний период упадка, после которого все равно придется обратиться к собственной

древности, чтобы обеспечить возможность для будущего.

Русское духовно-нравственное неблагополучие уже теперь столь глубоко, что прогрессивным было бы установление полноценного полицейского режима. При условии, что он пресечёт наиболее разрушительные для общества и государства процессы и обеспечит хотя бы внешнее соблюдение нравственных и юридических норм, органически свойственных русскому общественному строю.

До национальной формы демократии, предполагающей наличие целого класса активных граждан, России еще очень далеко. Поэтому не надо тешить себя мечтами о немедленном построении капитализма. Его сочетание с варварством вряд ли приведет к благополучию. Ни распределительный социализм, ни варварский капитализм, ни какой-либо иной привнесённый извне «изм», сопряженный с революцией, не ведут к счастью. Сущность благополучия в другом - в творчестве духовном, научном, техническом, управленческом, помноженном на русские естественные богатства, скрытые в земле и находящиеся на её поверхности.

4. Периоды русской истории в XX столетии

Если резюмировать в самом общем виде русскую историю в заканчивающемся столетии, то перед нами возникнет несколько пе-

риодов, а если быть более точным - восемь периодов.

Первый период – закат сословно-монархического уклада. Обострение противоречий между материальными условиями жизни и ожиданиями, между архаичными формами и методами власти и характером модернизирующегося общества. Этот период делится на ряд этапов.

1901-1905. Русское экономическое чудо. Русские геополитические усилия в Манчжурии. Русско-японская война.

1905-1907. Первый этап Великой крестьянской революции. Бунт босяков или «пролетариев», который удалось подавить силой.

1907-1913. Реформы. Экономический рост.

1914-1917. Участие в Первой мировой войне.

Второй период. Февральская республика. Зарождение республиканского правления. Кризис власти, превратившийся в смуту.

1917. Февраль. Заговор. Падение монархии. Режим 1-й республики.

1917. Революция: Второй этап. Отпадение окраин. Разложение власти.

Третий период. Радикально-революционная Октябрьская республика и Гражданская война.

1917. Октябрь. Государственный переворот. Режим 2-й республики.

1918-1921. Брестский мир. Гражданская война и победа «красных». Восстановление

территориальной целостности. Диктатура «партии».

1921-1927. Революция: Третий этап. НЭП. Оформление СССР. Режим 3-й республики. Кризис проекта мировой революции.

Четвёртый период. Становление в стране диктатуры революционного крестьянства.

1927-1929. Революция. Четвёртый этап. Восстановление хозяйственной дееспособности. Кризис «марксистской» идеологии.

1929-1935. Революция. Пятый этап. Индустриализация. Коллективизация.

1936-1937. Революция. Шестой этап. Подведение итогов и сведение счётов.

1938-1941. Стабилизация. Милитаризация. Воссоединение земель.

Пятый период. Героический.

1941-1945. Великая отечественная война.

Шестой период.

1946-1950. Восстановление. Создание мировой социалистической системы. Начало Холодной войны.

1950-1953. Модернизация. Корейская война.

1954-1961. Новая индустриализация. Целина. Космос. Венгерский мятеж. Кризис управления.

Седьмой период. Завершение крестьянской эпохи.

1965-1982. Реформация. Внешнеполитическая экспансия. Чешские и польские волнения. Разложение идеологии «ленинизма».

1983-1989. Перерождение и разложение элиты. Регионализация. Распад ОВД и СЭВ.

Восьмой период. Новая революция, превратившаяся в новую смуту.

1989-1991. Начало Буржуазно-демократической революции. Этношовинизм. Федерализация. Съезд народных депутатов СССР. Департизация.

1991-1993. Революция. Второй этап. Денационализация. Сепаратизм. 1990-1991: от Декларации о суверенитете до избрания первого президента РСФСР. От парламентаризма к авторитаризму. Десоветизация. Режим 4-й республики. Лето-зима 1991: Борьба с «союзным» центром. Раздел СССР. Период единства Съезда и Президента в РСФСР. Дезинтеграция. Январь - декабрь 1992: Экономическая революция. Особые полномочия Ельцина. Приватизация.

1993-1999. Революция. Третий этап. Декабрь 1992 - август 1993: Распад и разложение власти. От противоречий к антагонизму. Или Съезд, или президент. Сентябрь - 12 декабря 1993: Двоецентрие. Переворот. Диктатура бюрократии. Революция победила. Декабрьская конституция. Режим 5-й республики. С января 1994 по день «дефолта» 17 августа 1998 года власть бюрократии. С августа 1998 года кризис бюрократического режима, ставшего обузой спекулятивно-коммерческого капитала. Парламентские выборы 19 декабря 1999 года, показавшие, что власть от бюрократии

уже перешла к финансово-коммерческой олигархии.

После 1999. Может сложиться впечатление, что действительно наступает конец истории, о чём человечество, которому было предписано оказаться на её вонючей свалке, было заранее предупреждено неким г-ном Фукуямой, американским подданным. Над миром уже установлено господство одной империи – США, главным инструментом которой является денежный капитал, чуть ли не на 85 % сконцентрированный в руках всемирного еврейства. Развитие событий, особенно последнего десятилетия, делает актуальным такой вывод по отношению к России, последней цивилизации, которая оказывала этой тенденции активное сопротивление. Думается, впрочем, что для столь пессимистического вывода нет оснований. Напротив, по крайней мере, два события позволяют посмотреть на русскую перспективу оптимистично.

Первое из них относится к ходу кампании по вооружённому подавлению дудаевского мятежа. И речь идёт не столько о том, что русская армия и само русское общество объединились в стремлении подавить врага, сколько о процессах, которые происходят в чеченском этносе. За несколько лет мятежа в чеченском обществе полностью изжиты господствовавшие в его среде отношения со всеми признаками сохранявшегося родоплеменного строя. Последние как раз и спровоцировали чечен-

цев на безнадёжное и бессмысленное противостояние с Государством Российским. Пока оно оставалось патриархальным обществом, состоящим из тейповых объединений, не разделённых имущественными и сословными перегородками и возглавляемым военными вождями, оно могло устранять конфликты с внешним миром, то есть со всей Россией, только одним известным им способом – войной, бандитизмом. Отсюда та боевая сплочённость чеченцев, с которыми приходилось иметь дело в 1991-96 годах. Три года перемирия изменили ситуацию в чеченской среде до неузнаваемости. От находящегося в состоянии первобытного варварства народа-разбойника ничего не осталось. Надо ли удивляться отсутствию организованного вооружённого сопротивления регулярным русским войскам, очищающим теперь территорию от вооружённых банд? Банды распались и прекратили своё существование из-за возникшего в чеченском обществе классового расслоения, превратившего основную массу чеченцев в подневольную рабочую силу и обогатившее ничтожное меньшинство. От былого единства не осталось и следа. Чеченцы поняли, что они воевали не за общечеченское дело, а за эгоистические имущественные интересы чеченских богачей, за превращение их в генералов, нефтепромышленников, министров и президентов, словом, общество приличных людей. Поэтому в 1999 году регулярные русские войска встре-

тились уже не с народным мятежом, который всё равно пришлось бы подавлять, а с жалким сбродом, нанятым по всему миру мятежными главарями, ставшими долларовыми миллионерами. Суть дела не в том, что дудаевщина, в конце концов, будет пресечена. Это неизбежно, кто бы ни был во главе России. Дело в том, что события в чеченском обществе, словно в капле воды, показывают, насколько стремительно изменяется всё патриархальное русское общество со всеми недостатками, которые были ему свойственны в предшествующий период. Логика развития превращает аморфное население всей страны в нацию, организованную по классовым, вполне определённым социально-экономическим признакам. Как только бесформенная масса преобразуется в подобие классов, а они, в свою очередь, выделяют из своей среды настоящих лидеров и вождей, а не имевшихся до сих пор в наличии косноязычных и осторожных народных трибунов, вот тогда и начнётся настоящая борьба за будущее России. Судя по тому, как быстро чеченцы осознали сущность вещей, русским для того же самого много времени не понадобится.

Второе событие – состоявшиеся 19 декабря 1999 года всеобщие парламентские выборы. Они продемонстрировали не только отмеченную выше смену караула, отстранение от ничем не ограниченной, безответственной власти класса бюрократии, победившего в 1991

и 1993 годах, и захват контроля над институтами власти классом финансовой олигархии, олицетворением которой являются новые парламентарии-дельцы, такие как Абрамович, Березовский, Брынцалов, Лужков, Карелин, Кобзон, и дельцы-финансисты, которые до поры до времени скрываются за кулисами, вроде Чубайса. Но разницы между ними нет никакой.

Подробный анализ результатов выборов может показать все пороки и язвы существующего режима, позволяющие ему не только манипулировать массовым настроением и играть на нём любую политическую пьесу, но и фальсифицировать их там, где в этом для него возникает необходимость. Если же смотреть на их результаты как на естественнo-исторический процесс, то можно обнаружить вполне позитивные тенденции. Благодаря им, *во-первых*, смыты с политической арены маргинальные партии, возникшие на первом этапе буржуазно-демократической революции. *Во-вторых*, потерпели поражение и остались вне политики практически все так называемые демократические лидеры, блиставшие красноречием на митингах, собиравшихся в 1989-92 годах. *В-третьих*, на политической арене сумели остаться и получить значимое признание только такие партийные структуры, которые представляют вполне оформившиеся классовые интересы, существующие в самом обществе, будь то КПРФ, «Яблоко», СПС

или «Единство». *В-четвёртых*, в мажоритарных округах относительное большинство получали, как правило, деятели, имевшие не столько общественную или политическую известность, сколько добившиеся успеха в том или ином виде предпринимательства. *В-пятых*, существующая ныне власть, которая представляла собой одну только алчную, внесистемную, непредставительную, компрадорскую бюрократию, обретает черты нормализованного политического режима. Она уже не может пренебрегать общественным авторитетом, она искала на этих выборах точку опоры в самой нации.

Таким образом, в политическом слое русского общества, претендующего на то, чтобы «быть чем-то», произошло очевидное оздоровление. Изменения не заставили себя ждать – если в 1994-96 годах политическая среда по отношению к НАТО и подавлению дудаевского мятежа занимала откровенно пораженческую позицию, то в 1999 году ей пришлось «сменить паруса». Весной из её рядов раздавались воинственно-оборонческие речи в связи с североатлантической агрессией против Югославии, а осенью – восторжествовал откровенный реваншизм и милитаризм при возобновлении военных операций на Кавказе. Если дело пойдёт в этом направлении, нельзя будет исключить применения самых радикальных методов борьбы. Словом, переходный период от «крестьянского коммуниз-

ма» в его реальных формах к «буржуазному капитализму» заканчивается. Все промежуточные фазы развития так или иначе пройдены. Грядёт новый период русской истории, который может быть каким угодно, но только не периодом гнилого и тухлого «согласия и примирения». Теперь на очереди прекращение в стране смуты и утверждение России в качестве русского национального государства, за которое и развёрнётся ожесточённая борьба.

У создаваемой русской нации пока ещё есть в запасе ресурсы, чтобы, используя имеющийся политический потенциал, восстановить территориальную целостность и пробудить экономическое развитие России. Господство финансовой олигархии, ее вызывающе-наглый характер и спекулятивная сущность, которую она даже не считала нужным скрывать, захват ею политической власти ради использования лишь в своих собственных интересах, неизбежно должны привести к обострению всех общественных противоречий и такому взрыву национального самосознания, после которого неизбежно превращение *буржуазно-демократической* революции, пока что преимущественно регрессивной (что уже отмечалось выше), в *национальную революцию*.

Русские революции XX века

1. Общая характеристика процесса

Россия живет во взбаламученном мире. Причины и следствия в той реальности, которую мы воспринимаем и воспроизводим, перепутываются. Источники проблем прячутся от нас, и от этого главным вопросом, как и во все переломные эпохи, является вопрос: что делать? Пока мы вопрошаем, причины и следствия говорят друг другу «вы здесь не стояли» и, толкаясь, то и дело меняются местами, заводя наше поспешное «делание» в тупик.

Политики, торопящиеся что-то делать, не отыскав гармонии причин и следствий, добавляют в хаотизированное общество свою долю беспорядка. Они путают исток с устьем и поворачивают вспять реки, не видя разницы между истиной и ложью, повторяя давно опровергнутые доводы... Соответственно «героическим» деяниям в небесной канцелярии накапливаются груды уголовных дел, лишь отчасти доводимые до суда земного.

Эти «герои нашего времени», давно взятые на учет *князем мира сего*, пытаются убедить в том, что русский народ не созрел для публичной политики. Для той политики, которую мы имеем несчастье наблюдать сегодня, он действительно не созрел и, дай Бог, никогда не созреет. Народу нужна другая политика, та, которая придется ему по душе. Сказать, что

его судьба predetermined, что мы обречены на успех или на неуспех невозможно. Ни то, ни другое доказать не удастся, пока начала и концы происходящего не будут приведены в подобающий порядок. Для этого требуется прорыв в политическом мышлении, социальном конструировании. Речь идет о преодолении хаоса.

Как выстроить картинку процесса, в котором мы живем, чтобы причины и следствия заняли свои места? Необходимо так изменить точку зрения, чтобы видимая иллюзия исчезла, миф рассеялся, и перед глазами предстала неискаженная действительность. Помимо мифов о русской экономике, мифов о социальном укладе, нам надо избавиться от мифов о собственном народе. Например, от мифа о том, что русский народ ленив, что он на печи лежит беспробудно уже не менее трехсот лет.

Вот так лежит-полеживает, а тем временем как по щучьему велению появилась страна в одну шестую часть суши. Творцы мифов говорят, что русский народ не любит свою страну, а государство — ненавидит. Почему же тогда русские насмерть стояли за свою землю, усеивая ее костями завоевателей и своими костями?

Может быть, гнусные мифы о русском народе изобретают невежды и подлецы, заключившие между собой союз против России? Нет, русским, негоже верить этому злобному бреду. Нам ведомо другое — и тысячелетняя

традиция русской духовности, и тысячелетняя история русской государственности, и тысячелетний опыт своеобразных форм русской демократии. У нас все есть. Нет пока только достаточного числа честных и умных политиков, способных понять русскую душу и найти путь к возрождению страны. Хотелось бы видеть слуг народа, поднимающих Россию из пепла, осмысляющих ее историю спокойно, достойно, без заламывания рук и закусывания губ...

Смотрите, какая величественная картина открывается взору! В начале века Россия — огромная страна, богатая по своим абсолютным запасам и производству, но жившая весьма умеренно по доходам на душу населения. Ведущие индустриальные страны были в состоянии обеспечить своим гражданам более высокий уровень существования, но Россия тоже не бедствовала и энергично развивалась. Настолько энергично, что никакое *японское чудо* не идет в сравнение с этим *русским чудом*.

Россия не была примитивной крестьянской страной с клеймом отсталости и нищеты. Сельский образ жизни у нас не был однозначно связан с сельскохозяйственным производством, и городские поселения не обособлялись от остального мира крепостными стенами и своим «магдебургским» правом. С древних времен Россия — страна городов, которые основывались, как правило, по бере-

гам многочисленных и судоходных рек и озёр, соединённых между собой особой, русской системой дорог — зимой санными путями, в остальные времена года — водными.

Подвергшись разрушительным набегам, страна несколько трансформировалась во внешних формах организации, но сохранила многое в своем внутреннем строе.

Города российские были ничем иным как сгрудившимися помещичьими усадьбами, продолжением привычного образа жизни в иных условиях. Индустриальный пейзаж промышленных зон в городах не пересекался с сельским усадебным пейзажем. Русский крестьянин в силу климатических условий трудился непосредственно на земле меньшую часть года, а в холодное время отправлялся на заработки, в отхожие промыслы, занимался ремеслом.

Сельский русский быт был далёк от условий существования феодальных поместий Европы, её деревень и хуторов. Посмотрим, например, на дворянские русские усадьбы с венецианскими зеркалами, музейными ценностями, дворцовой архитектурой, парками. Разве это деревня? Захудалое поместье графа Льва Толстого в Тульской губернии — хороший образец, чтобы представить жизненный уклад русской глубинки. Палех, Гжель — тоже сельские территории, воспроизводившие образ жизни русского сельского жителя.

Символом нищеты русских поверхностно

считался дом под соломенной крышей. Обожжённая глина, из которой изготавливалась кровля сельских домов Европы ценилась куда выше. Но солома — это просто местный и весьма практичный материал, а дом — не землянка. Солома на крыше — это не символ нищеты, а отражение скромности русского быта.

В конце XIX века В. Ульянов (он же Ленин) написал толковую книжку «Развитие капитализма в России». Сейчас мало кто к ней обращается. А ведь будущий «вождь мирового пролетариата» свёл воедино массу статистических данных и показал, что крестьянство является слоем мелких собственников-ремесленников.

У нас, правда, не было ни европейского капитализма, ни капитализма пролетариев. Крестьянской в сегодняшнем понимании слова России никогда не существовало. Поэтому не было и противоречия между городом и деревней. Наоборот, обеспечивалась относительная гармония природы и социума, образа жизни и производственных условий, в которых они развивались. Были сложности, но не было безвыходности.

Причины для революционного взрыва в начале века возникли из совершенно другой области. Совокупность условий, предшествовавших тому, что мы называем «Великой Октябрьской социалистической революцией» показывает, что предпосылки для *социалистического* характера революции отсутство-

вали. Те проблемы, с которыми сталкивалась Россия, — это были проблемы роста, а не упадка и загнивания.

Социалисты и марксисты ошиблись, приняв муки родов за агонию системы, увидев в противоречиях рождавшегося социально-экономического уклада его умирание, тем более, что капитализм, который возникал тогда в Европе, в России существовал лишь в зачаточной форме.

Откорректировав в определённой степени эту ошибку, Ульянов открыл переход реально имевшегося в России хозяйства в новую стадию и НЭП, но тоже остался в плену марксистского заблуждения. Источник роста в России заключался в реформах второй половины XIX века, реформах Александра II, продолженных Александром III на стадии приспособления вновь открытого качества к специфике России. Это были не столько контрреформы, сколько их адаптация к условиям самобытного развития. Контрреформами новую политику считали только догматики реформ.

Великие реформы создали такие предпосылки для огромного социально-экономического роста, что одновременно созрели противоречия между потребностями этого роста и обветшалыми институтами власти, методами патриархального управления. Русский паровой котел взорвался из-за того, что власть не смогла приспособиться к потребностям и темпам роста.

Поскольку предметом настоящего раздела книги являются некоторые представления относительно двух революций, произошедших в России, определимся с тем, что можно назвать их общими предпосылками. Сошлёмся, для простоты изложения, на формулу, которую предложил Маркс в работе «К критике политической экономии», написанной в 1859 году:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в... производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляют экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соответствует определённая форма общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих

пор развивались. Из формы развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от... идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним... Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которое оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления».

В отличие от марксовых схем, разработанных в другом месте для совершенно других условий, в России вовсе не было *восстания пролетариев*, отчаявшихся на последний и решительный бой от безысходности. Была не

безысходность, а невероятная энергия развития. Индустрия требовала других условий — снятия бюрократических препон, упразднения сословных перегородок, динамичной государственной политики, главное — сельский труд требовал земли. Трудовые ресурсы страны были втянуты в революцию только потому, что не нашли себе применения, не были поставлены в условия производительного бума.

Кадры кинохроники донесли до нас внешний облик власти. Посмотрите на эти ископаемые типы, окружавшие русского царя! Сам Николай II в этом окружении выглядит человеком новой эпохи, но опутанным сетями стародавних интриг. А ведь рядом с этой дворцовой жизнью, отгороженной от действительной жизни, существует экономика, растущая невиданными в мире темпами, русское население, в семьях которого десять-пятнадцать детей — норма! Этим ли дворцовым деятелям освоить такой рывок развития?

Русские марксисты совершенно превратно поняли причины нашей революции в начале века. Они хорошо знали тексты своих основоположников, но плохо знали Россию, потому что всю жизнь существовали либо во внешней, либо во внутренней эмиграции. Они изучали Россию по газетам и воспоминаниям в комфортных условиях ссылок.

Социализма в России не получилось. Его и быть не могло! Великая русская революция была революцией ремесленников, революци-

ей мастеровых людей, революцией крестьян, которым 20 процентов роста в год было мало! Это была попытка прорыва в будущее, попытка сбросить оковы с процесса развития, она являлась индустриальной революцией, давшей, впрочем, крайне противоречивые результаты, неожиданные для доктринёров и схоластов.

Мы должны отметить закономерный исторический процесс, который происходил отнюдь не по схеме стратегов социалистической революции или германских капиталистов.

Грех прежней политической элиты России состоял в том, что она не смогла создать государственных форм, которые соответствовали бы потребностям развития. Русское дворянство, купечество, промышленники, духовенство не смогли приспособиться к колоссальному импульсу развития. И они первыми должны были оплатить свои ошибки.

Сброс старой элиты в политическое небытие означал, что потенциал развития во многом был истрачен на безуспешный поиск новых форм самоорганизации общества и народного хозяйства, то есть, израсходован не в том направлении, где развитие принесло бы максимальные результаты. Тем не менее, отменить этот сброс было невозможно, да и не нужно. Будущие события показали её своевременность и объективную неизбежность.

Даже несмотря на все непроизводительные потери, понесённые в результате гражданской

войны, после страшной и разрушительной для нации Великой Отечественной войны, Россия к концу 50-х годов — мощнейшая индустриальная держава с непревзойдённым научным потенциалом. Мы совершили прорыв в общем и специализированных видах культуры, вырвавшись в космос и поставив себе на службу атомную энергию.

Отменить достижения России только на основе гипертрофированной и истеричной критики репрессий 30-х годов — это форма клеветы на Россию, средство идейной борьбы против неё. Великая русская революция, продолжавшаяся почти 30 лет — с 1905 до конца 30-х годов, обеспечила главное — состоялся переход в иное качество.

Проверка войной, самая суровая, которую знает история в отношении человеческой цивилизации, состоялась, и она была выдержана с честью. Поэтому нам есть что праздновать — Великую русскую революцию, создавшую сверхдержаву, которой нельзя не гордиться. Эта революция изменила к тому же историю всего человечества, направив его в другое русло. Мировая история перестала быть преимущественно европейской, она приобрела характер всемирной истории.

События вокруг Зимнего дворца осенью 1917 года — всего лишь эпизод. На него не стоит обращать особого внимания. Нужно взглянуть на историю России в XX веке в целом. Тогда трагедия сталинских репрессий займет

в ней свое место и не будет преувеличиваться. Тогда мы избавимся от партийных пристрастий, и вместо нигилистического отрицания прошлого своей страны будем рассматривать и оценивать его как последовательные, закономерные фазы полноценной истории.

Вместе с тем революция породила новую элиту, которая приобрела постепенно кастовую, номенклатурную, партийную форму. Бюрократическая элита, овладев властью, не подавила революцию, она лишь расчищала государству путь от исторического хлама, от тех, кто пытался встать на её дороге. Она явилась орудием расплаты с теми, кто пытался заставить Россию совершать не нужную ей *мировую* революцию, отводя ей роль жертвы во имя абстрактного «коммунистического будущего».

Так называемые «жертвы сталинского террора» из среды государственного и партийного чиновничества и местечковой интеллигенции, эксплуатирующей идею «пролетарской культуры» — это отъявленные враги России, тянувшие ее на гибельный путь. Составляя в обществе фракцию бешеных ультра-радикалов, и рассматривая Россию как сырьё для *мировой* революции, они пытались направить *русскую* революцию на якобы социалистический путь.

Ни одна революция не бывает без жертв, без личных трагедий. Борьба догматиков и практиков внутри народившейся элиты заце-

пила судьбы многих. Но саму борьбу, являющуюся объективным процессом, отменить невозможно. Можно только с удовлетворением констатировать, что в тот период победили люди дела, практики.

Если взять солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ», то там, скорее всего, всё правда. Но это субъективная правда, правда отдельной человеческой судьбы. Русские писатели всегда обладали способностью рассматривать *частное* явление жизни под микроскопом и придавать этому явлению *общественную* значимость, возвести в ранг *социального* явления. Но в данном случае по большому счету художник ошибся. Солженицын так же, как Бунин в «Окаянных днях», в развороте русской революции увидел только окаянство, только лишенный смысла беспощадный бунт. Конечно, «Архипелаг» тоже ценный документ, но ограниченный жанром свидетельских показаний.

Римляне античной эпохи оставили потомкам описание извержения Везувия как трагедии. Помпеи засыпало пеплом, погибло множество людей — это действительно была трагедия. Но разве можно отменить извержение? Бунин и Солженицын, не имея сил отменить извержение русской революции, не заметили геологического характера исторического процесса. Они увидели только его безжизненный пепел и оказались не в силах признать в историческом пепле начало для новой жизни.

Россия периодически извергается, но губи-

тельное извержение одновременно является переходом, точнее говоря — прорывом в новое качество. Тех, кто проклинал пепел вместе с породившими его причинами, не могли увидеть перспективы. Они перепутали, не осознали причин и следствий, не предугадали, что в историческом катаклизме родилась русская нация. Нельзя негодовать на стихию. Бесперспективно бороться с вулканом и с его способностью периодически извергаться, покрывая страну пеплом и лавой, но давая вместе с тем энергию для новой жизни.

Разумеется, в революции есть жертвы, и подчас бессмысленные. Но нельзя отрицать по этой причине процесс геополитического обновления Земли, который без вулканических извержений, без человеческих страстей и страданий невозможен. Если социальные вулканы перестанут извергаться, свидетельствуя об остывании планеты, разве подобное не предрешит исчезновения человечества? Мы должны посмотреть на русскую историю XX века как на состоявшуюся, удачную историю, давшую продуктивный результат. Бесцельно прожитых лет у России нет.

Причины, заставившие Россию, до того развивавшуюся достаточно долго в эволюционных формах, встать на путь очередной революции, разрушающей на первых порах не только государственные и общественные институты, но и мощные производительные силы, заключаются в непримиримых проти-

воречиях, которые вновь столкнули между собой реально существующие общественные интересы. Точно так же как 80 лет назад, когда русское крестьянство подняло на штыки строй, который не справился с потенциалом индустриального развития, и установил новую систему отношений, позволившую ему превратить страну относительно неразвитую в индустриальную сверхдержаву, так и теперь восстал против отживших отношений новый слой, ощутивший свои возможности роста, слой, обладающий главной производительной силой будущего — интеллектом. Интеллект, для которого развитие науки и техники создавало самые благоприятные условия практического применения в качестве основной производительной силы, требовал соответствующего места в системе экономических и политических отношений. Проблема, обострявшая климат общественных отношений, ничего общего не имела с так называемым «застоем». В действительности интеллектуальный потенциал страны, население которой не превышало 6 процентов общего населения Земли, приближался к половине общего человеческого потенциала.

К концу XX столетия интеллектуальный компонент России превысил половину наличных интеллектуальных сил человечества. И эта невероятная интеллектуальная концентрация, замкнутая в ставшие архаичными экономические и политические формы, при-

вела к разворачиванию на исходе века *второй русской революции*. В отличие от революции ремесленников, восстания крестьян, вооружённых и одетых в военную форму, она теперь носит принципиально новый характер, соответствующий гораздо более высокому уровню развития. Источник Второй русской революции — неразвитость властных, управленческих институтов, не способных освоить очередной мощный рывок интеллектуального творчества, архаичная система управления экономическим и общественным потенциалами, созданными в России, которая не успевала осваивать новые достижения собственного интеллекта.

До поры, до времени схема развития, сложившаяся в межвоенный период, была жизнеспособной и эффективной. Она дала возможность реализовать программы индустриализации, продемонстрировала высокую степень выживаемости в период Великой Отечественной войны, позволила в кратчайшие сроки восстановить производственную и социальную инфраструктуру после 1945 года и обеспечила научно-техническую модернизацию в 60-70 годы. Речь идёт не о том, что Россия отстала от передовых стран Запада и Востока. Просто она находится с ними в разной возрастной категории. По отношению к ним Россия является младшим братом, у которой ещё всё впереди. Она в течение всего XX столетия развивалась, используя энергию,

так сказать, первой ступени ракеты, когда другие нации и государства, принадлежащие иным цивилизациям, тратили топливо из ракеты второй ступени. Но энергия развития, приобретённая в результате Первой русской революции, постепенно исчерпала себя.

Преыдущая экономическая и политическая система выдохлась вовсе не потому, что победившее в гражданской войне крестьянство могло осуществить на практике не абстрактную программу теоретического «марксизма», как и любую другую теоретическую доктрину, а своё собственное представление о счастье, которое на поверку оказалось феодализмом. Крестьянская революция ничего, кроме уравнительного феодализма, дать обществу не могла. Это был тоже рывок вперёд, потому что была победоносная революция, что иногда случалось в Азии и никогда в Европе. И тем не менее, можно говорить о её завершении в том смысле, что созданные в начале века институты, управлявшие экономическим и общественным развитием, из составных частей системы превратились в паразитические наросты.

Всё то, что говорилось выше о Первой русской революции, не следует трактовать как некое попятное движение, опрокидывающее Россию назад. Ничего подобного. Послереволюционная Россия, освободившись от сдерживающих её оков, совершила колоссальный рывок практически во всех областях эконо-

мики и культуры. Без каких-либо преувеличений и передержек её совокупный потенциал позволил достичь уровня супердержавы, сравнимый с потенциалом США.

Господствовавшей в стране элите не удалось решить ещё одну, быть может главную, проблему текущего столетия — проблему обеспечения роста народонаселения, которое должно соответствовать масштабам государственной территории и уровню развития производительных сил. Чем мощнее становился экономический и интеллектуальный потенциал, чем больше пространств вовлекал он в производство, чем основательнее становились издержки по обеспечению безопасности, тем недостаточнее становилось количество и качество человеческих ресурсов. Нормальная численность русских была определена ещё Менделеевым. Она должна была составить в XX века 500 млн. человек. Только такая численность населения могло бы освоить творческий потенциал русского интеллекта, освоить русские пространства и космос над ним.

Если в начале века человеческая масса не находила соответствующего интеллектуального оформления, то в конце века мощно продвинувшийся в своем развитии интеллект нации не находит опоры в массе, которая проседаёт под тяжестью интеллекта. И это тоже последствия Великой русской революции начала века, её обратная сторона. Помимо очевидных достижений в этой революции оказа-

лись громадными потери. Русская революция — не праздник, не карнавал. Русские никогда не напишут на развалинах прежнего режима то, что написали французы на развалинах Бастилии: здесь танцуют. Наша революция вместе с величием — трагедия. Мы не танцуем на отеческих гробах. *В отличие от либеральной Европы русские не имеют привычки расставаться со своим прошлым со смехом.*

Речь идёт не только о своеобразии общественной истории пространства между Волгой и Эльбой, но и в том, что русские создали единственную в своём роде северную цивилизацию, материальная база которой и условия её применения не имели ничего общего ни с сельскохозяйственными цивилизациями Востока, ни с комфортными для жизни условиями Европы. Процесс формирования русской цивилизации одновременно являлся и способом создания специфических основ существования и культурных стереотипов, благодаря которым сложились её границы. Вслед за Киплингом можно сказать, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, а Россия есть Россия, и они никогда не сольются...

Пока же Россия находится в пространстве между причиной и следствием, и от усилий, сосредоточенных в русском национальном ядре зависит, будет выбрана в условиях новой революции стратегия её распада и гибели или стратегия возрождения и воссоединения, -вопросов, которые в любом обществе решаются методами гражданской борьбы.

У русских - добродушного, уживчивого народа, который особенности исторического прошлого заставляли быть народом-воином, - есть заповедь, относящаяся к оружию: без необходимости не вынимать, без победы не возвращаться. Революции, как и войне, нужна победа. Если революциям не сопутствует удача, у них другие результаты, и они иначе называются.

2. Революция как борьба за русское наследство

Человеческому сообществу, организованному политически, свойственно время от времени очищаться от посторонних, вредных для его жизни элементов, когда менее радикальные способы оказываются неэффективными. Если общество исчерпало возможности для свойственного своему организму развития и не способно изменить условия существования ни методами эволюционных изменений, ни с помощью реформ, наступает эпоха революций. Поэтому революции основательны.

Проходя через революции, человеческая природа приобретает новые качества, новую энергию развития. Они совершаются прагматически, являясь реакцией самозащиты, реакцией очищения. Революции созидательны. Они лишь тогда достигают своих целей, когда соответствуют природе собственной страны, когда освобождают её энергетический потен-

циал для нового витка исторического развития.

Но революцию подстерегает опасность. Она, решая свои задачи, может вторгнуться в органичные начала жизни. Речь идёт не только о естественных ресурсах, дарованных нации природой страны и предками, которые освоили и приобрели для своих потомков огромные территории, и которые приносятся теперь в жертву. Проблема революции состоит в том, чтобы не разрушить русский мир, русскую семью и дом, соответствовать основным началам русской философии и мировоззрения, традициям русской цивилизации.

Основные начала революций исследованы и осмыслены учёными, публицистами, государственными деятелями. У истоков правильного их понимания такие гиганты, как Ломоносов, Карамзин, Пушкин. В XIX веке, критическом для России, русская идея разрабатывалась многими авторами, среди которых Гоголь и Аксаков, Достоевский и Лесков, Победоносцев и Достоевский. В первой половине XX столетия её развивали Солоневич и Ильин, учитывая причины и последствия Первой русской революции. Из современных публицистов и учёных нельзя не отметить работы академика Рыбакова, О. Платонова, Г. Хохрякова.

Рассмотрим хотя бы конспективно коренные основы русской экономики, русского общества, русской власти и государственности,

сложившиеся в результате двухтысячелетней русской истории. Какие бы реформа или революции ни происходили в России, они должны лишь укреплять или охранить их.

Естественные основы России — природа, труд и интеллект.

Русские — обладатели несметного богатства в виде 40 процентов населенной людьми суши или 17 процентов всей суши земли. Однако четыре пятых этого пространства — крайне сложные с точки зрения ведения хозяйства северные территории с суровым, непредсказуемым климатом и вечной мерзлотой. Издревле житель российских равнин и обитатель гор был подвержен многим опасным случайностям, которые сопутствовали ему от рождения до смерти. Это естественное обстоятельство не ожесточило его характер, но закалило волю, воспитало невероятную жизненную стойкость, укрепило в том, что представляет единственное спасение — в *труде*. Терпение и труд все перетрут — в этих немногих словах весь великий русский характер.

Поэтому у власти в России не должно быть тех, кто не знает той простой истины, что не растут на её просторах экзотические плоды и даже картошка родит не везде. Поэтому русские не должны верить тем, кто гипнотизирует их волшебным словом «рынок», господство которого должно заменить отобранные в результате исторического опыта национальные способы организации труда.

Разве непонятно, какого невероятного терпения и *труда* будет стоить возвращение страны к нормальной жизни, если она попытается экспериментировать над собой. А дорогу к процветанию может проложить только *интеллект*, изоцренный русский ум, сложившийся в тысячелетней борьбе с коварством и непостоянством северной природы, вынуждавшей к постоянной перемене рода деятельности.

Это все и сегодня в России есть, но по злому умыслу или недомыслию вытеснено на обочину, перестало быть предметом общественного уважения, главным условием жизненного успеха. Почему? Да потому, что к власти прорывается нахрапистое потребительство и наглая серость!

Подобное стало возможным из-за того, что нарушено естественное для России соотношение между сложившимся в ее специфических условиях статусом *производителя* материальных и духовных благ, *посредника* и *потребителя*.

В России, где экономика столь жестко зависит от случая, от непреодолимых внешних обстоятельств, главенствующая роль всегда принадлежала и впредь должна принадлежать *производителю*. Ибо качество огромных естественных ресурсов таково, что лишь малая доля их в виде не продуктов труда, а даров природы идет непосредственно на стол и в дом. Большая, подавляющая часть их стано-

вится доступной для потребителя только после глубокой переработки. Поэтому типичный русский — это не купец и даже не крестьянин, а человек мастеровой. И наиболее ярко в этом качестве он проявил себя именно в XX веке, в ныне живущих и действующих поколениях.

Тяжелейший удар, нанесенный сейчас по русскому *производителю*, угрожает существованию практически каждой семьи. Он составляет угрозу даже для тех, кто все еще рассчитывает поживиться на общей беде. Существование «новых русских», не только как нового класса, но прежде всего как отдельных людей — «физических лиц», поставлено в прямую зависимость от объема и качества материальных и духовных благ, настоящего богатства, выпускаемого на внутренний и международный рынок *производителем*. Наиболее дальновидные из них уже ощутили, что Россия - не банановая республика и не туристский рай. Делать деньги из воздуха в её пределах можно только ценой разрушения государства, обнищания и вымирания населения. Следовательно, такое предпринимательство является не игрой ума, не разнообразностью общественно полезного труда, но преступлением, несовместимым с национальными интересами.

Специфические условия развития русского общества сформировали в нем уникальное, присущее только ему соотношение между *законом, властью и деньгами, тремя видами*

сил, способных управлять человеческими сообществами и отдельными людьми.

Превыше всего русский человек, воспитанный в беспощадной борьбе с внешними, изначально враждебными силами, ценит ответственность и справедливость. Поэтому он не примет несправедливый закон, не поддержит власть, утратившую ответственность перед народом, не признает богатства, нажитого хищническим путем. И поскольку в северной суровой стране от века было так, что «в трудах праведных — не нажить палат каменных», только власть путем установления справедливых законов могла оградить общество от мироедов, предупредить гибель государства и не допустить разрушение национального единства из-за ничем не ограниченной алчности тех, кто смысл своей жизни видел в обладании возможно большим количеством денег.

Конечно, преобладание власти и ограничение роли денег также чревато многими опасностями. Однако, если бы русское общество отдавало безусловное первенство деньгам, оно не могло бы развиваться до современных масштабов. И если русские изменят присущее им соотношение между деньгами и властью, они потеряют Россию, а вместе с нею — самих себя.

Те, кто продолжает утверждать, что все проблемы уйдут в тот день, когда деньгам в России будет предоставлена полная свобода разобратся с каждым человеком в отдельно-

сти, в лучшем случае глубоко заблуждаются, в худшем — сознательно уничтожают основы достойной человеческой жизни на одной шестой земной суши. Деньги, превращенные в идола, предмет фанатичного поклонения, не знают ответов на все вызовы, которые бросает жизнь, насыщенная противоречиями и ежедневным острым риском.

Русский духовный мир, некогда выраженный в яркой и емкой формуле: *православие, самодержавие, народность*, в принципе противопоставлен экономическому и политическому либерализму. Понятые разночинными интеллигентами примитивно и буквально, русские духовные ценности пришли в современную эпоху в предельно извращенном виде.

На самом деле *православие* было, есть и должно быть впредь стержнем духовной жизни русского народа, этической основой русского государственного и гражданского права. Разумеется, при том условии, что русские окажутся в состоянии оставаться русскими вне зависимости от личного отношения каждого из них к *Православной Церкви*.

Самодержавие означает не столько сущность политической системы, сколько разделение прав и ответственности в общественных и экономических отношениях. Авторитарная царская власть с большим уважением относилась к частной жизни своих подданных, нежели ее правопреемники в СССР и современной Российской Федерации. Принцип

самодержавия означает, что каждый «держит себя сам». Он предполагает ответственность не только за себя, но и за свою семью, свою деревню, свой городской посад, свой город, свою «вотчину», понимаемую как «малая родина». Верховная *власть*, таким образом, должна принимать на себя ответственность только за державу в целом, за справедливый порядок, лад между вотчинами, городами, деревнями, семьями и отдельными людьми.

В отношениях между людьми уважались не только личные достоинства. В холодной, неуютной для жизни стране отдельный человек значил очень много, но он неминуемо погибал физически или нравственно, если ставил себя вне своего *народа, общности, основанной на естественном родстве многих поколений*. Поэтому понятие *народ* в России пользуется таким глубоким уважением.

Русский обычай вследствие этого безоговорочно признает право каждого из жителей страны принадлежать к любому *народу*. Поэтому ни один коренной народ России не растворился, не исчез, не утратил своих особенных, только ему присущих характерных черт и верований. Каждый из них, оставаясь в пределах русского государства, органично обрел способность к полноценной жизни в лоне своей культуры, своей традиции быта.

Если некоторые современные политики этого предпочитают не помнить, всё равно русским нечего стыдиться за своих пред-

ков. Они не были угнетателями инородцев и иноверцев. И не следует за них «извиняться», приносить «покаяние», оправдывать то, что составляет содержание русской истории, как бы этого ни хотелось тем, кто жаждет убить Россию, стреляя в её прошлое.

Законы в России «не работают» в большинстве случаев вовсе не потому, что государственные деятели, их придумавшие и принимавшие, чего-то не додумали или не учли. Они не работают потому, что зачастую вступают в противоречие с такими основами русской экономической и общественной жизни как *артельность в труде, общинность в быту и соборность в государственных установлениях*.

Представление о русском как о плохом работнике — это преднамеренная грубая ложь. Самостоятельный русский, не развращенный дармовщиной и не отравленный алкоголем, с рассвета и дотемна - в созидательном труде. Но как бы ни была для него важна семья, дом, личное хозяйство, он никогда не испытывает такого душевного подъема, как вливаясь в артельный труд, в результатах которого он заинтересован лично. Феномен русского отношения к труду являет эту черту даже в тех сферах деятельности, где труд должен носить сугубо индивидуальный характер по своей исключительной сути, а именно — в творчестве, искусстве, науке, изобретательстве и даже в интеллектуальных играх.

Те, кто решил, что нынешнее поколение русских должно жить в стране победившего индивидуализма, стоят перед невыполнимой задачей. Ибо *общинность* в повседневной жизни присуща даже жителям наших столиц — мегаполисов, собирающих на клочке земли миллионы людей и разъединяющих их жесткой борьбой буквально за все, вплоть до права дышать чистым воздухом и пить чистую воду. Редко кто из жителей России не имеет бескорыстных друзей, доброжелательных соседей, считающих своей святой обязанностью приходить на помощь и в пределах возможного делиться — только в силу того, что они живут рядом, что есть нужда в их сочувствии. Однако жертвенность друзей и помощь, исходящая от ближайших соседей предполагает такое уважение их интересов, которое не допускает сговора за их спиной, решения собственных проблем за счет ближних и дальних, разве только по взаимному многостороннему согласию.

Из этого вытекает третий главный принцип русского политического и общественного устройства, который не может заменить либеральная демократия с формальным преобладанием интересов простого, а чаще даже относительного большинства. В России это — *соборность*.

Никакое решение не должно и не может быть навязано русскому обществу без согласия абсолютного большинства его членов,

ибо в противном случае неизбежно страдает справедливость, и русские вместе с другими народами России этого не примут. Именно поэтому провалы так часто постигают инициаторов российских реформ. Переоценивая терпение русского народа, они в большинстве не понимали или не желали принимать в расчет того, какое значение имеют в русской жизни эти три начала: *артельность, общинность, соборность*.

Точно так же терпели неудачи и те, кто догадывался об этих особенностях русского жизненного уклада, но представлял русского как примитивное стадное существо, грубо копируя его представления о *семье, народе и нации*.

Русский не говорит: мой дом — моя крепость. Для него в противостоянии с суровой природной средой важнее умножение самого себя. Я не один. Я, моя жена, мои дети, мои домочадцы — *семья*. Совокупность многих семей, генетически принадлежащих к одному сообществу — *народ*. Сообщество исторически объединившихся *народов* — великое, могучее государство, раскинувшееся на полмира — *нация*.

Русский народ явил себя миру сравнительно недавно — на Куликовом поле. Как политическая *нация русские* сформировались только в XX веке. Поэтому мы — одна из самых молодых *наций* на Земле, и многое нам за это должно проститься, хотя бы потому, что в

1945 году мы показали свое неодолимое могущество.

Именно поэтому, чтобы ни произошло с русскими вчера и сегодня, — это только начало национальной истории и нынешние поколения еще успеют увидеть полет русского орла, во всю ширь распахнувшего свои крылья.

Победы создают нации, поражения её закаляют. Надо только решить коренной вопрос революции. Это — вопрос о *власти*.

Коллизия русской *власти* в XX-м веке в литературной форме наиболее точно описана великим русским писателем Михаилом Афанасьевичем Булгаковым в повести «Собачье сердце». Три лика у нее, точнее — три личины. Экспериментирующий профессор Преображенский, идеологический фанатик Швондер, «очеловеченная дворняга» Шариков.

На первый взгляд, симпатии Булгакова на стороне профессора, обладающего острым умом, независимыми суждениями. Но лишь на первый взгляд. В действительности в нем воплощен образ холодного учёного, дерзающего «исправить ошибки» самого Господа Бога.

Образ другого рода — Швондер — беспринципный в своей идеологической одержимости, иступлённый фанатик. Он смешон и карикатурен, как любой филистер. Но как ни отвратителен этот тип, он всего лишь обманом посаженное в русском саду гнилое дерево, не приносящее доброго плода, которое рано или поздно будет срублено и брошено в огонь.

Дворняга Шариков - животное в человеческом образе, рвётся во *власть*, чтобы все отнять и поделить. Но главное, чтобы с мандатом и пистолетом «душить котов» в силу безотчетной и неудержимой к ним ненависти.

Страшен гуманоид Шариков, но... Никогда бы ему не появиться на свет, если бы его не придумал, не создал в своей бессердечной научной фантазии Преображенский... Не швондеры и не шариковы начали эксперименты над собственным народом, деформируя основы его развития. Не они доказывали необходимость сносить горы и поворачивать реки. Это — дело преображенских. Швондеры облекли их идеи в покровы непогрешимой веры, а шариковы — доводили эксперимент до логического конца, до катастрофы.

Единственное расхождение с реальностью у великого писателя просматривается лишь в том, что Преображенский из опыта вышел сам. Но на деле не было этого. И мы на себе ощущаем непрекращающиеся попытки поправить нашу жизнь грубым хирургическим вмешательством в самые тонкие ее материи.

Поэтому сегодня русскому народу надо убрать из *власти* не только шариковых и швондеров, но прежде всего преображенских с их холодным, безнравственным умом и непомерной гордыней. Катастрофических экспериментов над страной уже довольно. Избавить от них Россию может лишь *власть*, обладающая русскими национальными качествами.

Во *власти* Российскому государству нужны здравый смысл, умение уловить естественный ход событий и приспособить к ним собственный образ мыслей и действий, она должна обладать мгновенной реакцией на любой вызов и иметь способность к дальнему расчету в любом её действии должна быть трезвая оценка собственных возможностей, но не затем чтобы отказаться от поставленной цели, но вовремя и со смыслом отступить, если к этому вынуждают обстоятельства, выждать, укрепиться в собственной вере, собраться с силой и победить.

Проблема и задача русской революции состоит в том, чтобы, не утрачивая ни одного достижения России, предоставить наиболее благоприятные условия для её развития в XXI веке. На этом пути её подстерегает, по крайней мере, две проявившие себя опасности: угроза распада русского национального общества, не изжившего в себе болезни этносепа­ратизма, и угроза политического расчленения государства российского, первым признаком которого явились соглашения в Беловежской пуще.

3. Против этнонационального синдрома

Теперь, когда мы достаточно хорошо знаем процессы, описываемые этнологией, появившейся в развёрнутом виде лишь в 70-80 годы, сохранение в отечественной науке, например

в статистике, и в политике, например в нормах современного конституционного права, такого понятия, как «многонациональный народ», кажется нелепым анахронизмом. Эта нелепость была бы не более забавной, чем любой устаревший и изживший себя научный трактат или акт права, если бы их применение не носило России столько разрушений.

Два обстоятельства выглядят курьёзом. В России продолжают использовать определение понятия «нация», предложенное в начале XX столетия марксистами, в частности Джугашвили (он же Сталин), как этнос. В переводе на русский оно звучит как «народ». В связи с этим, термин «народ» применяют у нас там, где в международном и государственном праве других государств применяют другой термин — нация. Этнография и статистика всего мира выявляет, где и какие народы (этноты) существуют на земле, у нас их называют «нациями».

Согласно Госкомстату выявление национальности объяснялось в 1989 году как — «определение этнической принадлежности, т.е. принадлежности к тому или иному народу или национальной (этнической) группе». Как ни вспомнить: есть ложь, большая ложь и статистика. Такая методология в статистике хуже лжи, но она не случайна. Отождествление двух понятий слишком дорого обходится России, и это выгодно ее врагам.

Если в Европе, Америке и Азии нация со-

стоит из народов, то в России наоборот — народ состоит из наций. Поэтому, когда в современной Европе и других частях света утверждают, что каждая нация имеет право на собственное государство, то эта фраза означает лишь констатацию давно сложившегося факта, аргумент здравого смысла, принцип, предохраняющий государство от распада.

Этот тезис означает, к примеру, что французы или испанцы, являясь нациями, обладают правом на суверенную Францию или, соответственно, суверенную Испанию. Но он одновременно имеет тот подтекст, что гасконцы, эльзасцы или нормандцы Франции, а также каталонцы, басконцы или арагонцы Испании права на «собственные» государства не имеют, и любую попытку подобного рода государства создать следует расценивать как покушение на территориальную целостность имеющихся государств. Потому что они не нации, они народы. Но баски Испании и корсиканцы Франции время от времени пытаются насильственным путём доказать, что они нации и «право имеют», в связи с чем добросовестные власти Французской республики и Испанского королевства отечески, то есть «железом и кровью», внушают мятежникам прямо противоположное: эти народы такого права не имеют.

Однако, как только мы пересекаем границу исторической России или попадаем в общество марксистов или антимарксистов (в дан-

ном случае они стоят на одной платформе), «право наций на самоопределение» видоизменяется до неузнаваемости. Оказывается, «в составе населения СССР» имеется «более 100 наций и народностей». Что для наших догматиков, продолжающих слепо повторять заклинания столетней давности, означает — все они «имеют право на самоопределение».

Следовательно, раз русские (до недавнего времени — советские) не являются нацией (они, как известно, — «многонациональный народ»), права на собственное государство у них отсутствует. В лучшем случае их удел жить в Союзе, Содружестве, Сообществе, но только не в едином государстве. Ибо это «не по науке», этого не допускает «марксизм и национальный вопрос».

Столь оригинальная трактовка должна означать, что эти «100 наций и народностей» обладают, так сказать, естественным правом на то, чтобы жить в «собственном» государстве. Раз сама власть признаёт любое племя России, коренное или кочевое, «нацией» и автоматически наделяет его собственной «республикой» и даже вписывает в «конституцию» право республики «свободно» выйти из состава «Союза», то разве подобные шутки могут остаться без последствий?

Если в первом действии пьесы ружьё повешено на стену, в последнем акте оно должно выстрелить. Таковы законы драматического жанра. Есть они и в политике. Вследствие

только что описанной национальной политики чеченцы, например, именуется нацией, ей даруется особая территория со всеми необходимыми атрибутами, затем эту территорию объявляют в основном законе государства не составной частью государства Россия, а собственно государством Чечня, «субъектом федерации». Разве после этого ружьё останется висящем на стене?

Перефразируя известное изречение, можно сказать: чеченцы не злодеи, они восстали и убивают русских, а заодно сами умирают, потому что доверчивы. Разумеется, генерал Дудаев - не генерал Отелло, но разве не коварство и скудоумие антинациональной политики превратило его в мятежника и государственного преступника?

Противоестественная, ложная от начала до конца, догматическая по сути теория, ставшая руководством к действию государственной власти Советской России, а затем СССР, обусловила глубочайший этнонациональный кризис в России. Пока такая политика, имеющая своим основанием «ленинско-сталинскую национальную политику» не будет отвергнута, Россия обречена на цепную реакцию распада. Её разрушит чеченский синдром, помноженный на число российских «наций».

Энергия этого вируса предусмотрена политической теорией, которую в своё время взяли на вооружение все «революционные» группировки, боровшиеся с Россией. Таким обра-

зом они приобретали тогда «спонсоров». Чуть позже мы объясним, почему распад России оказался в процессе Первой русской революции невозможен. Но теперь Россия переживает Вторую революцию, и вновь национальный вопрос занимает в ней центральное место. Почему? Потому что между двумя революциями теория превращалась в практику. Опираясь на авторитет «науки», на месте единого государства, предназначенного для одной нации, кроилось лоскутное одеяло для ста наций. Система воспитания, образования, агитации и пропаганды, словом — идеология государства и его кадровая политика в течении трёх-четырёх поколений создавали соответствующее мировоззрение и структуру руководящего класса. Знаменитые национальные кадры! Это было уже не одно ружьё на стене, а целая армия, которая в подходящий момент должна была взбунтоваться. Она и взбунтовалась, воспользовавшись началом Второй революции в России.

Этнология доказала, что процессы, создающие человеческие сообщества, протекают одинаково как в Европе, так и в Азии. И раз Россия занимает оба эти континента, нет основания делать из шестой части суши исключение, прекращая его применение на оставшихся пяти шестых.

В эпоху Средневековья родилась фраза: пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала юстиция. В России более 100 лет реализует-

ся другая мысль: пусть погибнет Россия, лишь бы считалась истиной в последней инстанции национальная теория, созданная трудами Ульянова и Джугашвили.

Для марксизма соединение этих двух явлений — нации и государства — с любой точки зрения казалось абсурдным, ошибочным, неоправданным. Разве ирландцы стали нацией лишь после образования Ирландского свободного государства, а до этого времени они не представляли собой нации? Разве норвежцы не были нацией до отделения Норвегии от Швеции? Разве украинцы не были нацией, когда Украина входила в состав России, и они стали нацией лишь после отделения от Советской России? И наконец, самый коварный аргумент, предъявленный «отцом народов»: — «разве эта схема не приводит к оправданию буржуазных националистов в наших Советских республиках, доказывающих, что советские нации перестали быть нациями после того, как они пошли на объединение своих национальных Советских республик в Союз Советских Социалистических Республик?»

То, что для Джугашвили представляло очевидным абсурдом, в действительности оказалось единственно правильным пониманием процессов, создающих нации. Марксизм, грезивший мировой пролетарской революцией, которая отменит государства, рассматривающий государство в качестве одной из многочисленных надстроек, необходимость в

которой должна отпасть, не мог признать за государством качеств, созидающих нации. Это предположение действительно содержало в себе элемент абсурда в том только смысле, что оно превращало сам марксизм в абсурд. Разве можно было всерьёз говорить об отмене государства, если XX век оказывался эпохой утверждения наций, а значит, и периодом окончательного огосударствления человечества. Что же касается ссылки не на научный, а на «практический» смысл понятия нации, то между двумя войнами этот смысл был более чем прозрачен в прагматичных действиях государства.

Для государственной политики России восстановление суверенных прав над утраченными в результате революции русскими территориями (Финляндия, Прибалтика, Привислинский край, Западнорусские губернии, Бесарабия, Западная Армения) было актуальной, необходимой задачей, которую рано или поздно приходилось решать. Если государство — признак нации, а нации имеют права на самоопределение, то... Нет, лучше обойтись без государства, формулируя определение понятию «нация». Теория никак не могла подкрепить практику.

Такая национальная теория загоняла русскую политику в порочный, неразрешимый круг. Если признать наличие «собственного» государства признаком нации, то все существующие государства, в том числе имеющие

обширные колонии, окажутся неприкосновенными. Тогда ни лимитрофные образования, сложившиеся между Россией и Европой, ранее принадлежащие России, ни колониальные владения европейских государств в Азии, Африке и Австралии не могут быть объектом революционного действия. Не обойтись без признания права метрополий на угнетение колоний и отказать попавшим под колониальный гнёт нациям в праве на борьбу против империализма.

«Практически-политически» подобное толкование понятия нации действительно оказывалось абсурдным, контрреволюционным, антисоветским. Если украинцы — нация, они вправе отделиться от русских, если норвежцы не были нацией, то с какой стати они отделились от шведов, если Британская Индия является частью Англии, разве могут индийцы бороться за свободу от британцев? Обнаружить в поляках и шведах, немцах и англичанах, финнах и украинцах нечто иное, что делало бы их не похожими друг на друга и в то же время не делало их нациями, рассмотреть общую историю не только как «борьбу классов» между собой, но и как процесс, создающий такую естественноисторическую общность, как этнос (народ), на этот «подвиг» политики и идеологи в России оказались не способны.

Русская политическая и государственная мысль запуталась сначала в двух соснах, будучи не в силах правильно соотнести понятия

«нации» и «государства», а позже не смогла правильно решить проблему трёх категорий, которая породила, в конце концов, неразрешимую проблему взаимодействия народов, наций и государств. В действительности она легко решаема.

Человек, по справедливому замечанию Л.Гумилёва, существует в коллективе, который в зависимости от угла зрения, рассматривается то как социальная общность, то как этническая общность, то как политическая общность. Классы, народы и нации составляют три основные формы, благодаря которым человечество осуществляет удовлетворение своих потребностей - как на индивидуальной, так и на коллективной основе.

Этнический состав любой современной страны неоднороден, сложность — его естественная черта. Таковы данные, которые представляет этнография и переписи населения. Тем не менее, вопреки этому обстоятельству как в законодательство, так и общественное мнение закладывается прямо противоположное. Россия в официальном порядке провозглашает себя страной, где существует один народ, разделённый на множество «наций». Посмотрим, что из себя представляют эти «нации».

Последняя перепись населения, состоявшаяся в 1989 году, зафиксировала на территории исторической России (б. СССР) 124 этнических единицы, из которых 79 принад-

лежат к коренным народам и народностям в существовавших тогда политических границах. Не относятся к коренным народам России 45 этнических единиц, среди которых имеются не только незначительные группы, насчитывающие сотни или тысячи человек, вроде выходцев из Индии, Северной и Южной Америки или Западной Европы. Имеются и более крупные общности, такие как немцы, евреи, поляки, корейцы, венгры и т.п. Не по личному правовому статусу, а вследствие персональной политической идентификации, не совпадающей с естественным этническим составом России, они являются иностранцами. Общее количество иностранцев на территории Исторической России составило почти 12 млн чел. или 4,2 процента всего населения.

На территории Российской Федерации перепись выявила 65 коренных народов и народностей и 59 этнических единиц, имеющих иностранное происхождение. Общая численность иностранцев в РФ составила 9,9 млн чел. или 6,7 процента населения. Увеличение их доли в Российской Федерации можно, в частности, объяснить тем, что согласно такому подходу в категорию иностранцев зачисляются жители, которые определили свою этническую принадлежность народам, в дальнейшем обособившимся от Великороссии.

Получается, что в суверенной Российской Федерации к иностранцам должны относиться не только поляки или финны, в прошлом под-

данные Российской Империи, но и белорусы и украинцы — граждане СССР, которых замечательная теория, описанная выше, заставила с нуля заняться собственным государственным строительством. Заметим между прочим, что власти лимитрофов Прибалтики поступают абсолютно логично, лишая гражданства всех лиц, которые имеют «иностранное» происхождение, иностранное с точки зрения «Вильнюса, Риги и Таллинна».

Приведённая в Таблице 1 группировка всех коренных народов и народностей как Исторической России, так и Российской Федерации, с одной стороны, опровергает утверждения различных политиков и этнографов относительно утраты б. СССР русской этнической доминанты, с другой, — подтверждает, что только русские народы (великорусы, малоросы и белорусы) являются государствообразующими и составляют этнический стержень государства. Так как в численности коренного населения доля русских составляет по Исторической России почти 73 процента, а по РФ — почти 89 процентов, то не может быть и речи о тенденциях к фактическому равенству или к выравниванию этнического состава населения в сторону тюркских и каких угодно других народов. Тюркские народы, проживая преимущественно на своих исторических землях и являясь второй по численности группой населения, в Исторической России составляли 16 процентов, а в РФ — только 7,4 процента.

И чтобы снять любые спекуляции, которые возникают относительно этнической динамики между современной Россией и Российской Империей, приведём Таблицу 2, которая составлена на основании данных первой переписи населения 1897 года. Некоторые изменения, которые имеются в Таблице 2 (рост числа финно-угорской группы и появление в качестве коренных «других славянских народов», то есть поляков) объясняются тем, что приведённые данные включают также жителей Царства Польского и Великого княжества финляндского.

На 14 этнических групп, в которые можно объединить 76 коренных народов современной России (согласно Таблице 1), приходилось 27 процентов населения, в РФ десять этнических групп (56 народов и народностей) составляли 11 процентов общего населения.

Таблица 1				
Этнические группировки населения исторической России и Российской Федерации в 1989 г.				
	Историческая Россия (б СССР)		Российская Федерация	
	Млн человек	%	Млн человек	%
Русские народы	199,39	72,80	119,81	88,70
Тюркские народы	44,11	16,10	10,03	7,40

Иранские народы	4,82	1,80	0,40	0,30
Армянские народы	4,62	1,70	-	-
Летто-литовские народы	4,53	1,70	-	-
Финно-угорские народы	4,26	1,60	3,07	2,30
Картвельские народы	3,98	1,50	-	-
Романские народы	3,35	1,20	-	-
Дагестанские народы	1,74	0,60	1,42	1,10
Нахские народы	1,23	0,40	1,12	0,80
Адыго-абхазские народы	0,67	0,20	0,56	0,40
Тунгусо-манчжурские народы	0,06	...	0,06	...
Самодийские народы	0,03	...	0,03	...
Палеозийские народы	0,03	...	0,03	...
Эскимосо-алеутские народы
Всего коренные народы:	273,77	100,00	135,12	100,00
Иностранцы	11,97	(4,2)	9,90	(6,7)
Всего	285,74		145,02	

Естественное развитие совокупности этносов в новое качество, превращающее его в результате длительной эволюции в нацию, предполагает наличие особого этнического материала — некой природной клейковины. Кастильцы в Испании, пруссаки в Германии, галлы во Франции, ханьцы в Китае, являлись таким главным строительным материалом, создавшим, причём сравнительно недавно, нации испанцев, французов, немцев и т. д.

Какой народ является основой русской нации? Это великороссы, после Первой русской революции переименованные в русских. Их одарили громким именем «нация», и, следовательно, официально отказали в праве считать главным народом страны.

Романские народы	1,12	0,90
Дагестанские народы	1,09	0,90
Другие народы	1,40	1,20
Всего коренные народы	123,08	100,00
Иностранцы	5,12	4,20
Всего	128,20	

Тем не менее, великороссы, игнорируя «официальную» науку, продолжают выполнять своё историческое служение. Великорусский народ, составляя этническое ядро русской нации и российской государственности, обеспечивает своё присутствие во всех окраинных регионах, опровергая на практике нелепую теорию и губительную политику. Численность великороссов составляла: в Прибалтийском крае — 1,7 млн чел., в Закавказском крае — 0,8 млн чел., в Бесарабии — 0,6 млн чел., в Туркестане — 1,8 млн чел., в Степном крае, Южной Сибири и Семиречье — 6,2 млн чел.

На территории Белой, Малой и Новой России общая численность великорусского населения составляла 11,6 млн чел.

Таким образом, попытки «научно», то есть с точки зрения «нетленной» теории, обосновать существование конфедеративного Советского Союза, состоящего, якобы, из мононациональных союзных республик, или Великороссии как федерации этносов (Российская Федерация), не подтверждается прежде всего самим

Этническое группировка населения Российской Империи в 1897 году		
	Млн человек	%
Русские народы	83,93	68,20
Другие славянские народы	7,93	6,40
Тюркские народы	13,80	11,20
Иранские народы	0,79	0,60
Армянские народы	1,17	1,00
Летто-литовские народы	3,09	2,50
Финно-угорские народы	7,41	6,00
Картвельские народы	1,35	1,10

этническим составом населения различных регионов страны. Не более основательны и ссылки на особое, «многонациональное» качество населения СССР или РФ. Впрочем, территориальная целостность, а также границы, достижение которых является целью обеспечить нацию её жизненным пространством, не обуславливается доказательствами той или иной науки. Наука лишь сводит в систему процессы, в которых её удаётся обнаружить причинно-следственные связи и отношения.

Национальная территория приобретает не в академических спорах, а в упорной борьбе. Ни одна нация не должна являться арифметическим большинством в любой точке территории своего государства для того, чтобы «иметь право» рассматривать эту территорию в качестве своей. Если бы такое «право» вообще существовало, то что, спрашивается, служило бы основанием считать Флориду, купленную у Франции, или Аляску, за которую было заплачено звонкой монетой правительству России, суверенной принадлежностью США? Разве торговая сделка, заключённая так, как если бы эти земли были необитаемы, более основательна, чем договоры, предоставившие России территории финляндские, прибалтийские, закавказские или среднеазиатские?

Политический распад российской государственности, дважды происходящий в XX столетии, не связан с количественными осо-

бенностями состава российских народов. Проблему политической целостности и государственной устойчивости следует искать не в этнических или антропологических, а в социально-экономических и государственно-политических противоречиях, порождённых ошибочной политикой. Она не в количестве этносов, а в их качественном состоянии.

Политическому воссоединению России препятствует не то что русских как народа слишком мало (хотя его численность и недостаточна), а то что русские не нашли пока эффективных способов проявить свой государственный и национальный инстинкт, волю к власти, способность доминировать во всех ключевых сферах экономической, общественной и государственной жизни. Пассивность русских — следствие целенаправленного воздействия на их сознание «вечно живого учения», наряду с физической деградацией — последствием экономического угнетения населения великорусских территорий, которая была целенаправленной политикой правительства СССР. Суть проблемы состоит в необходимости осознания национальных ценностей и имперских интересов России, которое бы не допускало в принципе каких-либо дискуссий по этому поводу, выводя последние за пределы национальной морали.

Признавая неудачными обычно применяемые определения нации, приведём то определение, которое было сформулировано

в «Манифесте возрождения России», разработанном А. Савельевым и автором этих строк в 1994 году и тогда же опубликованном. В общем виде нация — это этно-социальная, культурно-историческая и духовная общность людей, сложившаяся в процессе формирования государства и укоренения развитой культуры.

Термин «государство» в данном определении является ключевым элементом, отделяющим этот вид общности от общности, именуемой народом. История природы, частью которой является природа человека, создаёт народы. Когда народы вступают в политические отношения, формируются нации. Современная этническая карта мира насчитывает до 2000 народов, на политической карте наций меньше 200.

Разумеется, приведённое определение нации относится к области политики. Если рассматривать эту общность с точки зрения этнологии, то вместо понятия «нации» придётся использовать термин «суперэтнос», значение которого включает в себя «группу этносов, возникающих одновременно в одном регионе, и проявляющую себя в истории как мозаичная целостность» (Л. Гумилёв).

Подытожим сказанное. Одной из задач, которую предстоит решить Второй русской революции, является обеспечение условий для завершения национального строительства в России и образования русской нации

как политической общности. Теория многонациональной России и все государственные установления и институты, создававшиеся на идейной базе этой теории, подлежат «отрицанию». До тех пор, пока в массовом сознании и на практике не будут уничтожены её мельчайшие остатки, российская государственность не может считаться обеспеченной. Иными словами, Вторая русская революция должна являться по своей природе русской национальной революцией.

4. Против конфедеративного синдрома

Одним из результатов Первой русской революции было превращение Российской Империи в Советский Союз, неделимого государства - в конфедеративное государственное образование, территориального устройства - в национально-государственное деление. Теоретически эта трансформация была обусловлена доминирующим значением в русской революционной мысли марксизма.

Лидер партии, в конце концов захватившей власть в стране, имел вполне определённую национальную доктрину, суть которой была изложена выше. Имел он и программу, относящуюся к будущему Российского государства. Здесь мы ограничимся лишь самыми необходимыми цитатами. Вот что утверждал г-н Ульянов (Ленин) примерно за 18 месяцев до того, как стать волею обстоятельств рус-

ским премьер-министром, то есть а начале 1916 года:

«В России, где угнетённым нациям принадлежит не менее 57% населения, свыше 100 миллионов, — где эти нации населяют по преимуществу окраины, — где часть этих наций более культурны, чем великорусы, — где политический строй отличается особенно варварским и средневековым характером, — где не завершена ещё буржуазно-демократическая революция, — в России признание права на свободное отделение от России угнетённых царизмом наций безусловно обязательно для с.-д. во имя их демократических и социалистических задач».

Как раз в те самые дни, когда русская армия истекала на фронте кровью, медленно отступая под натиском германских и австро-венгерских войск, находящийся в нейтральной Швейцарии будущий «вождь пролетариата» писал:

«Если русские социалисты не требуют отделения Финляндии, Польши, Украины и пр., и т. д. от России, то они поступают как шовинисты».

Ленин по сути дела внедрял в русскую социал-демократию доктрину Пангерманского союза, председатель которого Клас в 1914 году заявлял:

«Лицо России должно быть повёрнуто на Восток силой. Кроме того, она должна быть отброшена к допетровским границам».

Прикрываясь социалистической фразеологией, Ульянов объективно действовал в России и в социал-демократии как германский политический агент задолго до того, как очутиться в Петрограде в роли автора «Апрельских тезисов», агитирующих за поражение в войне уже не имперского, а революционного правительства, предопределяющего распад не Императорской, а Республиканской России. Ульянов после октября 1917 года не импровизировал, выдавая финским и украинским сепаратистам филькины грамоты на «независимость». Он выполнял программу.

Разве не то же самое, заметим в скобках, делает теперь победившая власть? Разве под словами Ульянова и Класа не подпишется вся «московская трибуна», весь московский бомонд, в течении последних десяти лет почему-то проклинаящий г-на Ульянова?

Было бы ошибочным всё приписывать одной лишь социал-демократической теории или разработкам германских проправительственных шовинистов, списывать события той эпохи на субъективные факторы и недооценивать объективный характер процессов, протекавших в русском обществе накануне и в период Первой русской революции. Этническое формообразование к концу XIX века на территории Российской Империи в основ-

ном завершились, и только незначительные по своей численности этнические общности всё ещё находились на стадии родоплеменного этапа развития. Тем не менее, национальная общность ещё только складывалась. Она не достигла, в том числе и по экономическим причинам, достаточной консолидации. Подвижной была и территория России.

Территориальная конфигурация Российской Империи сложилась всего лишь за несколько десятилетий перед революцией, начавшейся в 1905 году. Туркестанский край вошёл в состав России в 70-80 годы XIX века, Степной край - в его начале, присоединение Закавказья продолжалось с 1801 по 1878 годы. Таврида была освобождена от турецкой оккупации в 1783 году, Бессарабия - в 1812. Воссоединение с Россией русских земель, захваченных Польско-литовским государством, состоялось только в конце XVIII века - после его развала и самоликвидации. Финляндские земли перешли к России от Швеции в 1809 году. Привислинский край, состоявший из земель вассального Наполеону I Варшавского герцогства, - в 1815. Как раз в тот период, когда Россия выходила на свои естественные рубежи в Средней Азии, она уступила Соединённым Штатам Русскую Америку - единственную территорию, которая несла на себе признак колонии.

Два века, предшествующих началу Первой русской революции, составили, таким обра-

зом, длительный период собирания русских земель. Должно согласиться с мнением Карамзина, сказавшего о политике России, утверждавшей внешнюю безопасность государства: мы взяли своё.

Зачастую в русском самосознании складывается впечатление, что Россия очень старое государство, а в разряд молодых государств можно причислить лишь США, Германию, Италию, появившихся лишь во второй половине XIX века. Такой взгляд на русскую историю является принципиально неправильным. Россия как национальное государство моложе, в сущности, даже Соединённых Штатов. Соединённые Штаты превратились в национальное государство не раньше, чем завершилась Гражданская война - только после того как в течении 30 лет осуществляли суровый оккупационный режим на землях конфедерации. Процесс превращения населения многонародной России в национальную Россию занял период, начавшийся с Русско-японской войны и Первой русской революции, завершившийся в основном только после окончания Великой Отечественной войны, из которой Россия вышла победителем на европейском и азиатском театрах военных действий.

Спрашивается, почему Гражданская война североамериканцев превратила США практически в унитарное, цельное государство, где штат — не более чем административная единица, тогда как Россия после революции

не только утратила часть территорий, но и трансформировалась в образование конфедеративного типа — в Советский Союз? Почему в США восторжествовали центростремительные, а в России — центробежные силы?

Во-первых, сказались особенности расселения: в России компактное проживание большинства народов преимущественно на исконных землях, в США — этническая дисперсия. Во-вторых, народы в России никогда не утрачивали своей культурно-языковой, самоуправленческой и религиозной автономии, тогда как этносы США, за исключением туземного населения, никогда её не имели. В-третьих, народы в России имели в своём составе сложившиеся элиты из собственной среды, а в США для их образования не было никаких условий, изначально элиту составляли англосаксы.

При первоначальном образовании Соединённых Штатов сувереном являлось всё население страны, сувереном в России вплоть до 1917 года был император, самодержавный или конституционный монарх. С момента своего образования и вплоть до окончания Гражданской войны в США господствовала идеология единой государственности, тогда как господствующей идеологией в России оказались марксистские или анархистские идеи, либо отрицавшие государственность вообще, либо не признававшие русскую неделимую государственность в частности.

Из гражданской войны Россия вышла с правительством, в программе которого стояло требование разрушения сложившейся государственности, тогда как Гражданская война в США велась за то, чтобы утвердить сложившуюся государственность, основанную на территориальном федерализме.

Так называемое советское правительство и большевистская партия потому и оказались победителями, что нашли общий язык с верхушками малых народов. Они не лукавили тогда, расплачиваясь с государственной автономией, в дальнейшем получившей форму «Советского Союза» республик, либо предоставляя им росчерком пера пресловутую независимость, как это произошло с Финляндией и Прибалтикой.

Иная ситуация была характерна для США, где малые народы — прежде всего негритянские, — участвовали в войне на стороне «северян» как раз потому, что те уничтожали сами признаки государственности внутри Соединённых Штатов вообще и утверждали неделимый суверенитет и равенство прав граждан.

Если негры вступали в армию федератов, чтобы не быть «нацией», то башкиры, казанские татары, горцы Кавказа и другие инородные группы формировали вооруженные отряды, которые воевали на стороне «красных», чтобы получить статус «нации» и соответствующие привелегии. Условия, в которых развивалась Первая русская революция, не давали

никаких шансов на то, чтобы подавить в её результате этногенные процессы в пользу национальных, тогда как в огне Гражданской войны в США могла сложиться лишь единая нация американцев.

Что же предохранило Россию от, казалось бы, неизбежного политического распада? Прежде всего, двойственный характер той самой доктрины, которая совершила подмену понятий, перепутав народы с нациями. Марксизм видел в русской революции социалистический и пролетарский характер. Власть, заражённая марксизмом, осуществляла программу, на которой пламенел девиз — «уничтожение частной собственности». Национализация всей промышленности, земельных ресурсов и банковского дела и установление режима диктатуры одной партии обеспечили единство страны, которая тем же марксизмом была обречена на территориальный распад в силу своей вздорной национальной политики.

Экономика и политический режим одержали победу над обществом и тем предотвратили государственный распад более чем на 70 лет. Как раз та форма, в которой после революции развивалась общенациональная экономика, форма, превратившая её в единый хозяйствующий организм — одну общую «фабрику» — послужили предпосылкой не только для наращивания его производительного потенциала, но и предохраняла государство СССР от возникновения частных или регио-

нальных интересов, ведущих к росту сепаратистских настроений.

Как бы критически ни относился к марксизму, как бы в целом негативно он ни влиял на общественное сознание и на ход русской истории последнего столетия, всё же нельзя не признать, что именно марксизму мы обязаны тем, что Россия как империя сохранила себя в результате Первой русской революции - сохранила вопреки самой марксистской теории и независимо от того, к чему субъективно марксисты стремились, захватывая в России государственную власть.

Догматизм революционеров-марксистов, выполнявших в начале довольно слепо все марксистские инструкции, изложенные в наиболее простых произведениях основоположников, а потому и легче всего усвоенных в «партийных школах», привел к тому, что распаду общества был найден противовес. На яд этнического сепаратизма, который они сами применяли, нашлось более эффективное противоядие. Антирусская этношовинистическая практика компенсировалась режимом государственного террора, «диктатурой пролетариата».

От окончательного распада в 1917-1919 годах Россию спасло «деспотическое вмешательство» государства в «производственные отношения», установление политического господства государства над «орудиями производства», национализация земельной соб-

ственности, всех отраслей хозяйства и банковского дела.

Нация существовала экономически, не существуя формально-юридически. Общественная собственность, следовательно, являлась не выдумкой «политической экономии социализма», а правовой формой, которая соответствовала естественным потребностям развития.

Поэтому, кстати, необходимым актом Первой русской революции должно была явиться и обобществление сельскохозяйственного производства. Национализация индустрии, декретированная первоначально лишь в силу политической программы Коммунистического манифеста, предопределила и коллективизацию, которую абсолютно правильно назвали «революцией сверху». Частное землепользование в тот исторический период было совершенно несовместимо с принципиально иным укладом в индустрии.

Искусственно создававшаяся федерализация и конфедерализация страны на определённый период была компенсирована экономической сверхцентрализацией. Тиранические методы правления, предполагавшие тотальное планирование, связываемое теперь с именем Сталина, обеспечивали необходимый баланс интересов, который был бы просто невозможен, если бы восторжествовала европейская модель ведения хозяйства того времени.

Спрашивается, что стоит за конфедеративным синдромом? Какими факторами можно объяснить его динамику? Ответ содержится в определении сущности Первой русской революции, её действительного характера. Мы ничего не поймём, если останемся в плену привычных ленинских схем, традиционных догматов официальной «советской» истории. Точнее говоря, мы лишь повторим эти догматы, если будет соглашаться с тем, что революция в России была актом революционного пролетариата, а её результатом явилось построение «социализма».

Обычно действительность зло насмешается над социальными утопиями, даже когда утопии приобретают вполне научный авторитет и используют для своего обоснования математические формулы. Математика в нашем случае оказалась плохим помощником.

Мы привыкли расценивать революцию в России, которая происходила в начале XX века, как «социалистическую». Десятилетиями средняя и высшая школа, тысячи монографий адептов научного коммунизма и даже противников господствующего строя доказывали: в России после 1917 года победил социализм, к концу 30-х годов он победил в основном, пожертвовав для этого многими жизнями сограждан, затем социализм победил окончательно. После чего советское общество приступило к развёрнутому строительству коммунизма. Подобная схема на поверку оказалась не более чем схоластикой.

Первая русская революция была вовсе не революцией, в которой, по Марксу, господствующее положение занял пролетариат. Его совершало совокупное крестьянство — ремесленное крестьянство и разночинная интеллигенция, частично состоявшая из обедневшего, разорившегося дворянства. Энергия этих классов общества была направлена не на то, чтобы преодолеть капиталистические формы, которые в России носили очаговый характер, а чтобы возвратиться к прежним условиям развития — к феодализму. Но это был не феодализм поместного барства, а его наиболее развитый вид — феодализм государственный, если угодно — «государственный социализм».

По отношению к ещё создававшейся русской нации эта революция приобрела реакционный характер. Она задержала ее формирование. Поскольку экономический потенциал, имевшийся в феодально-крестьянской стране, не был исчерпан, то не имелось и причин, которые бы заставляли русскую экономику требовать для себя даже капиталистических условий развития. И поскольку «производственные отношения», созданные в результате революции, по своей природе были феодальными, то и государство по своей структуре не могло не быть политической организацией феодального типа.

Единственное, что могло послужить поводом для отождествления новых условий, созданных Первой русской революцией, с социа-

листическим проектом, так это используемая ею риторика и политическая теория, которая тогда заведомо считалась непревзойдённым достижением научной мысли.

Если бы Первая русская революция была действительно «буржуазной» или «пролетарской», она должна была бы неизбежно разрушить все внутренние границы, открывающие простор для создания нации или для завершения этого процесса. Она повторила бы декрет французского конвента, уничтожившего провинции и создавшего департаменты. Она перепахала бы даже границы реально существовавших столетиями государств, их эфемерные остатки, как это делал Бисмарк, создавая Германию, тем более что железа и крови тратилось с избытком.

Революциями, действительно создавшими более высокую форму хозяйствования, и более простую структуру политической организации, поскольку речь идёт об империях, являются в XIX веке американская, а во второй половине XX века — китайская. Они должны были совершить такие революции, так как были полностью исчерпаны предшествующие экономические и общественные отношения, не развивавшие их потенциально гигантские производительные силы.

Поскольку в России феодальные способы производства и феодальные государственный строй не завершили своего развития, революционному отрицанию подверглось как

раз то, что, в сущности, опередило время — полноценный капитализм и государственный демократизм. Одновременно с ними пал и частный феодализм с его архаичными государственными учреждениями во главе с кастой чиновников. При этом нам должно быть совершенно всё равно, что говорили или что думали деятели той эпохи о ней самой, поскольку «нельзя судить о эпохе переворота по её сознанию».

Посмотрим теперь, во что обошёлся России конфедеративный синдром, детская болезнь Первой русской революции, а заодно и настоячивые попытки его преодоления.

Российская Империя, обладавшая более обширными территориями, чем СССР — за счёт северо-западных, закавказских и западных земель, — имела 101 административную единицу (78 губерний, 21 область и 2 округа). После завершения Первой русской революции на Западе и в Закавказье была утрачена территория 28 губерний, и к 1920 году на ней возникло четыре государственных образования, которые ранее не существовали (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва). Нечто прямо противоположное произошло в Средней Азии. Здесь два государства, находившихся в вассальной отношениях с Российской Империей (Бухарское и Хивинское) вошли в состав России, правда, под другим названием. Понятно, что менее развитые феодальные структуры стремились влиться в структуры родствен-

ные, но находящиеся на более высокой ступени развития. При этом этнический фактор, как и везде при феодализме, не имел практического значения.

Революция изменяла мировоззрение новой власти. Логика государственных интересов, ответственность перед государством, а не перед «попами марксистского прихода», не «пролетарский интернационализм», а давно созревшие национальные потребности, заставили бросать «красные» армии России на Варшаву и Львов, на Баку, Эривань и Тифлис, штурмом овладевать средневековыми крепостными стенами Бухары.

Не невозможность «мировой революции», а общая экономическая разруха и внутренние распри в центре России не дали новой, революционной власти в Кремле восстановить территориальную целостность Империи. Эта ярко проявившая себя тенденция имела, впрочем, и исключение. Благодаря иллюзиям, возникшим в отношении Турции, дипломатия пошла на утрату Карской области и к геополитическому разрыву с всегда союзной и православной Грецией, что принципиально изменило не в пользу России её позиции в Средиземноморье.

Впрочем, между двумя мировыми войнами территории, утраченные во время гражданской войны, были частично возвращены, а после 1945 года Россия на своих западных и восточных рубежах восстановила, за не-

которыми исключениями, цивилизационную и геополитическую границы. Но так как общественно-государственное развитие продолжалось в предыдущих формах, эти изменения не устранили, а обострили конфедеративный и этно-сепаратистский синдром, тем более, что для этого имелись в наличии необходимые предпосылки — конфедеративное государство, поделённое на 152 квазигосударственных образования со своими элитными группами, замкнутыми экономиками и обособленными интересами.

5. Борьба в надстройке за базис: 1989 - 1995

Объективные процессы, обусловленные научно-техническим развитием производительных сил, которые приобрели невиданное ускорение в условиях 2-й мировой войны, при осуществлении космических программ, в результате превращения преимущественно деревенской в прошлом страны в городскую, завершилось в конце концов тем, что была создана принципиально новая многоотраслевая экономика, а из преимущественно крестьянского общества Россия превратилась в общество, состоящее из множества классов с ярко выраженными экономическими интересами. Но в системе и принципах управления, по сути дела, не происходило никаких существенных изменений. Государственные институты, созданные 70-50 лет назад, не

реагировали на то, что возникла экономика нового поколения. Господствовали внеэкономические методы, пригодные для эпохи фабрики и мануфактуры, но абсурдные для национального хозяйства, состоящего из десятков тысяч самостоятельных производств, выпускающих миллионы единиц наименований продукции. Попытки избежать кризиса путём автоматизации системы управления, вместо того чтобы изменить сами отношения, связанные с управлением, разумеется, ни к чему не привели. Они не упразднили проблемы, а лишь отсрочили её, но сделали более острой, более критической.

Первым признаком надвигающихся изменений явился процесс отчуждения партийного аппарата КПСС от непосредственного управления. Этот коллективный феодал, выполнявший одновременно роль коллективного суверена, разложился до такой степени, что представлял собой не более чем символ власти, в отличие от предшествующего периода, когда он был действительной властью, настоящим господином положения. Аппарат, возвысившийся после октября 1917 года до уровня особого, так называемого «нового класса», не избежал вырождения, точно так же как несколькими десятилетиями ранее это произошло с дворянской аристократией.

Партийное чиновничество, сосредоточенное в многочисленных органах КПСС, составлявшее формально господствующую

группировку, называвшуюся новым классом (Джилас), номенклатурой (Восленский), административно-командной системой (Г.Попов) прежде чем он исчерпал себя политически, оказалось излишним в технологическом отношении, его присутствие в экономике превратилось в помеху для развития экономики. Противоречия накапливались постепенно, по мере того, как инструментарий «партийного» управления оказывался беспомощным перед разросшейся количественно и качественно принципиально новой материально-технической базой, огромной экономикой в огромном государстве, выросшей количественно и качественно за 80 лет более чем в 150 раз.

Наличные производительные силы так видоизменили природу общества, что экономические и политические формы, в которых оно развивалось, перестали ей соответствовать, а значит и удовлетворять. Управляющая и управляемая системы постепенно из гармоничного целого трансформировались в две обособленные силы, у которых сложились собственные интересы, которые само собой не могли быть согласованы.

Прежняя структура общества, включавшая на одном полюсе всевластный аппарат КПСС, а на другом — массу управляемых, привычно относимых равнодушной статистикой к рабочим, крестьянам и интеллигенции, структура, существовавшая, по крайней мере, на прак-

тике не менее 50 лет, существовала только в справочниках ЦСУ. К середине 80-х годов она самым радикальным образом перестроилась, вызвав к жизни новые отношения, новые силы, которым стало тесно в условиях, предоставляемых «развитым социализмом».

Как только представилась возможность для появления в реальной политике, эти новые общественные силы не преминули тут же заявить о своём существовании; и класс партноменклатуры столкнулся с широкой оппозицией, включавшей коалицию трёх группировок, трёх общественных фракций — бюрократию, хозяйственников и интеллектуалов.

Первую и наиболее решительную из них составляла государственная бюрократия, давно испытывающая неприязнь к бюрократии партийной и откровенно претендующая на то, чтобы отобрать у последней право на присвоение государственных институтов, на превращение партийного государства в свою частную собственность.

Так называемые хозяйственники - класс, состоящий не только из руководителей предприятий, но и предпринимателей, получивших возможность заявить о себе благодаря кооперативной реформе 1986-1988 годов, составили вторую группировку. Их оппозиционность была обусловлена тем, что они, в свою очередь, созрели до того, чтобы претендовать на присвоение имущества, которым реально обладали в качестве управляющих.

Третью группировку составляли интеллектуалы - наиболее многочисленная и наименее организованная общественная прослойка. Её критическое отношение к действительности предопределило новый социальный взрыв, но в то же время, именно она оказалась менее всего приспособленной для практического действия, когда потребовалось от глухого возмущения перейти к политическим технологиям. Интеллектуалы ощущали потребность в устранении старых форм своего существования, но не имели собственной программы, которая была бы убедительной для других экономических классов и социальных слоёв. В результате они оказались в орбите более организованных классов бюрократии и предпринимателей.

Партноменклатура или «новый класс», как её называл Джилас, к периоду «перестройки» утратила все свои прежние боевые качества, которыми она обладала с начала 20-х до примерно конца 50-х годов, и которые давали возможность ей быть господствующим классом общества де-факто. Последние двадцать лет, совпавшие с так называемым «застоем», были её агонией в качестве политического авангарда общества.

Партия, оставаясь формально монополистом власти, обладая всеми её атрибутами, на самом деле во всё большей степени выполняла функцию декорации, ширмы. Не хватало лишь повода, чтобы избавиться от давно про-

гнившей общественной надстройкой, ставшей никому не нужной обузой. Таким поводом послужили неуклюжие попытки партийных аристократов реанимировать свой исчезнувший авторитет и силу под видом восстановления «ленинского партийного стиля».

Когда г-н Горбачёв открывал первое заседание Съезда народных депутатов СССР, он вряд ли осознавал, что повторяет, разумеется в несколько карикатурном виде, роль Людовика XVI, когда тот в торжественной и пышной обстановке открывал заседания Генеральных штатов. Как во Франции в 1789 году это событие возвестило о начале великой революции, так и в России провинциальный баритон всевластного генсека возвестил о начале новой русской революции.

До 1989 года Советский Союз представлял собой юридически республику Советов, а фактически — партийную республику. Вся полнота государственной власти принадлежала партийному аппарату, который был строго субординированной по вертикали и по горизонтали структурой, подчиняющейся не столько закону, сколько партийному уставу, говоря точнее — сложившимися в партии традициям. Советский Союз в социальном отношении напоминал античную Спарту, где лично свободные жители подразделялись на два класса — полноправных спартанцев и периеков, не обладающих полнотой гражданских прав и не имеющих влияния на государственную поли-

тику. В качестве первых в СССР выступали руководящие члены КПСС, в качестве вторых — остальные жители.

Первый этап революции, таким образом, должен был свестись к тому, чтобы противопоставить господствующему в обществе классу — партбюрократии — её собственное оружие. В качестве такого оружия использовались «советские законы».

Вспомним «правозащитников», лицемерно взявших себе в союзники Конституцию СССР и её нормы. Такие антинациональные и русофобские деятели, как Сахаров, Ковалёв, Буковский и другие, начинали с того, что требовали от партийного руководства соблюдения «советской законности», что на самом деле означало прямо противоположное — аннулирование правовой базы, создающей основу для власти партийной номенклатуры, а вслед за тем — и правовой базы государства как такового.

С падением партийной законности прекращал своё существование и режим партийной республики. Этому процессу способствовало два обстоятельства: разложение партии по этническому и кастовому признаку, что привело к утрате единства и товарищеских отношений между её членами; и возникновению непримиримых противоречий в самом классе номенклатуры, разделивших господствующий слой на союзную партбюрократию и государственно-хозяйственную бюрократию,

раздробленную противоречиями региональных интересов.

Процесс разложения режима, занявший несколько послевоенных десятилетий, в наиболее напряженной форме охватил период с 1985 до конца 1988 года — с момента, когда на должность генсека проник Горбачёв, и до периода его торжества на XIX партийной конференции.

Партийная республика рухнула в 1989 году, после того как был избран Съезд народных депутатов СССР. Начало его работы было публичной констатацией возникшего в стране двоевластия — Партбюро КПСС как органа партийной республики и Съезда как органа нарождающейся республики Советов. Но если Съезд был абсолютно легитимным органом власти, то Партбюро оказалось каким-то анахронизмом, воплощённым неприличием, варварством. Правда, в 1989 году вопрос не стоял в виде рокового противостояния 1917 года — кто кого. На самом деле существование Политбюро было вопросам времени, рано или поздно оно должно было отмереть.

У превращения СССР в республику Советов, соответствующую основам конституционного строя, имелась и обратная сторона. Она состояла в том, что федеративный характер Коммунистической партии Советского Союза, служившей каркасом государственной власти, сменился конфедеративным характером Советского Союза, обусловленным тем, что

каждая союзная республика «имела право» свободного выхода из СССР. Сложившаяся к тому времени номенклатура «национальных республик» была заражена этно-шовинизмом и государственным сепаратизмом, противопоставляя свои интересы интересам исторической России и всему русскому.

После перерождения партаппарата у СССР не оставалось ни одного дееспособного защитника, кроме армии. Но для того чтобы спасти СССР от распада, армия должна была из законопослушного института превратиться в революционный институт, обрести национальную энергию, свойственную защитнику отечества, а не инструменту партии. Ей следовало подчиниться русским национальным интересам, а не корыстному урчанию желудка, следовать за своими полковниками, а не за погрязшими в воровстве и предательстве генералами. Однако советская армия была плотью советского общества, она разложилась вместе с ним.

Скрытый смысл призывов к соблюдению законности в то время означал, что должен неизбежно начаться процесс распада СССР, период «цивилизованного» отделения русских окраин от Великой России, процесс, предусмотренный 72 статьёй Конституции СССР - бомбой, заложенной в основание Советского Союза.

Призывы к распаду страны были переданы от диссидентов вне закона к диссидентам

в законе, они стали составной частью Межрегиональной депутатской группы, во главе которой стояли г-да Ельцин и Сахаров, Афанасьев и Старовойтова, а её идеологами выступали А.Н. Яковлев и Г.Х. Попов. Когда избирался Съезд народных депутатов СССР, так называемая демократическая оппозиция смогла составить лишь эту группу, объединив депутатов из Прибалтики, от некоторых общественных организаций, принадлежащих преимущественно к «творческой интеллигенции», и от двух столиц. Это было в начале 1989 года.

Осенью 1989 года г-н Сахаров предложил России свой проект конституции, предназначенный для пространства СССР, в котором предусматривалось расчленение страны на множество государственных образований – по числу «наций», провозглашалось «основополагающим и приоритетным право каждой нации и республики на самоопределение». Этот бывший «узник совести», таким образом, не нашел ничего лучшего, как призвать к бесконечному, прямо-таки ядерному делению союзных и автономных «республик», перепутав ядерную физику, которой он занимался как учёный, с государственной изменой, которой он начал заниматься как общественный деятель.

В конце 1989 года антинациональная коалиция, не встречавшая никакого противодействия ни в обществе, ни со стороны институ-

тов государственной безопасности, уже имела возможность организовать на территории РСФСР так называемую «Демократическую Россию», втянув в её ряды пёструю оппозицию верхушке КПСС, не представлявшую, в какой игре ей предстоит принимать участие. Эта организация создавалась как объединённая политическая сила, которая должна была если и не отстранить в Советах от власти ортодоксов КПСС, то пробить во власти партаппарата ощутимые бреши.

На выборах 1990 года в республиканские и местные Советы ортодоксальная часть КПСС потерпела окончательное крушение как политическая сила. Строго говоря, она утратила все свои позиции.

Особое значение для хода революции имела победа «Демократической России» в Москве и Петербурге - в городах, ставших на несколько лет плацдармами фракции радикальных реформаторов. Они сохраняют свои позиции и в настоящее время.

Трансформация СССР из партийной республики в республику Советов совершалась не сразу. Сначала под видом «перестройки» произошло разложение партийного аппарата, выделение из его «монолитной» массы оппозиционной группировки, названной «Демократической платформой в КПСС». В конце концов, партаппарат раскололся на три части: одни остались с партией, разделив её судьбу, другие занялись предпринимательством - так

называемым первоначальным накоплением, третьи перешли в состав образуемых по новым принципам Советов или в исполнительные структуры власти. Но никто в партии не стремился воплотить в своих действиях патриотическую программу. Патриот в России на продолжительное время стал изгоем общества.

К лету 1990 года власть партии свелась к нулю, превратились в мнимую величину, обернулась имитацией политической деятельности. Система государственной власти после всеобщих местных и республиканских выборов пришла в соответствие с номинальной системой, предписанной Конституцией СССР и конституциями союзных республик. Но цель, которую ставили себе основные руководящие силы революции, не ограничивалась устранением от государственной власти партийного нобилитета. Республика Советов оставалась лишь промежуточным результатом борьбы, формой, неприемлемой для главных задач, свойственных любой революции, — овладению властью и собственностью новыми общественными силами. Они могли оказаться предметом частного присвоения лишь при одном условии: если разгосударствлению подвернется не только общенациональное имущество, но и само государство.

Все слои общества к тому времени оказались в достаточной степени разложены и дезориентированы, чтобы не только не проти-

востоять всеобщему грабежу, но принимать в нём самое активное, злорадное и сладострастное участие. Республика Советов, к которой стремились на словах, на деле не имела убеждённых сторонников.

Класс номенклатуры, как только КПСС была устранена от государственных институтов, утратил всякий интерес к Советам. Что касается самой КПСС, то её аппарат - единственная дееспособная часть партии - рассматривал Советы как своего политического противника, которому он только что проиграл борьбу в процессе выборов. Актив Советов, в свою очередь, платил партаппарату такой же неприязнью, так как только что сражался с ним в предвыборных схватках.

К лету 1990 года Советы не только обрели моральное право на властвование. Они на некоторое время оказались в состоянии быть действительной властью в стране. Но в отличие от власти партийной республики, советская республика сразу же после своего появления проявила специфическую демократическую природу, следовательно, вошла в противоречие с бюрократической природой исполнительных органов власти, которые советская республика унаследовала от КПСС.

Необходимо также отметить ещё одно качество Советов образца 1990 года — они в своём большинстве оказались большими государственниками и патриотами, чем избравшее их население. И чем ниже был уровень Советов,

тем рачительнее они стремились выполнять свои властные функции. Разумеется, подобная политика, проявленная Советами скорее в форме деклараций, чем реальных властных актов, делала их принципиальными врагами главной движущей силы «перестройки и реформ» — многочисленного протобуржуазного слоя советского чиновничества, созревшего для того, чтобы править без каких-либо препятствий.

Поэтому, как только партийные комитеты прекратили своё существование в качестве государственных органов власти, продолжая свою деятельность лишь в качестве партийных учреждений в собственном смысле слова, у Советов сразу же обнаружился новый противник. Им оказался неимоверно разросшийся бюрократический аппарат.

Он повёл против республики Советов энергичную кампанию под видом утверждения режима не советской, а демократической республики. Республика Советов дискредитировалась в общественном мнении как форма, свойственная лишь господству КПСС, эпохе «коммунистического тоталитаризма», из которого извлекали самые мрачные, душераздирающие страницы.

Советы мешали бюрократии приватизировать как можно больше и как можно быстрее, то есть присваивать всю полноту власти и весь объём государственного имущества, составляющего действительную ценность. Сле-

довательно, Советы оказались препятствием «реформ», отождествлялись пропагандой с аппаратом КПСС и становились постепенно «врагами рода человеческого». На них списывались все недостатки, все отрицательные явления жизни. Советы, как некогда Карфаген, должны были подвергнуться разрушению.

Разумеется, для того чтобы борьба против советской системы не сводилось только к одной критике, чтобы, с другой стороны, её место в дальнейшем не заняла система бюрократических институтов, надо было внести в сознание населения идеальный образ «хорошей» власти. В качестве идеальной модели для начала предъявлялись схемы, извлечённые из учебников политологии и монографий западных авторов. Запад избрали Меккой государственных систем. Идеал находили то во Франции, то в Англии, то в США. Пророков не могли обнаружить лишь в своём отечестве. В качестве спасителя место «народного депутата» постепенно занимал «энергичный администратор», вроде Гайдара, Лужкова или Чубайса.

Даже Монтескье с его мифической теорией разделения властей пригодился для того, чтобы не состоялось республики Советов, объединявшей в один организм как представительные, так и исполнительные функции. Ему приписывали то, что нельзя было обнаружить даже при самом внимательном чтении «Духа законов». Но разве кто-либо читал этот трактат,

так и не переизданный в России после 1955 года?

Чтобы одержать верх над Советами, надо было победить их, прежде всего, морально, представить в самом неприглядном виде, изобразить сборищем недоумков, отбросами общества. Разумеется, были использованы все находящиеся в руках бюрократии рычаги и средства обработки массового сознания - от подкупа депутатского корпуса до диффамации в газетах и на телевидении. Методы, которыми велась борьба с республикой Советов, были примерно такими же, какие использовались диссидентами в борьбе против партийной республики. Здесь использовалась самая гнусная ложь, здесь не брезговали ничем, ничто не было свято и всё вываливалось в грязи. Не прошло и года, как население возненавидело депутатов, которых незадолго до этого избрало вполне свободно, методом прямого волеизъявления.

Что касается самих диссидентов, то они как раз в этот период разоблачили себя в качестве заклятых противников России. Оказалось, что их борьба носила не антипартийный, а антирусский характер, они боролись не против «марксизма-ленинизма», а против жизненного пространства русской нации. Они противопоставляли себя не власти партии, идеология которой ими не разделялась, а любой власти, которая существовала в стране. Как только государственная власть от партии перешла к

Советам, диссиденты перенесли свою разлагающую деятельность с КПСС на Советы. Их деятельность была принципиально разрушительной, ибо они вдохновлялись одним чувством — ненавистью к собственной стране. Когда установился режим парламентской республики, они исторгли ненависть по поводу парламента, когда власть сосредоточилась в личности президента, эти профессиональные и потомственные нигилисты тут же избрали президента мишенью для своих измышлений. Но не форма власти и не режим как таковой интересовали оппозицию. Она вредила государству.

В сентябре 1990 года г-н Солженицын - властитель дум, примерно с такой же разрушительной энергией, какой некогда обладал Лев Толстой, разве что пока еще не отлучённый от церкви - предпринял акцию по внедрению в массовое сознание доктрины уничтожения России. Он изложил свои «посильные мысли» в статье «Как нам обустроить Россию», которую, по правде говоря, стоило бы назвать иначе — «Как нам уничтожить Россию». Вот его ключевые соображения:

«Как у нас всё теперь поколесилось — как всё равно “Советский Социалистический” развалится, всё равно — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только — поворачивайся проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошел без лишних стра-

даний людских, и только тот, который действительно неизбежен.

И так я вижу: надо безотложно, громко, чётко объявить: три прибалтийских республики, три закавказские республики, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если её к Румынии больше тянет, эти одиннадцать — да! — непременно и бесповоротно будут отделены».

«Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались они с наших плеч; она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель».

Пока идеология предательства огромными тиражами распространялась по стране, лишая страну граждан, превращаемых в обывателей, Советы летом 1990 года совершили три существенных ошибки, ставшие роковыми для возможности существования советской республики. Они не установили действительного контроля над денежными средствами государства, оставив их в руках бюрократии - в распоряжении исполнительных органов. Они оказались не в состоянии осуществлять кадровую политику в исполнительных органах власти и в генералитете, отказались осуществлять надзор за деятельностью бюрократии и руководителей ведущих государственных предприятий. Наконец, им не пришло в голову установить тесные отношения со средствами массовой информации, заинтересовав журналистов в сотрудничестве с Советами.

Эти ошибки были естественным следстви-

ем молодости Советов, не имевших ни опыта, ни соответствующих кадров в среде депутатов. Потом - после трёх лет работы - они созрели для того, чтобы действовать со знанием дела, но было поздно. К тому времени своими руками они породили своего могильщика — государственную бюрократию, опьянённую возможностью присвоить шестую часть земной суши практически задарма.

Наиболее эффективными средствами бюрократии в борьбе с Советами оказались государственные денежные ресурсы, сосредоточенные, как известно, главным образом в Москве. А также исполнительные органы и силовые структуры, стремившиеся к установлению собственного господства, и корпорация журналистов, обладавшая всеми качествами самой древнейшей профессии в мире. Советы могли противопоставить им, когда борьба за власть резко обострилась в 1993 году, только моральную силу закона, не обладая ни одним действительно властным институтом реальной силы. На самом деле моральная сила закона была лишь олицетворением бессилия, свидетельствовала об упущенных возможностях.

Республика Советов не столько существовала, сколько агонизировала. Её дееспособность приближалась к нулю ещё и благодаря тому, что внутри самой системы Советов сразу же после их избрания разгорелась война всех против всех. Верховные Советы союзных ре-

спублик противопоставили себя Верховному Совету СССР, который отвечал им тем же, но как бы нехотя. Верховным Советом противостояли региональные Советы — областные, краевые, «автономных республик». Местные Советы не могли найти общего языка с региональными Советами. Все боролись за свои суверенные права, не замечая, что их общий враг находится возле них, сосредоточен в исполнительных структурах.

Вот что писал г-н Попов весной 1991 года, являясь народным депутатом СССР и председателем Московского Совета, в брошюре «Что делать»:

«Я считаю что его (СССР) заменят национальные государства. Они могут создать тот или иной новый союз, в том или ином составе. Но эти будущие союзы могут быть только следствием появления независимых государств. Наличие иных перспектив нет, любая иная схема решения национального вопроса означала бы скрытый или явный отказ и от денационализации, и от десоветизации. Реальна только дефедерализация, деимпериализация и в перспективе добровольные межгосударственные ассоциации».

«Если происходит разгосударствление, если возникают собственники и рынок, то невозможно представить себе сохранение СССР без добровольного согласия тех, кто сегодня в этой стране живёт».

«После денационализации наступает этап дефедерализации. По районам страны (желательно наиболее дробным) проводится референдум о том, в какой из республик хотели бы жить жители района и по большинству голосов формируется на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств».

«Независимые республики а новых границах формируют демократическую власть. А потом эти республики решают: нужен ли новый Союз республик...».

И так далее и тому подобное.

Можно ли представить изыскания учёных и политических мужей хотя бы в одной из стран, где существовали собственники и рынки, которые предлагали бы нечто подобное без риска быть повешенными по обвинению в измене? Средневековая Германия после 30-летней войны должна казаться раем по сравнению с этим предначертанием, навязывающим России судьбу вдребезги разгромленного, поверженного, униженного и уничтоженного врага.

Примечательно, что подобно тому как Россия 1917 года с восторгом вручила свою судьбу политикам, откровенно желавшим расчленивать свою страну, так и в 1991 году она сделала то же самое. Она вручила власть новому поколению чиновников, заявившему, что оно приложит максимум усилий, чтобы на месте одного российского государства появилось от

«пяти десятков государств» до более чем 150 государств. Имя этим деятелям легион, но главные из них, конечно же, — Сахаров, Ельцин, Попов, Собчак.

Пока Советы выясняли между собой отношения, уточняя полномочия и приспособляясь к тому, чтобы осуществлять распорядительные функции, было упущено время для насильственного подавления глубоко запущенного заговора против государственного суверенитета, против целостности государства.

Сначала в результате сложных интриг, механизмы которых до конца так и остаются не известными, пал союзный Съезд народных депутатов, а вместе с ним и все властные институты СССР. Большая Россия в политическом отношении прекратила своё существование, распавшись на два десятка государственных образований. Её государственное бытие в качестве потенциально русского государства сжалось до административных пределов РСФСР.

Затем верховные советские органы РСФСР серией законов лишили региональные и местные Советы всех их властных полномочий, сохранив за ними лишь одну функцию — право принятия решений, исполнение которых превращалось в монополию никому не подчинённой бюрократии, так называемой исполнительной власти. Но решения Советов уже некому было исполнять. Законодатель, сконструировав систему власти по умозрительной

схеме, в действительности преобразовал Советы как органы власти в советы как совещательные учреждения при власти. Власть Советов, таким образом, была ликвидирована руками самих Советов.

Впрочем, республика Советов на территории РСФСР прекратила своё существование даже раньше, чем произошла самоликвидация органов власти СССР. Её упразднили фактически 12 июня 1991 года - после того, как была сначала установлена должность президента, а затем состоялись его выборы. Одновременно с этим в Москве и Петербурге были учреждены посты мэров, покончившие с возмутителями общественного спокойствия, какими являлись Московский и Петроградский городские Советы. Точнее говоря, речь шла о том относительном большинстве в них, которое отстаивало принципы законности и народовластия вопреки побеждавшему в этих городах настроению, требующему от власти не принципов, а хлеба и зрелищ.

Таким образом, Ельцин, Попов и Собчак, а несколько раньше их — Горбачёв, исполнили в историческом процессе роль могильщиков советской власти - той самой власти, которая существует под разными названиями практически во всех странах мира, независимо от уровня развития социально-экономических и государственно-политических институтов.

Под призывы установить в стране народовластие в государстве постепенно совершался

процесс отчуждения власти от граждан. Чем дальше развивались события, тем менее авторитетными в глазах общества оказывались государственные институты, которые им создавались. Политическая логика благодаря искусству оболванивания масс превращалась в политическую демагогию и глумление над политикой. Граждане превращались в толпу зрителей, чему способствовало то обстоятельство, что осуществление революций является привилегией её столиц, население которых сначала их совершает, а потом за это расплачивается. Революция из движения масс превращалась в организуемое телевидением шоу, становилось пародией на революцию.

Российская Федерация превратилась из советской республики в парламентскую республику, во главе которой стоял вовсе не президент, как можно было бы ожидать, а Съезд народных депутатов. Однако его всевластие оказалось недолговечным. Парламентская республика оказалась столь же неспособной защитить себя, как и предшествующий ей режим. За спиной парламентской республики маячила фигура президента, в отношении которого Основной закон употреблял такие двусмысленные термины, как «глава исполнительной власти» и «высшее должностное лицо».

Установление президентского поста означало лишь, что государственная бюрократия второго и третьего сорта - бюрократия с фи-

лософией и умственным кругозором провинциалов, ставшая после развала СССР перво-сортной бюрократией - нашла своего вождя и приобрела в борьбе за главенствующую роль в государстве дополнительный импульс. Развязка должна была наступить в течение нескольких месяцев. Москва пропиталась предчувствием государственного переворота, слухи о котором не переставали носиться в воздухе.

Единственным местом, где должна была решиться судьба режима, становился Съезд народных депутатов РСФСР, формально всё ещё обладавший примерно такими же полномочиями, как нижняя палата британского парламента. Но у Съезда не было авторитета английской Палаты общин. Дело свелось не к вопросу о дееспособности институтов государства, а к личным качествам исторических персоналий, выброшенных благодаря случаю на политическую арену. Ход истории оказался в руках посредственных дилетантов. Точно так же как от Хасбулатова смешно было ожидать поступков Кромвеля, так и Ельцину не было уготовано испить чашу Карла I.

Колесо истории могло повернуться в ту или иную сторону в зависимости от того, кто составлял активную и деятельную часть депутатского корпуса. Но эта часть Съезда не могла превратить его из безвольно-истеричного парламента в решительный конвент. Революционные эпохи требуют к власти энергичных и смелых деятелей, вроде Дантона или

Джефферсона. Они появляются, когда революционная ситуация возникает вследствие общественного подъёма, когда общее недовольство требует массы новых, главным образом публичных руководителей. Но вследствие всеобщего избирательного права депутатский корпус Советов всех уровней составили не наиболее решительные представители общества, а в значительной степени циники, интриганы и демагоги, стремившиеся к достижению лишь личного успеха - служебного или имущественного. Именно они составляли слой руководителей первого призыва, заняв благодаря примитивно понятому парламентскому демократизму все руководящие высоты в государственном аппарате. Поэтому и в качестве парламентских лидеров в составе Съезда выдвинулись не государственные деятели, а ничтожества, предававшие государственные интересы при первой возможности.

Оказалось, что в решительный момент, когда от власти требовалось определить стратегический курс на длительную перспективу, Съезд был в состоянии лишь совершить акт героической глупости и добровольно передать абсолютные полномочия своему кумиру — главе исполнительной власти, наделив его законодательными функциями. В таких условиях век парламентской республики должен был завершиться, как только проявились достаточно отчётливо истинные последствия «экономических реформ». Шоковая эконо-

мика, обогащающая кучку финансовых спекулянтов и сырьевых экспортёров, должна была сочетаться с шоковой политикой, на которую парламент Российской Федерации, состоявший из политических фигляров, не был способен. И вовсе не потому что его мучила совесть, а вследствие застенчивости - состояния, которым авторы «Двенадцати стульев» наделили вороватого коменданта Старгородской богадельни.

Парламентская республика прекратила своё конституционное существование 1 ноября 1991 года, после того как Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление об «организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы». Съезд не только изменил природу режима, он, в сущности, санкционировал переворот в общественном строе, дав санкцию на «радикальные реформы», которые в дальнейшем вызвали революцию собственности, превратившую большую часть населения страны в сословие нищих.

Осуществить «реформы» обычными методами невозможно, особенно если этим термином стремятся завуалировать процесс, который является по своему содержанию революцией. Никакая парламентская республика не может устоять, если она ставит под вопрос интересы абсолютного большинства населения. Для этого требуется режим диктатуры. Если логика революции 1905 года, в конце концов

,привела к власти генерального секретаря, то логика революции 1989 года породила власть президента.

1 ноября 1991 года режим президентской республики сменил парламентскую демократию в точном соответствии с нормами действующего права — решением квалифицированного большинства депутатов Съезда. Государственный переворот тогда оказалось малозаметным событием, скрытым от общественного внимания хорошо организованным продовольственным кризисом, нарочито свободными от товаров полками магазинов, стимулирующими взрыв ажиотажного спроса, когда перестают действовать доводы рассудка.

Пока установленные осенью 1991 года полномочия удовлетворяли аппетиты бюрократии и её союзников - прежде всего из числа хозяйственных руководителей и значительного количества народных депутатов РСФСР, которым надоело оставаться «красными директорами», живущими в казённых квартирах на одну зарплату, - сохранялся строй президентской республики, лишь терпевший остатки прежних государственных институтов в виде местных советов и Съезда народных депутатов.

Президентская республика просуществовала до 4 октября 1993 года. Она завершила своё бытие государственным переворотом, уничтожившим реликты предыдущих полити-

ческих режимов советской и парламентской республик, ставших несовместимыми в государстве, где бюрократия восторжествовала, и в обществе, где она приобрела доминирующее положение в результате «радикальных экономических реформ».

Государственный переворот, покончивший с конституционным президентством, стал возможен благодаря сговору московского и региональных бюрократических кланов, аппетиты которых уже не могли удовлетворяться даже при гипотетическом контроле со стороны представительных учреждений. Проблема, превратившая высокопоставленных чиновников в революционеров, состояла в том, что естественный ход событий должен был лишить их в дальнейшем властной монополии. При сохранении полноценных представительных учреждений следующие выборы должны были привести к власти не «разночинную демократию» советского охлоса, а финансовый и промышленный капитал русского демоса, представители которого поставили бы бюрократию на её место — на место простых исполнителей решений законодателей, выражающих волю экономически господствующего национального большинства. При этом природа бюрократии неизбежно должна была измениться, так как экономическая власть национальной буржуазии не может сосуществовать с антинациональной по своей крови и духу бюрократией.

Бюрократия совершила переворот, чтобы власть в государстве не досталась буржуазии. Она действовала, опираясь прежде всего на многочисленный слой нравственно разложившегося московского и петроградского городского люмпена, экономически заинтересованного в установлении диктатуры бюрократии, показавшего на апрельском референдуме 1993 года готовность заблокировать дорогу к политической власти экономически независимому «третьему сословию». Отнюдь не случайно именно крупные города России, десятилетиями являвшиеся фильтрами, в которых скапливались отбросы общества, где находила убежище разноплеменная резервная армия «лимитчиков», явились центрами, где господствует самый развратный, алчный, откровенно-криминальный, самодовольный бюрократизм во власти, и где настоящему выкорчёвыванию подверглись все демократические институты.

Президентская республика получила новую, более простую форму режима личной власти не только в Кремле, но и в каждом «субъекте федерации». Задача стояла не в том, чтобы у обитателя московского Кремля не было институционального конкурента. Должны были исчезнуть все критики новоявленных удельных владык, занявшие кремлёвские апартаменты в республиканских, областных и окружных городах, - благо почти в каждом административном центре России есть свой кремль, своя

«красная» или «новая» площадь, свой «белый дом».

Начавшаяся в 1991 году имущественная приватизация, которая должна была покончить с отчуждением производителя от производства и работника от результатов его производственного труда, распространилась и на государственные институты. Оказалось, что передача в частные руки граждан собственности являлась дымовой завесой, благодаря которой происходила приватизация государства. Пока фиктивные ценные бумаги создавали фиктивных собственников в экономике, отстраняя от её управления подлинных производителей материальных и интеллектуальных ценностей, приватизации подверглось само государство, по частям попадавшее в частную собственность давно сложившихся кланов местной бюрократии. Государство присвоила кучка администраторов-феодалов, поставившая во главе феодала-президента, полномочия которого скорее напоминают германского императора Священной римской империи, чем императора всероссийского.

Революция, начавшаяся как протест против засилия бюрократии, завершилась установлением господства бюрократии. Революция, которая должна была покончить с властью швондеров, шариковых и преображенских, отдала её вновь всё тем же швондерам, шариковым и преображенским. Антифеодальная сущность переворота обернулась тем,

что одна феодальная структура сменилась другой, более откровенной феодальной структурой, аппарат партии уступил место административному аппарату, движение вперёд превратилось в топтание на месте.

Конституция 12 декабря 1993 года, формально октроированная президентом, является не более чем юридической констатацией победы фракции либералов-космополитов над своими политическими противниками в результате кровавого политического кризиса. Это не государственный акт, в юридической форме утверждающий сложившиеся отношения, а партийная программа, которую находящееся у власти правительство провозглашает государственной программой. Власть этого правительства обусловлена двумя принципами, которые составили суть Конституции. Это, во-первых, отказ от национальной общероссийской государственности и предоставление «национальной» бюрократии окраин, провозгласивших «независимость» от России, права на суверенитет. Во-вторых, предоставление возможности классу управляющих государственным общенациональным имуществом превратиться в частных собственников этого имущества. Тем самым новый режим восстановил классическое разделение общества на богатых и бедных, сведя счёты с уравнильным социально-экономическим строем, порождённым Первой русской революцией.

Было бы чистым лицемерием сослаться на то что подобная конституция, следование которой должно привести к поглощению России окружающими её иными цивилизациями, одобрена большинством населения. Вряд ли русский народ осознавал, что ему предложено утвердить 12 декабря 1993 года в качестве высшего законодательного акта собственный смертный приговор с временной отсрочкой исполнения.

Конституция установила незыблемость своего содержания, своей формы, умолчав о субъекте, от имени которого она должна действовать. Если ранее существовавшие в СССР тексты основного закона не имели ни одной географической привязки, за исключением названия города, избранного в качестве столицы, то теперь исчез - ни много ни мало - сам суверен. Загадка состоит в том, что не обозначен народ, от имени которого она введена в действие. О каком народе идёт речь в преамбуле? О «народе Российской Федерации». Имеет ли этот народ, если он на самом деле существует, общепринятое или официальное название? Нет! Его название до такой степени скрыто, что не произносится. «Народ Российской Федерации», на который ссылается Конституция 12 декабря, анонимен и внеисторичен до такой степени, что у него нет признаков, которые позволили бы иметь имя. В тексте Конституции ему отведена роль призрака, фантома, в лучшем случае — юридиче-

ской фикции и средства, к которому прибегают английские стряпчие в затруднительных ситуациях. Нет сомнения, что и здесь ситуация была не менее затруднительной.

Складывается впечатление, что этот «народ» появляется в первой строке текста Конституции лишь затем, чтобы немедленно исчезнуть из неё навсегда, словно тень отца Гамлета. Он необходим не сам по себе, а лишь в качестве средства для развития интриги.

Но подобная уловка составителей конституционного текста, с другой стороны, должна облегчить задачу в будущем. Потому что революции в своём развитии легко отвергают юридические химеры, как только им требуется преодолеть препятствия, сооружаемые в угоду политическому тщеславию удачливых узурпаторов, даже если их провозглашению предшествовало проведение акта всеобщего голосования.

Референдумы — привилегия малых народов, пребывающих на задворках истории, они неуместны для великих наций, совершающих революции, которые прежде чем заложить фундамент новым отношениям, должны уничтожить все предыдущие формы существования.

Поскольку данная конституция не имеет отношения к русскому народу, а только он один вправе определить основы и пределы своей государственности, то говорить о том, что революционный период завершился, и страна

обрела основание для стабильного развития, не приходится. Исторический процесс, который является Второй в XX столетии революцией на территории России, отнюдь не завершился. Он не прошёл даже половины пути. То что предстоит утвердить в качестве основ для новой России, пока лишь имеет едва различимые очертания, и основные события пока ещё трудно предсказать.

Если в общих чертах оценить фазы, через которые прошла ещё не завершившая своего движения Вторая русская революция, то отчётливо вырисовывается три главных периода: от начала работы Съезда народных депутатов СССР весной 1989 года до формирования республиканских и местных Советов весной 1990 года; от начала деятельности этих органов власти до Августовского переворота 1991 года и Беловежских соглашений в декабре, которыми этот переворот был лишь юридически оформлен; от момента образования «независимых» государственных режимов на территории СССР до Октябрьского переворота 1993 года, закреплённого в пределах Российской Федерации Конституцией 12 декабря.

Теперь, во всяком случае, в этих государственных формах, развивается четвёртый этап, связанный с утверждением новых отношений. Так или иначе, он должен завершиться событиями, связанными с президентскими выборами в РФ 1996 года, но отнюдь не

свестись к ним. Скорее всего общая ситуация подвергнется упрощению, обнажив зло и сделав его самоочевидным.

В политической перспективе Вторая русская революция конечно же не завершилась. Она прошла пока что три этапа.

Демократический этап, начавшийся весной 1989 года и закончившийся весной 1990 года, когда в стране были образованы представительные органы государственной власти вместо партийных комитетов. Этот период характеризовался фактической коалицией всей оппозиции, сплотившейся против общего врага — аппарата ЦК КПСС. Символом этого периода была борьба, развернувшаяся за отмену 6-й статьи Конституции СССР о главенстве компартии. На этом этапе у гражданского большинства на самом деле господствовали наивные общедемократические настроения. Публичные требования демократов сводились к набору достаточно тривиальных лозунгов, где на первое место ставились разнообразные гражданские и личные свободы и набор экономических банальностей, наспех сформулированных и озвученных группой так называемых политических диссидентов. Демократы претендовали на то, чтобы возглавить массы, чтобы быть любимцами публики, чтобы овладеть общественным мнением. Их интересы, таким образом, не выходили за рамки «платонических» и, в общем-то, невинных. Этот этап закончился вполне мирно. Он

завершился тем, что партийная номенклатура исчезла как самостоятельная сила. Она прекратила своё существование в качестве властвующего субъекта, подобно тому как без всякого сопротивления прекратили своё существование монархические институты сразу же после свержения последнего русского императора. Но в то же время не решился вопрос о власти, а лишь расчистилась площадка для дальнейшей борьбы за её обладание.

Сепаратистский этап. С исчезновением общегосударственной партии выяснилось, что отсутствуют какие-либо другие общие для страны политические институты, способные обеспечить единство власти. Этот период продолжался с весны 1990 до августа 1991 года. Политическая коалиция, которая к тому времени продолжала существовать, обрушила всю свою энергию на единственный класс, остававшийся в центре власти — на союзную бюрократию. Её сопротивление, сопровождавшееся образованием ГКЧП, сомнительным во всех отношениях поведением президента СССР, недееспособностью армии и безразличием к происходящему со стороны населения, приобрело постыдно-фарсовый характер. Этап завершился распадом власти и образованием множества властных структур с неопределённым статусом и сомнительным происхождением.

Бюрократический этап. Его содержанием становится ожесточённая борьба госу-

дарственной и хозяйственной бюрократии с фракцией демократов, которая оказалась сосредоточенной, с одной стороны, в Советах, а с другой, - в обнищавших к тому времени слоях населения. По крайней мере, на территории РФ этот этап завершился фактическим уничтожением представительной демократии и установлением политической диктатуры региональных бюрократических группировок. За обладание властью бюрократии пришлось заплатить искусственным расчленением единого государства, отказом от положения великой державы, развязыванием в стране классовой и этнической войн, откровенным экономическим ограблением большей части населения - как раз на фоне ожидания общественным сознанием экономического чуда.

Было бы предельно наивно полагать, что установление капиталистических отношений в экономике может осуществляться в условиях диктатуры бюрократии в политике. Если национальный капитал и соглашается на существование административного пресса, но вовсе не для того чтобы быть им раздавленным. Политическая власть в условиях, когда совершается буржуазная по своим целям революция, не может не быть национальной властью. Поэтому ни одна революция такого вида не может считаться завершённой, если она не утвердит во власти национальный политический режим.

Пока самым решительным слоем, приняв-

шим участие в революции, оказался чиновник - пролетарий умственного труда. Уж если кому действительно не было чего терять, так это ему. Зато он надеялся приобрести благодаря своей энергии если и не весь мир, то, по крайней мере, одну шестую его часть.

Таким образом, налицо новые противоречия, которые на новом витке истории должны противопоставить эгоизму, космополитизму и алчности бюрократии энергию национальной революции — объединению интересов русской национальной экономики и русского национального общества. А каким способом и в каких формах произойдет изгнание политических ничтожеств и интриганов из Кремля, со Старой площади и из «дома» на Краснопресненской набережной — не всё ли равно?

Лишь бы это произошло вовремя!

Ответ фальсификаторам

1. Русская Победа и её дискредитаторы

До 1965 года у нас в России не было принято отмечать в качестве всенародного или общенационального праздника день победы над Германией в Великой Отечественной войне. Только к 20-летию капитуляции Третьего Рейха правительство СССР сообразило, что низведение дня 9 мая 1945 года к простой «красной дате» в календаре, наряду в днём рыбака или полярника, не соответствует масштабу и значимости события. В русской истории, подтверждение которой содержится в письменных документах вот уже на протяжении одиннадцати веков, нет ничего более значительного, выдающегося, по-настоящему героического. Великая Отечественная война для русского самосознания и самопознания имеет такое же значение, какое Троянская война имела для античных греков, а Пунические войны для римлян.

Но несть числа бесчисленным игровым и документальным кинолентам, беллетристике, множеству предвзятых статей, тенденциозных комментариев, переполняющих изо дня в день печатные, электронные и сетевые СМИ, в которых от русского героизма, побед, страданий, жертв ничего не остается. Само их существование подвергается сомнению, а изображение и описание Великой Отечественной превращено в карикатуру, шансонетку.

Для современного Западного мира, всегда считавшего Россию «нецивилизованной территорией», населённой варварами, Великой отечественной войны не существует. Есть и всегда была Вторая мировая война, в которой Россия, союз с которой вызывал у западных политиков нечто вроде изжоги, представлена так называемым «восточным фронтом», заведомо второстепенным. Страна недочеловеков, с примитивными методами ведения войны, с непонятным поведением населения, склонным к самопожертвованию, с коварным византийством политиков, с подозрительной идеологией, недопустимой в цивилизованном мире. Такова в их глазах была и остаётся Россия.

Временные, вынужденные соглашения об операциях против общего врага так никогда не превратились в искренние, союзнические отношения. Союзники, постоянно скрывающие друг от друга не только свои стратегические намерения, но и оперативные планы, между собой всегда были на грани или в состоянии дипломатических скандалов, завершившихся, в конце концов, развязыванием между ними новой войны - Холодной, продолжавшейся, как известно, более полувека. Не случайно Гитлер, зная непреодолимый характер противоречий между СССР, с одной стороны, и США и Великобританией с другой, пытался сыграть на них в последние недели перед концом Третьего Рейха.

Весь ход мировой войны, предвоенные годы, послевоенные события, вопреки обилию документов и очевидности происходящего, записанного на киноплёнку, переполнено тайнами и парадоксами, противоречиями и загадками. Существует множество эпизодов, относительно которых повсеместно распространяется несколько прямо противоположных толкований, не считая их безусловного отрицания. Споры не прекращаются не только по повод того или иного сражения или операции, но даже относительно даты начала и окончания войны. Если в Европе первым днём Второй мировой считается 1 сентября 1939 года, то для Азии, по крайней мере для Китая, она отодвигается на восемь лет назад - в 1931 год, когда Япония вторглась в Маньчжурию. Россия отмечает завершение войны в Европе 9 мая, когда была подписана капитуляции в Потсдаме. Запад полагает, что война закончилась 8 мая капитуляцией в Реймсе. И так чуть ли обо всей истории Войны.

Является ли теперь Великая Отечественная исключительно историей, нашим далёким прошлым? Отнюдь. Все разговоры о том, что новые поколения, живущие в России, воспринимают ту эпоху примерно так же, как время Ледового побоища или Куликовской битвы, неверны. История до тех пор остаётся актуальной, пока в обществе о ней идут споры и её события остаются в фокусе политического внимания. Ведь каждый год публика узнаёт о

войне новые данные, открывает неизвестные события, проникает в тайные операции. Война, в которой Россией была одержана самая выдающаяся в её истории победа, постоянно наполняется новым смыслом, раскрывая перед нами, потомками своих дедов и прадедов, величие русского духа.

Но уже давно события этой войны оказались не только объектом национальной гордости и национального поклонения, но и предметом ожесточённой идеологической и психологической войны, которая, не прекращаясь ни на минуту, ведётся атлантическим альянсом против России вот уже более полувека.

Речь идёт о том, чтобы низвести восприятие борьбы и Победы до обыденного, в лучшем случае беллетристического уровня, отождествить их с какими-нибудь малозначительными военными событиями. Не случайно книжный рынок, видеорынок и телеэфир России переполнены всевозможными фальшивками, в которых извращены как изображение и описание Великой Отечественной войны, так и её философское истолкование. Задача клеветников России в этой невидимой, но вполне реальной идеологической войне, состоит в том, чтобы изменить до неузнаваемости смысл, цели и результаты нашей борьбы и победы, внушив населению России негативную картину событий той эпохи. Поскольку действительное значение так называемого Восточного фронта в борьбе с Германией или

роль русского наступления в Маньчжурки и разгром японской Квантунской армии представляют собой бесспорные вещи, а жертвы и разрушения, понесённые Россией, несравнимы с потерями западных союзников и даже с ущербом «стран оси», то объектом идеологической экспансии становятся не только сама война, а и заведомо недобросовестное, тенденциозное истолкование как отдельных её эпизодов, так и всего этого периода в целом.

Прежде всего, подвергается отрицанию сам факт героизма нации и одержанной ею победы, свидетельствующий, прежде всего, о нравственном превосходстве русской цивилизации над европейским варварством. А ведь именно массовость русского героизма свидетельствует, прежде всего, о нравственном превосходстве русской цивилизации над европейским варварством, следовательно, о predeterminedности её военного превосходства.

В многочисленных выступлениях, чаще всего устных, нежели печатных, с которыми настойчиво выступает так называемая либеральная интеллигенция, Россия той эпохи уподобляется нацистской Германии. Благодаря такому подлому приему потомки победителей отчуждаются от результатов Победы. Из самой памяти нации постепенно вытесняется действительное понимание истории. Её сменяют искусственно созданные, фальшивые, откровенно неприятные образы. В них Россия

предстает страной, гордится или любить которую невозможно, а защищать с оружием в руках преступно.

Главная задача публицистики подобного рода состоит в том, чтобы обеспечить духовное отчуждение потомков участников Великой Отечественной от результатов Победы, чтобы вытравить из русского сознания и памяти действительное понимание истории Отечества и заменить его фальшивыми образами. И эта борьба, объектом которой является душа русского народа, ведётся по трём своеобразным «фронтам».

Происходит замещение своей истории чужими примерами, чаще всего заведомо несопоставимыми. Не героизм гарнизона Брестской крепости, а спасение безвестного американского пехотинца Райена. Не защита Севастополя, а выдающаяся эвакуация из Дюнкерка. Не Сталинградская битва, а судьбоносные для всей Второй мировой бои в африканских песках под Эль-Аламейном. Не Курское сражение, а опоздавшая как минимум на два года высадка в Нормандии. Не операция «Багратион», при осуществлении которой была уничтожена в 1944 году вся немецкая группа армий между Западной Двиной и Припятью, а локальная операция в Арденнах.

Одновременно с этим если не высмеиваются, то развенчиваются русские герои. Гастелло потому направил свой самолет на колонну немецких танков, что боялся возвратиться на

свой аэродром: он неудачно отбомбился. Матросов, оказывается, был штрафником и погиб не героем, а потому что напился - как никак 23 февраля. Космодемьянскую послали в немецкий тыл поджечь дома мирных поселян, а не немецкую комендатуру или конюшню. И так далее до бесконечности.

В программной политике на ТВ, к примеру, практически нет места талантливым отечественным военным фильмам. Их заменяют либо наши же оперетки на военные темы, вроде «Беспокойного хозяйства» или «Жени, Женечки и катюши», или добротные небыли о разведчиках, подобные «17 мгновением» или «Щиту и мечу», а чаще всего - костюмированные голливудские фантазии, которые имеют к подлинным событиям примерно такое же отношение, как сериалы о звёздных войнах к освоению космоса.

Второе направление связано с дискредитацией самой истории - как событий, происходивших в России, так и русских государственных деятелей. О главе правительства и Верховном главнокомандующем Великой Отечественной говорить не приходится. Это монстр, дьявол во плоти, скопище всех мыслимых и немыслимых пороков, деятельность которого была направлена не на обеспечение победы, а на причинение особо тяжких поражений и потерь своей же стране.

Это Сталин позволил немцам организовать учебные авиационные и танковые центры в

Липецке, Тамбове и других городах и обучать офицеров в то самое время, когда Германии, согласно Версальскому договору, было запрещено иметь их на собственной территории. Неважно, что существование таких центров касалось Германии Веймарской, социал-демократической, заключившей с Россией известный договор в Рапалло в 1922 году. Не имеет значение, что сразу же после 1933 года такие школы для немцев были закрыты. Главное – «фашистский меч ковался в России».

Нас пытаются убедить, что вместо того, чтобы объединиться с Лондоном и Парижем, которые всерьёз пытались накануне 1 сентября 1939 года создать антигитлеровский блок, Москва вступила в коварный сговор с Гитлером по «разделу» сфер влияния в Восточной Европе. Вместо того чтобы вместе ударить по Гитлеру, Сталин заключил с ним так называемый «пакт Риббентропа-Молотова», согласно секретным статьям которого СССР в качестве платы за свой нейтралитет в конфликте Германии с Францией и Англией получал территориальную компенсацию за счёт сувереннейших прибалтийских государств, Румынии, от которой отторгли Бесарабию, и Финляндии.

При этом забывается политика «либеральной Европы» по созданию «санитарного кордона» вокруг России, их подталкивание Гитлера к походу на русский Восток. Не упоминается ни двусмысленное поощрение «стран оси» в их агрессии в Абиссинии и на Балканах, ни

так называемая политика «невмешательства» в гражданскую войну в Испании, где СССР активно поддерживал конституционное правительство против мятежников Франко, которому помогали Германия и Италия. Именно в 1937 году на земле Иберийского полуострова вооруженные силы Советской России встретились на поле боя с вооруженными силами Гитлера и Муссолини. Запад же при этом соблюдал «нейтралитет». О каком «союзе» Сталина с Гитлером вообще может идти речь!

Наконец, когда дело касается русско-немецкого договора от 23 августа 1939 года, не без умысла игнорируется, по крайней мере, несколько важных факторов. Мюнхенский сговор 1938 года Франции и Англии с Германией и Италией, отдавшей немцам Чехословакию со всеми потрохами. Закулисная дипломатия англичан и французов непосредственно перед началом войны, пытавшихся столкнуть Германию с Россией в борьбе за польские земли, а самим остаться в стороне. Ничего из этого не вышло, и Сталину удалось дипломатическими методами переиграть Даладье и Чемберлена, отодвинув вступление России в войну на 23 месяца. Откровенное нежелание Польши пойти на союз с Москвой перед неминуемым немецким вторжением, не говоря уж о более чем слепом доверии поляков к западным союзникам. Наконец, вполне легитимный характер притязаний России на ее же западные территории, незаконно

отторгнутые у неё вследствие вооруженного вмешательства во внутренние дела страны государствами Четверного союза и Антанты в период революции и гражданской войны. В 1939 и 1940 годах мы вернули себе своё.

Если следовать логике критиков России, то её правительству надо было, игнорируя национальные интересы, поступать примерно так же, как это делали правительства Праги, Лондона и Парижа времён Мюнхенского сговора. Тогда наверняка немецкое наступление было бы совершено с рубежей, примерно на 300-400 км восточнее тех, которые были достигнуты к 1941 году политикой Москвы. И при прочих равных условиях защита трех русских столиц, а значит и судьба всей войны, оказалась бы под большим вопросом.

В зависимости от того, как складывается конъюнктура в борьбе идеологий и какие факторы начинают превалировать в ней, советское предвоенное руководство то критикуется за то, что оно неудовлетворительно готовило страну к войне⁸, из-за чего в 1941 году

⁸ Некоторые мифы о войнах, появляющиеся в нашей прессе, совершенно необъяснимы. Известный своими телевыступлениями проф. В. Сироткин написал как-то, что накануне Первой мировой войны в России на одно орудие приходилось 4-5 снарядов. Вот, мол, как плохо царизм был готов к защите отечества. В действительности в 1914 году на одно орудие было заготовлено 760 снарядов (всего на вооружении находилось 7,9 тыс. орудий). Для сравнения, Австро-Венгрия заготовила на одно орудие 750 снарядов (4,0 тыс. ору-

Красная Армия терпела катастрофические поражения на полях сражений, то, наоборот, что оно чрезмерно милитаризовало Россию, тем самым провоцируя на сверхвооружение Германию, и готовилась сама напасть на неё летом 41-го. В последних инсинуациях особенно преуспел некто Резун - перебежчик, служивший в КГБ, приговорённый судом к высшей мере за предательство, издающийся по-русски под псевдонимом Суворов последние несколько лет массовыми тиражами, вся известность которого заключена в извращённом манипулировании малоизвестными для публики фактами. Понятно, что Германия, у которой общие границы с СССР появились только в 1939 году, имела собственное представление о том, каким военным потенциалом ей надо обладать. В сущности, война, начатая немцами в 1939 году, была для них продолжением Первой мировой, где главным, чисто субъективно, в том числе и для Гитлера, оставался Западный фронт.

Что же касается Польши, которая перед тем участвовала в разделе Чехословакии вместе с Германией и была «патологически» враждебна России, то нападение на неё немцев всё ещё остаётся загадкой, как и остановка Гитлером немецкого наступления на Дюнкерк в 1940 году, позволившая эвакуировать на Британские острова более 450 тыс. войск, и (подоплё-
дий), Франция - 1250 (4,8), Германия - 1300(7,7), Англия - 3500 снарядов (2,0 тыс. орудий).

ка полёта Гесса в Англию, материалы о котором Лондон засекретил, насколько известно из сообщений прессы, навечно. Видимо, англичанам есть что скрывать.

Но вот где особенно преуспела школа русофобского злословия, так это в описании ужасов Лубянки и Гулага, в «мрачных пропастях» которых накануне войны исчезли, якобы, десятки тысяч старших и средних командиров армии, и в истолковании так называемого «Катынского дела». Что касается репрессий в отношении офицерских кадров, то эта многолетняя ложь, возникшая при правлении Хрущёва, уже достаточно хорошо и основательно опровергнута. Миф об обезглавливании армии накануне немецкого вторжения, связанные с массовыми казнями офицеров РККА, документально развеян, как и беллетристические инсинуации о «страшном 1937».

Но обвинения правительства Советской России в массовых и бессудных расстрелах польских пленных офицеров под Смоленском заслуживают более серьёзного отношения. Не зря эта тема, болезненная для всегда непростых русско-польских отношений, вновь и вновь навязчиво муссируется, в чём особенно усердствует на ТВ г-н Сванидзе. Сомнительная достоверность всей этой истории заключена не только в том, что «доказательства» были предъявлены немцами в Смоленске в 1943 году, а признание их достоверности было получено от высших властей России

14 октября 1992 года, в смутное время «перестройки» по инициативе бывшего члена Политбюро ЦК КПСС Александра Н. Яковлева. Главная проблема состоит в том, что до сих пор в порядке уголовного судопроизводства это дело, не имеющего срока давности, так и не стало предметом открытого судебного расследования. Отсутствуют законные опровержения выводов специальной комиссии академика Бурденко, работавшей в 1944-45 годах и определившей, что расстрелы относятся к осени 1941 года, когда Смоленск был уже захвачен врагом, а значит - совершены немцами. Вместо законного приговора суда, который бы расставил все правовые точки в этом совершенно запутанном деле, обществу подброшены во всех отношениях сомнительные или фальшивые декларации, которые отражают частные мнения или инсинуации их авторов.

Если же говорится о русских военачальниках, руководивших генеральным штабом, командовавших фронтами, армиями и флотами, то они, согласно тем же предвзятым публикациям, не умели ни воевать, ни побеждать. Если им и удавалось брать верх над немецкими генералами, то лишь из-за крайне благоприятного стечения случайных обстоятельств. Они побеждали не умением, а числом, заваливая немцев «горой русских трупов»⁹. И вообще Россия одержала не просто победу, а Пиррову победу, которая была

⁹ См. его «Историю военных потерь», СПб, 1994 г.

для населения страны эквивалентом поражения. При этом используются самые фантастические аргументы для доказательства подобных утверждений. И что самое интересное, в отличие от переводной литературы, в которой приводятся хотя бы какие-то цифры, наши источники - военно-исторические и военно-демографические - либо хранят загадочное молчание, как это практиковал демограф профессор Урланис¹⁰, либо сообщают сведения, которые носят слишком общий, неконкретный характер (История второй мировой войны в 12 томах, Воениздат, 1971-75 гг.)¹¹

В немецких «Итогах второй мировой войны. Сборник статей», М. 1957 г., ссылаясь на работу Фрумкина (Лондон, 1951 г.), в свою очередь ссылающегося на полковника Калинова, перебежавшего в Западный сектор Берлина в 1949 год, утверждают, что СССР потерял в *вооруженных силах* убитыми 13,6 млн. чел., в том числе: погибшими и пропавшими без ве-

¹⁰ Точные данные о потерях СССР в Великой Отечественной войне впервые были опубликованы Генеральным штабом СССР в «Военно-историческом журнале» в 1991 году и затем в книге «Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование», Под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, М. Воениздат, 1993 г. В последующих публикациях, авторство которых принадлежит противникам России, эти материалы продолжают нарочито игнорировать.

¹¹ Парламентская газета от 27.08.99

сти – 8,5, умершими от ран – 2,5, погибшими в плену – 2,6 млн. Харперская энциклопедия военной истории («Всемирная история войн», кн. 4, с. 476, таб. 6 с замечательным заголовком «Стоимость Второй мировой войны») утверждает, что СССР потерял *на поле боя* 7,5 млн. солдат. По данным маршала С.Ф. Ахромеева которые были сообщены на его пресс-конференции 24.08.91 г., *военные потери* СССР с 22.06.41 г. по сентябрь 1945 г. составили погибшими и пропавшими без вести - 8668400 чел., в т.ч. в 1941 году 3138000 чел. В плену находилось 3396400 чел., из которых вернулось 1836000 чел. Следовательно, погибло в плену 1560400 военнослужащих.

Как бы там ни было, количество людских потерь свидетельствует не столько о сравнительно низком уровне военного искусства или о невысокой боевой подготовке русской армии в целом, сколько о том, что Россия была основным противником Германии и её союзников на Европейском театре военных действий. Более 80 процентов всех потерь наших противников приходится на их Восточный фронт. Сражаясь с русскими, «страны оси» потеряли от 4 до 5 млн. только убитыми. Ничего подобного немцы не испытывали ни на Западном фронте, ни в Африке, ни в Италии. Конечно же, надо признать, что немецкое искусство ведения войны, тактика боя, конструкторская, инженерная и интендантская подготовка Германии находилась на высо-

чайшем уровне и превосходила в этом отношении Красную Армию.

Но если разделить весь период войны с немцами на три части – трагический 1941 год, переломный 1942 и наступательные 1943-45, то картина потерь резко изменится. Первый год войны принёс наиболее высокие и объяснимые потери. Главная причина наших потерь – недостаточная подготовленность наших войск и самого командования по сравнению с великолепно организованной военной машиной Германии. В 1941 году мы воевали хуже немцев, но наше сопротивление носило отчаянный характер. Второй год войны свидетельствует о том, что мы уже в целом научились современному ведению военных операций. И хотя дважды – в Керченском и Харьковском сражениях – нас опять побили, зато удалось полностью разгромить врага под Сталинградом. Наконец, начиная с 1943 года ситуация была коренным образом изменена, и Красная Армия обрела наконец-то умение и воевать, и побеждать. Можно обмануть профанов, но статистику войны обмануть невозможно (в таблице приведены данные о безвозвратных потерях на советско-германском фронте, к которым относятся убитые, пропавшие без вести и пленные, млн).

Период	1941 г. (5 мес.)	1942 г. (12 мес.)	1943 - 45 гг. (28 мес.)	Всего
Германия и её союзники	0,80	1,10	6,75	8,65.
СССР и его союзники	3,14	3,26	5,08	11,48

Кроме того, показатели потерь неверно рассматривать в отрыве от главной цели любой военной операции – нанесения врагу такого ущерба, чтобы он утратил способность к ведению вооруженной борьбы. Здесь у немцев на русском фронте практически не было подобных побед, и ни одна наша неудача не завершалась таким именно образом, даже если удавалось взять в плен целые армии, как это было в 1941 году. Советскому командованию всегда удавалось восстанавливать оборону, и перед немцами, считавшие, что дорога вглубь России для них открыта, что перед ними никакие не защищаемые пространства, опять возникали новые армии и фронты. Увы, военные дневники Гальдера, Геббельса или Гудериана печатаются по-русски реже, чем злобные, фантастические выдумки каких-нибудь доморощенных нигилистов от истории.

Третье направление, наиболее извращённое, связано с отождествлением коммунистической Советской России и нацистской Германии, уподоблением агрессора его жертве. Если «сталинский тоталитаризм» несколько не отличается от «гитлеровского фашизма», если

концентрационные лагеря, созданные немецким политическим руководством, - то же самое, что и исправительно-трудовые учреждения, существовавшие в СССР, то его граждане, перешедшие на сторону врага, не уголовные преступники, а «борцы с тоталитарной коммунистической системой». В частности власовская «Русская освободительная армия», декларировавшая борьбу со Сталиным, предстаёт в таких публикациях неким подобием «Свободной Франции» Де Голля, противостоящей режиму Петена¹².

Несмотря на то, что превентивные меры в отношении этнических немцев и японцев принимались западными союзниками, в частности США, которые, нисколько не опасаясь японского вторжения на американский континент, тем не менее, упрятали всех своих граждан японского происхождения в концлагери, такие же или подобные действия советских властей интерпретируются как преступные акции. Именно так характеризуется переселение в 1941 году немецкого населения Поволжья¹³, представлявшего реальную угро-

¹² Абсурдность ситуация дошло до такой степени, что в начале ноября 2001 года Верховный суд РФ всерьез занимался проблемой реабилитации б. генерала Власова. Его не реабилитировали, но обвинение в антисоветской агитации, которая в период войны являлась оружием врага, все-таки было снято. Если бы Геббельс оставался живым до наших дней, он был бы абсолютно чист перед юстицией «демократической России».

¹³ Можно сослаться на гнуснейшие публикации

зу тылу действующей армии, в восточные области страны и депортация на восток в 1944 году чеченцев и крымских татар. При этом совершенно игнорируется, что чеченское население неоднократно поднимало мятежи в тылу наших войск, и были случаи жестокого убийства ими целых госпиталей с ранеными в санаториях Кавказа, а татары Крыма фактически стали сотрудничать с оккупационными властями, участвуя в ведении боевых действий на стороне врага. Но и они под лживым пером оказываются «жертвами сталинизма», репрессированными, подлежащими «реабилитации».

В том же ключе, возвращаясь к темам Великой Отечественной, трактуется создание в 1942 году, в момент отступление наших войск после Харьковского сражения к Волге и в сторону Кавказа, заградительных отрядов, известный приказ Верховного «Не шагу назад», процедуры проверок в отношении наших военнопленных, часть которых оказывалась после немецких лагерей в исправительных учреждениях на территории Сибири. Критиков не смущает, что часть военнослужащих оказалась в плену по трусости или в результате измены, что в прошлом, да и сейчас подпадает под действие уголовного права. Таким

«Независимой газеты», в частности от 28.08.01 (Иван Петров, «Трагедия с потерями для всей страны», Иван Сас, «Руководство переселением возложить на НКВД...»), приуроченное к 60-летию мероприятий по переселению этнических немцев, проживавших в Поволжье, в связи с нападением Германии на СССР в восточные районы России.

образом, без проверки, которую проводили органы НКВД, невозможно было обойтись. Но большая часть бывших пленных, о чем старательно умалчивается, вновь зачислялась в состав действующей армии на общих основаниях.

И в качестве апофеоза бесчеловечности со стороны Сталина приводится его бездеятельность после начала восстания Армии Краёвой в Варшаве, - восстания, начатого по приказу лондонского иммигрантского правительства без согласования с советским командованием и в надежде захватить столицу Польши накануне приближения в ней Красной Армии. Политический и довольно гадкий смысл этой акции Лондона был очевиден, и её использование сегодня рассчитано лишь на незнание современным русским читателем или зрителем скрытой истории войны. На самом деле у советского командования после проведения Белорусской наступательной операции к сентябрю 1944 года были исчерпаны силы и средства для новой операции, которая подразумевала преодоление такой серьёзной водной преграды, как Висла. Кроме того, в тех условиях еще одно наступление было лишено как стратегического, так и политического смысла, о чём, в частности, знали и в Лондоне¹⁴, и в Вашингтоне¹⁵.

¹⁴ На этот счёт вполне откровенны высказывания У. Черчилля, которые содержатся в его мемуарах (см. «Вторая мировая война», в трех книгах. М. Военное издательство, 1991).

¹⁵ Ложь вокруг событий в Варшаве потребовалась политикам и историкам Запада, чтобы как-то за-

В кратком очерке невозможно не только описать, но даже перечислить примеры искажения и недобросовестного истолкования или изображения Великой Отечественной войны, которая переполнила в РФ прессу, публицистику, СМИ, научные издания и даже произведения искусства. Интеллигенция, как ей обычно свойственно, выполняет социальный заказ, исполняя ту музыку, которая оплачивается.

Надо ли понимать дело таким образом, что в нашем военном прошлом всё безоблачно и благостно? Конечно же, нет. Никому и никогда не удавалось делать политику и вести войну в белых перчатках. Государственное руководство Советского Союза не состояло из ангелов или святых, и ничто человеческое, в том числе недостатки и пороки, им не было чуждо. Дело в другом. Речь идёт о безусловно недопустимом в уважающем своё прошлое государстве злоупотреблении теми конституционными свободами, которые принадлежат научному, художественному или журналистскому видам творчества. По сути дела в этих публикациях, относящихся к Великой Отечественной войне, проявляется откровенно расистская, антирусская клеветническая практика, интеллектуальное трюкачество, извра-

тушевать очевидность военной бездеятельности сухопутных сил Великобритании и США на европейском театре военных действий на протяжении четырех лет - с лета 1941 по июль 1944 года.

щающее непреложные исторические факты, что не может не оскорблять национальные чувства и память павших за свободу и независимость нашей родины, действия, которые представляют собой если и не своеобразную форму неонацизма и неофашизма, то их очевидно демонстративную и провокационную реабилитацию.

Видимо настала пора оградить священную память предков и достоинство России от подобных посягательств и обеспечить уголовно-правовое преследование всех, кто лжет и извращает героическую историю страны. Русским надо делать то же самое, что уже внедрено по инициативе всемирного еврейства в ряде государств Европы, таких как Англия, Франция, Голландия и Германия¹⁶. Жертвами европейского варварства, возжелавшего в 40-е годы прошлого века покорить Россию и обратить русских в рабство, стали не менее 25 миллионов наших соотечественников, павших на фронте, погибших в оккупации, преждевременно умерших в тылу. Их пепел взывает к справедливому и неотвратимому возмездию всем клеветникам России.

¹⁶ Юстиция этих стран преследует в уголовном порядке даже научные исследования о Второй мировой войне, если они умаляют или подвергают сомнению достоверность так называемого холокоста, который, однако, если публикации на эту тему подвернуть критическому анализу, не подтверждается фактологическими, демографическими, техническими и документальными материалами.

2. История России и исторический нигилизм

«История ... есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; изъяснение настоящего и пример будущего». Так в 1815 году открывал Н.М. Карамзин – последний русский летописец – свой многотомный труд о Государстве Российском.

Простое повествование о прошлом, свойственное летописям, свидетельствует лишь о фактах, тогда как потомкам необходимо понимать ещё и их смысл, раскрывая для себя суть явлений. Между тем, даже по прошествии почти двух столетий со дня, когда были написаны эти строки, смысл русского прошлого так и не разгадан, и поэтому История не служит России - подобно тому, как чертежи морей служат мореплавателям. К тому же История, - заметил Ключевский, - не учитель для нас, а строгий экзаменатор, наказывающий за незнание её уроков.

Загадочность социально-политической природы России отмечалась многими русскими мыслителями. Тот же *Карамзин* считал Россию державой, ни с чем не сравнимой и единственной в своем роде. *Чаадаев* чувствовал непостижимость ее судьбы, какую-то исключительность русских среди других народов, полагая, что они «существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру», не

подчиняясь всеобщему закону человечества. Пушкин писал об особом существовании России и особом предназначении русских. В стихах призывавший не мерить Россию «общим аршином» (имея в виду европейские каноны), Тютчев полагал, что философия истории «еще не соблаговолила» дать ответы на вопросы о том, что такое Россия, каков смысл ее пребывания в мире, откуда она пришла и куда идет, что собой представляет. В январе 1918 года, когда разрушительная анархия уже оброчивалась гражданской войной, для Блока, тонко понимавшего страну, Россия всё равно оставалась загадочным сфинксом.

Оборотной стороной этой загадочности было непонимание России самими русскими. Один из наиболее проницательных русских писателей, Гоголь предупреждал русское образованное общество о том, что оно не знает России, Достоевский отмечал вековую оторванность всего просвещенного русского общества от родных и самобытных начал русской жизни, Иоанн Кронштадтский свидетельствовал: «перестали понимать русские люди, что такое Русь». Наконец, правивший Россией накануне крушения коммунистического режима Андропов - недолгий лидер, с обескураживающей откровенностью признал: «Мы не знаем общества, в котором живем».

Казалось бы, и названные, и многие другие аналогичные предупреждения выдающихся умов страны (Уваров, Катков, Данилев-

ский, Леонтьев, Тихомиров, Ильин) диктуют нам необходимость особенного отношения к единственному нашему учителю – каковым является История, познание которой должно быть для нас чуть ли не главной гражданской обязанностью. Добросовестно изучать и стремиться понимать прошлое, а не судить его, - вот что требуется, чтобы в очередной раз не оказаться в дураках у судьбы. Для Ивана Солоневича, например, было очевидным: «Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы ни было извне, - неприменимы для русской государственности, русской национальности, русской культуры», стало быть, и сама русская мысль может быть русской только в том случае, когда она исходит из русских исторических предпосылок.

Но что мы видим? Как и во времена Пушкина-Достоевского-Блока, с трибун, кафедр и от микрофонов Россию и русских продолжают настойчиво уязвлять за «историческую ничтожность». Страну накрыл печатный вал книг, пособий, учебников, где нам уготована скамья подсудимых. Телевидение теперь - скорее орудие развращения и дерусификации, нежели средство воспитания, спекулирует на прошлом для внедрения в массовое сознание вирусов исторического нигилизма. «Прошлое России непредсказуемо», - такова лживая аксиома ядовитого чревоуещания пропагандистов, произносящих и пишущих о

ней всякий вздор, свидетельствуя об умственном бесстыдстве и духовном разложении. Но когда такое дозволено, то можно создавать об истории России невероятные по вымыслу произведения – в науке, литературе, публицистике, кинематографе, даже в живописи. Тем более, если их щедро оплачивать.

В конце 2010 года общество предупредило, что одной из главных задач, которую власть решила взвалить на свои плечи, станет «десталинизация общественного сознания». Надо полагать, что этот «национальный проект» должен заменить информационную войну с «лихими девяностыми», которую средства электронной пропаганды совсем недавно вели в массовом сознании. Проблема была в том, что правящий класс высчитывал, на какую из предшествующих эпох лучше всего свалить современные проблемы. Теперь спора нет. И вскоре школьники будут заучивать, что Сталин для России такой же изувер как и Гитлер, а НКВД (пограничники, охранники, тюремщики, пожарные, регистраторы ЗАГСов) – преступная организация ничуть не лучше гестапо. Почему бы и нет: ведь чуть ли не общим местом уже стало утверждение, что маршал Жуков не выдающийся полководец второй мировой, а кровавый мясник¹⁷. Это,

¹⁷ Массированная дискредитация маршала Жукова была произведена в переполненном клеветой 90-серийном телевизионном фильме «Вторая мировая война, Русская версия» режиссёра Правдю-

так сказать, приходящая примета текущего момента, но История в очередной раз должна стать его жертвой.

Как её можно трепанировать, показал телецикл «Суд времени», в течение нескольких месяцев транслированный по 5-му каналу и, увы, ставший популярным. Была ли в его лицедейских спорах, которые вели между собой труппы Млечина и Кургиняна под прищотом вездесущего Сванидзе, поставлена задача разобрать сложные эпизоды русского прошлого? Ни в малейшей степени! Заказчики телепроекта использовали Историю в качестве ритуальной жертвы. На арене были представлены идеологии, а не истина, полемические изыски, а не наука. Непосредственно «верховного» не трогали, но из того, что проповедовал Млечин, отражая официозную позицию, вытекало, в чем состоит «десталинизация». «Лев Троцкий - упущенный шанс русской революции; плановая экономика - путь в тупик, индустриализация - неоправданный надрыв; Тухачевский - жертва сталинского террора; пакт Молотова-Риббентропа - путь к началу Второй мировой войны; присоединение Прибалтики - проигрыш; в 1941 году сталинская система провалилась». (Последнее особенно забавно – если читать свидетельства врага, например, поденные записи в дневнике генерала Гальдера).

ка (Завтра, 23.08.2006).

Такой же обработке подверглась в этом телецикле и та часть русской Истории, которая, вроде бы, находится за пределами «десталинизации». Тем не менее, и там тоже нашлось «место для дискуссий» - разумеется, идеологических. Все те же комедианты исхитряются утверждать, что внешняя политика Александра Невского была губительна для Руси, Иван Грозный - кровавый тиран, реформы Петра Великого вели Россию в тупик, декабристы, поднявшие вероломный мятеж, являлись передовой частью русской (конечно же, в словаре пропагандистов - «российской») элиты, а Николай II привел Россию к краху.

Дискуссии в науке – естественная норма, они ее развивают, но полемика между идеологиями – нонсенс; в них любая тема оборачивается профанацией, абсолютной бессмыслицей, нелепостью. Подлинная наука не может ставить перед собой вопросов, не являющихся её предметом, иначе она оказывается в ложном положении. Лаплас был абсолютно прав, когда в известном диалоге с Наполеоном исключил религию из астрономии. Но не дело науки опровергать и нелепости, в том числе вздорные исторические фантазии, и подыгрывать философии, идеологии и особенно политике. Тогда история как наука, обесцениваясь, становится «политикой, опрокинутой в прошлое» (как произошло в программе «Суд времени»). Критика, потворствуя публике, постаралась не заметить этой подмены.

Между тем подобные «тренды» услужливо подхватывают, даже те публицисты, которые числятся по калашному ряду патриотов. Вся 300-летняя история романовской России, - читаем мы у одного такого автора, - это планомерное разложение устоев русской жизни при помощи захватившей власть агентуры Запада. Как это похоже на статьи «Большой советской энциклопедии», издававшейся большевиками в 20-е годы XX века, в которых Петр I - агент кукуйской немецкой колонии, а Екатерина II – платный шпион прусского короля Фридриха II, Павел I и Александр I - масоны, а Александр II - адепт западноевропейского либерализма. К Истории подобные измышления отношения не имеют, зато практический политический смысл очевиден – иначе не оправдать пролетарский режим, самонадеянно считавший, что ему удалось покончить с Государством Российским.

Тютчев полагал Историю «истинным защитником России». Потому что в течение трех столетий она разрешала в её пользу «все тяжбы, в которые русский народ раз за разом ввергал все это время свои таинственные судьбы...».

И в самом деле, что такое царствование Ивана Грозного (1533-1584)? Увеличение территории государства с 2,8 до 5,4 млн. кв. км. Прирост народонаселения не менее чем на 50%. Основано 155 городов и крепостей. Армия в 500 тыс. – доказательство государственной мощи. За полвека менее 5 тыс. каз-

ненных (тогда же в Англии только за бродяжничество повешено 70 тыс., в Германии в период крестьянского восстания 1525 г. 100 тыс. казней, одна Варфоломеевская ночь во Франции в 1572 г. - 30 тыс. жертв). И кто же «кровавый тиран»? Конечно: русский царь! А телевидение, усиливая клевету, по несколько раз в год на разных каналах крутит пасквильный фильм об Иване IV режиссера Лунгина...

Объективные факты рисуют эпоху 303-летнего правления царей династии Романовых величественной. В 1613 году, после 10 лет смуты, экономика, финансы, армия находились в состоянии полного разора. Страна была отброшена назад на столетие. Исправить положение могли только целеустремленность власти и трудолюбие народа. Через век Россия - великая европейская держава, через 200 лет - ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без согласия Петербурга¹⁸. В на-

¹⁸ В исследовании Европейского университета в Санкт-Петербурге «История технических прорывов в Российской империи в XVIII — начале XX вв.: уроки для XXI века?» читаем: **Военный кризис** (во второй половине XVII века) нагляднее всего проявился в почти непрерывных поражениях русской армии от соседей (поляков и литовцев, шведов, турок и татар), в чрезвычайно **низком международном престиже страны**. <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/opyty/59333-krepostnaya-modernizatsiya-po-petrovski>, 8.10.2010. Разумеется, и «непрерывные поражения», и «низкий престиж» - злобные вымыслы, охотно публикуемые русской версией «Форбса».

чале XX столетия Российская империя одна из пяти главных мировых держав (вместе с США, Британией, Германией и Францией) с наиболее динамично растущей промышленностью и увеличивающимся народонаселением. Если в начале XVII века в России 9-10 млн. жителей, то в 1916 г. - 181,5 млн., их них этнических русских (великорусы, малорусы, белорусы) - около 100 млн. Территория страны достигла 22,3 млн. кв. км, и ещё было 3,2 млн. владений в Америке, уступленные Британии и США (в 1825 и 1867 гг.). В тот же период стремительный взлёт науки, культуры, искусств, литературы, давшее основание называть XIX столетие «золотым русским веком».

Достижение истинного могущества, заставлявшего трепетать Европу, и оплаченное отсутствием друзей и союзников среди всех без исключения мировых держав, что требовало от русской дипломатии и политики особенной изощренности в защите русских государственных и национальных интересов. Ни одной войны, проигранной на поле боя, включая три, которые, по сути, были мировыми - 1812-1814, 1854-1856, 1914-1918 гг. Конечно, не обходилось без нерешительности, предвзятости, ошибок и заблуждений, а разве их не совершали и самые великие святые?¹⁹

¹⁹ К серьезным ошибкам периода правления царей из династии Романовых (1613-1917) можно отнести: непродуманность осуществления церковной реформы XVII века; закон о престолонаследии Пе-

Но что было самоочевидным успехом Государства Российского для русского мыслителя, дипломата и поэта Тютчева, под пером плодовитых и наглых нынешних вульгаризаторов прошлого, имеющих солидную поддержку, представлено цепью непрерывных поражений. Какая там польза? Какие победы? Какие выдающиеся правители? Все наоборот! Современная Россия коррумпирована? Да царская была во сто крат хуже! И вот уже коммерческие издания обрушивают поток словесной грязи на Россию времен Романовых, на саму династию и на ее монархов.

Приведём несколько таких образчиков: «царская историческая православная Россия к XX веку превращается в воровскую мали-

тра I; отказ от проведения Собора для избрания новой династии из-за прекращения прямого наследования престола после Елизаветы Петровны; дворянская праздность, введенные Петром III и Екатериной II; паллиативность в решении еврейского вопроса; автономизация Прибалтики, Финляндии и Русской Польши; неготовность Николая I осуществить радикальные реформы в 30-40-е годы; уступка Британии и США Русской Америки; либеральный уклон в реформах Александра II и особенно характер упразднения крепостного права; невзятие Константинополя в 1878 году; правила избрания депутатов Государственной Думы; отказ от введения в Империи военного положения после начала Мировой войны 1914 года. Парижский договор 1856 г, Берлинский трактат 1878 г и Портсмутский договор 1905 г. – очевидные поражения русской дипломатии. Понять причину этих ошибок – вот в чём проблема.

ну» и «сама себя убила», «николаевская Россия была сущим бардаком», «царствующая династия состояла из редкостных выродков и коррупционеров», «Александр I – один из самых гнусных представителей династии Романовых»; «Николай I – царственный ишак»; «Александр II – гнусная сволочь»; «Николай II – ничтожный царь-идиот». Обширный фолиант, заполненный смрадной клеветой на Историю России, но её автор бесстыдно выдает себя за патриота и носителя самого что ни на есть «здорового смысла», заключенного всего лишь в одну мыслишку: не стоит жалеть о России, «которую мы потеряли», наше прошлое было ужасно, а потому даже катастрофическая современность не так плоха, как кажется.

Да, классик как никогда прав: демонстративное незнание России приводит к отрицанию России, отрицание к зоологической ненависти к ней, а там и до измены рукой подать...

Может, - вопрошает тот же «здравомыслящий» автор, - вовремя вырезав проклятую династию Романовых, мы бы спасли Россию от революции? Мысль не нова. Её реализовали 11 марта 1801 года заговорщики, убившие императора Павла I. Она воодушевляла дворянских мятежников 1825 года. 1 марта 1881 года произошло цареубийство Александра II. 2 марта 1917 удачей завершился заговор против Николая II, устранивший его от власти и позже ставший причиной убийства всей семьи и многих родственников императора.

Будет не лишним заметить, что ни одно из этих чудовищных злодейств не изменяло поступь русского развития, хотя и наказывало страну за его совершение духовным кризисом, расколом общества, периодом мученичества. И с революциями все не так просто. Эти коренные перевороты в русской жизни – наше так и не неразгаданное свойство, возрождающее наше могущество, причем, всегда на более высокой ступени развития.

Сами русские цари, по сути, были революционерами-созидателями Великой России, пробуждая народное сознание и обеспечивая русское единство, посрамляя революционеров-разрушителей, имеющих о ней фантастические представления, а потому их заговоры, роковым образом происходившие в первые месяцы весны, всегда несли с собой одни только «великие потрясения» и бессмысленные жертвы.

Кто ныне с энергией варваров насилует и дискредитирует русскую Историю и рвет в клочья священную книгу русского народа, как не последователи честолюбца Герострата, которым не дает покоя всемирное бесславие поджигателя храма Артемиды? Но нам-то, хорошо известно, что вопреки всему возникает на месте такого преступления – чудо света под именем Россия.

Концепты и рецепты

1. Синдром Герострата

К изданию Манифеста просвещённого консерватизма Н.С. Михалкова²⁰

Глобализированная бюрократия вполне энергично и со знанием дела разоряет и уничтожает страну, оказавшуюся у нее в руках, но в идеологическом отношении она бесплодна, как засохшая евангельская смоковница. И чтобы обеспечивать незыблемость своего правления, воздействуя на массовое сознание конкретной страны, она вынуждена использовать заимствованные и глубоко чуждые ей идеи.

На протяжении довольно длительного периода на эту роль подходил либерализм. Свобода – равенство – братство. Демократия – право – рынок. После 70-летнего марксистско-ленинского интеллектуального воздержания, когда вся идеология была сведена в две небольшие книжицы по диалектическому и историческому материализму, несколько поколений жителей России, названной Советским Союзом, набрасывались в конце 80-х на блюда либеральной лексической кухни, словно беженцы из голодающего Поволжья на любые продукты питания – даже потерявшие качество съедобности. Результат этой философической оргии оказался скорым и беспреце-

²⁰ <http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest.html>

дентным. При полном непротивлении народа и центральной власти Государство Российское было расчленено между кланами бюрократии на два десятка геополитических уродцев, - нежизнеспособных, но формально суверенных и дипломатически признанных. Денежные активы государства были присвоены немногочисленным кругом наглых мошенников, промышленность и аграрный сектор прекратили деятельность, чтобы быть распроданными по дешевке на вывоз и утилизацию.

За коктейль из либерального снотворного с рыночным слабительным пришлось заплатить высокую цену. Народонаселение, жившее надеждами на золотой дождь, поскучнело. Исчезла манящая цель. Была поэтому сделана попытка заменить *российский* либерализм с профилями Чубайса, Немцова и Евгении Альбац на суверенную демократию с ликом Суркова. Но дело не пошло. Режим взял таймаут. Социализм его как-то не прельщал, коммунизм тем более. Затем Кремль – или одну из закрепившихся в нем фракций – осенило: партия власти провозгласила, что станет проводником европейского консерватизма! В ноябре 2009 года, когда проходил уже её XI съезд, член Бюро Высшего совета О. Морозов, некогда преподаватель научного коммунизма и секретарь парткома вуза, член Татарского обкома компартии, в 1989—1992 гг. сотрудник аппарата ЦК КПСС, а в новую эпоху – многолетний бессменный первый зампред Госдумы, заявил:

«Мы центристская партия, которая в традиционной европейской терминологии называется «консервативной». Главный принцип консерватизма - это «сохрани и приумножь». Это значит, опираться на то, что создано, и добиваться модернизации, то есть приумножить, добавить новое, передовое, то, что является основой нашей партии²¹.

Никто не возразил. Но одно дело объявить и совсем другое – объяснить. Возникла необходимость изложить взгляды, стремления, цели «правлящей консервативной партии» для широкой публики. Само собой понятно, что на документ с теоретической и отчасти практической программой за подписью кого-либо из партийных руководителей, вроде Грызлова, никто бы не обратил внимания, и он так и остался принадлежностью одних только партийных сайтов. Автором должен был стать человек широко и даже скандально известный. Выбрали Н.С. Михалкова – монархиста, потомка дворянского рода, кинорежиссера, киноактера, общественного деятеля - председателя сразу двух аполитичных организаций - Союза кинематографистов и Фонда культуры. Своего надёжного человека, подмосковное поместье которого запросто посещает «лидер нации». И в самом деле, не поручать же ставить подпись на таком важном документе Алине Кабаевой, Тине Канделаки или Ксении Собчак? Хотя они с не меньшим рвением го-

²¹ » <http://www.er.ru/text.shtml?10/9275,110759>

товы были бы выполнить руководящее указание.

Результатом почти годовых творческих усилий стал Манифест просвещенного консерватизма. И хотя на нём стоит имя автора, все равно его следует считать «Манифестом партии Единая Россия», главой которой является беспартийный действующий премьер-министр. Принадлежность Манифеста именно этой партии выдают частые фразы с местоимениями во множественном числе: «мы живем», «мы являемся», «мы верим», «мы видим», «мы должны», «мы постараемся», «мы столкнулись», «мы отрицаем», «мы надеемся», «мы считаем», «мы не одни», «мы будем», «мы убеждены», «мы исходим из того», «мы приветствуем», «мы имеем в виду», «мы обретаем», «мы называем», «мы твёрдо заявляем», «мы объединяемся», «мы против», «мы не отдавали себе отчёта», «мы не должны и не можем допустить этого», «мы трезво оцениваем», «мы вступили в XXI век», «мы, граждане Российской Федерации», «мы не враги прогресса», «мы хотели», и даже «мы осознаём себя русскими», «мы служим Богу и Отечеству», «мы не Гондурас».

Еще одно обстоятельство косвенно доказывает принадлежность Манифеста перьям, близким «Единой России» (в прессе прямо называют в качестве автора или соавтора профессора МГУ А. Дугина, национал-большевика в недавнем прошлом). Не успел этот многостраничный документ появиться

на нескольких сайтах, в том числе и патристических, которые не увидели в нем подвоха, как руководство этой партии, «приветствуя его появление», заявило, что Манифест «является знаковым событием общественной жизни» и «будет иметь позитивное влияние на общественное развитие современной России». А через два дня на втором телеканале прошла шоу-передача с участием Михалкова, предметом которой был только что появившийся Манифест. Широкий пиар, таким образом, ему был обеспечен, что нельзя объяснить только бескорыстной симпатией к Михалкову «менеджеров» телеканала «Россия-1».

Идеологии и политические доктрины, заметим, между собой не воюют, хотя всегда содержат несовместимые положения. Они *конкурируют*. Их задача – спланировать своих сторонников, увеличивать число своих единомышленников. И уж раз создается идеологический продукт, ему без средств пропаганды и агитации, таких мощных, каким является телевидение, не обойтись.

Форма Манифеста предполагает, что в нём должны приводиться некие принципы, оценки, программа, призывы, кратко излагаться определенная идеология или политическая доктрина. Если только дело не идет о чьем-то индивидуальном тщеславном самовыражении, его следует воспринимать как партийную декларацию, содержащую цели, методы и задачи партии. Это документ и теоретический и практический одновременно. Поэтому-то из

данный Манифест и стоит того, чтобы разоб-
брать по косточкам. Интересно, в самом деле,
выяснить, какова идеология одной из правя-
щих бюрократических фракций²².

Русская история

Пожалуй, единственный предмет, в отноше-
нии которого идеология вынуждена опираться
на историю как науку, это русское прошлое.
И что же? В партийном трактате, претенду-
ющем на консерватизм, на двух страницах
уместились все ее одиннадцать веков, сведён-
ные в пять этапов: «Киев! Владимир! Москва!
Петербург-Петроград! Москва!». Чему здесь
придано особое значение? Крещению русских
людей. Петровским реформам, «передвинув-
шим за церковную ограду гражданскую и
государственную жизнь». Негативной воле
русских императоров, замещавших «Святую
Русь» «Великой Россией» и государственным
консерватизмом. Революционной обществен-
ности с либерально-демократическими идея-
ми гражданского общества. Превращению
императорской России в Советский Союз, в
«Великую Россию без Святой Руси». Наконец
– «обретению государственной независимо-
сти и личной свободы» как результату состо-
явшейся «геополитической революции», поли-

²² Оценка С.Е. Кургиняном (<http://www.kurginyan.ru> от 29.10.2010) Манифеста как «достаточно бес-
содержательного документа» с «интеллектуальной
стороны дела» кажется неверным. Напротив, в
Манифесте «содержания» даже слишком много.

тически и экономически переделавшей мир.
Нет уже для правящей партии ни «Святой
Руси», ни «Великой России», а есть только тер-
ритория Российской Федерации и её гражда-
не, унаследовавшие от умершего в 1991 году
Советского Союза 75% территории и 51% на-
селения.

Что в этой историософии от науки, кроме
бледных следов из школьных учебников по-
следних лет? И чем этот «консерватизм» (с по-
зволения сказать) отличен от заштампован-
ных либеральных трюизмов? Бюрократиче-
скому консерватизму, «просвещённому» обра-
зованщиной, ничего не стоит дать согласие на
прекращение тысячелетней русской истории
во всех ее метафизических и реалистических
формах и заявить, находясь над ее символической
могилой, о рождении другой России с
«новыми государственными границами», ко-
торой, разумеется, нужны «новая политиче-
ская и государственная элита» и «новый креа-
тивный класс-лидер».

Что может ответить «просвещённому кон-
серватизму» русский консерватизм?

Сведение всей истории Государства Рос-
сийского к этапам, зависящим от того, ка-
кой из городов выполняет миссию ее столи-
цы, – конечно же вульгарность²³. Назначение

²³ В науке существуют различные периодизации
русской истории. В.О. Ключевский, например,
выделял днепровский, верхневолжский, велико-
русский и всероссийский, отдавая приоритет гео-
графическому фактору.

Петром в качестве столицы только начатого строительством в 1703 году Санкт-Петербурга было военно-политическим актом. Он означал, что Россия никогда впредь не уступит отвоеванную в который раз Ингирию. И только. Поэтому, между прочим, сохранение за этим городом, расположенным на крайнем северо-западе, функции столицы после того как шведская угроза отпала, было недалеко-видной ошибкой русских государей, обернувшейся заговорами и восстаниями 1825, 1905 и 1917 годов, ошибкой, которую проницательные русские консерваторы еще в конце XVIII века предлагали исправить, вернув столицу в Москву.

Русский консерватизм видит в российской государственности иные исторические циклы, принципиально другую периодичность и «особое предназначение» государства. *Мученичество, пробуждение, движение к русскому единству, развитие могущества* (А.С. Пушкин). На каждом историческом этапе, но только на более высокой ступени, мы проходим их, достигая в конечном итоге все более выдающихся высот. В консервативной русской идеологии, светская форма которой насчитывает более двух с половиной столетий, а религиозная и по-прежнему существует с незапамятных времён, Великая Россия и Святая Русь живут в вечности. И симфония властей, о гибели которой сокрушается Манифест, - не знак далекого и безвозвратного прошлого. Эта симфония оживает под влиянием сим-

фонии политических и религиозных идей, и при ее утрате она может быть восстановлена, - если ее идеи овладеют сознанием лучшего слоя общества, если общество восстановит в государстве традиционную преемственность.

В Манифесте, даже если не придавать значение неточности терминов, перепутаны периоды и циклы русской истории, описание последовательности событий и выяснение смысла исторического процесса, названия вещей и их сущность. Для Манифеста русское прошлое, «тысячелетний путь» - это Святая Русь, Московское царство, Имперская Россия, Советский Союз и... Российская Федерация. Сначала «жизнь в Церкви», затем «жизнь в государстве», позже, в начале XX века, «жизнь в гражданском обществе», советский период - «жизнь в партии» и одновременно жизнь как борьба за существование, затем «либеральная демократия», признаком которой названы почему-то традиционные, архаичные общественные отношения, и, наконец, призыв к светлому «просвещенному консервативному» будущему - «нормальной человеческой жизни».

Положительные периоды здесь связываются только с двумя именами - князя Владимира, крестившего русских людей, и князя Андрея Боголюбского, при котором «Святая Русь расцвела». В правление этих князей, если верить Манифесту, «вера органично входила в быт, а быт в веру», «государственная идеология была неотделима от православного ми-

росозерцания», а мироощущение - церковно-консервативным. 300 лет императорского правления, наоборот, - драма ошибок: гражданская и государственная жизнь выведена за церковную ограду; Россия названа Екатериной европейским государством; место Патриарха занял Синод; политические, экономические и судебные реформы способствовали «гражданскому освобождению», породив революционную общественность; и в итоге - Россия, защищая православную Сербию, вступила в 1914 году в Мировую Войну, закончившуюся для нее «чередой революций, сокрушивших многовековую монархию». Гражданская война превратила императорскую Россию в Советский Союз, но ничего хорошего из этого тоже не вышло.

Чем были в версии Манифеста следующие 70 лет? Работа и жизнь «на пределе возможностей» в борьбе за существование при «массовом энтузиазме и личной жертвенности»; ощущение окружения внутренними и внешними врагами; страх как основа политического режима; ужасы и боль ГУЛАГа; невероятные тяготы мобилизационной работы, коллективизации и индустриализации. В итоге «советский народ» «надорвался», централизованная система советского государства и права - демонтирована, партийная элита разложилась, социалистическая общественность деградировала, и система ценностей советского человека распалась.

Что вызвало все виды перечисленных ощу-

щений? Что потребовало мобилизацию, централизацию, коллективизацию и индустриализацию? Откуда взялся «советский народ»? В чем причина надрыва после подвига, демонтажа после победы, разложения, деградации и распада после рывка? У Манифеста на эти естественные вопросы нет ответов. Все ощущения и явления возникли ниоткуда и ниоткуда. Разве что в начале XX века из «сокрушительной революции», а в его конце - из революции геополитической. Но подобные предположения выдают закоренелую интеллигентскую болезнь, которую емко и точно определил Гоголь: «незнание России посреди России», выдумывающую картины, создаваемые воображением.

Строго говоря, если оставаться на позициях русского консерватизма, всё перечисленное - не более чем ещё одна версия «новой хронологии», на этот раз почему-то «просвещающей». Но, как и в случае с предыдущей «новой хронологией», где пророком выступил академик от математики Фоменко, для опровержения второй новой хронологии, где за дело взялся кинопродюсер, потребовалось бы не одна монография, во всяком случае, не один десяток статей. Это всегда так: глупость и невежество могут быть лаконичными, их опровержение требует подробностей. Поэтому в данном случае обойдемся простой схемой и кратким пояснением.

Период	Формы государства	Лет	Пояснения	млн. кв. км	млн. чел.
ок. 650-841	Государство восточных славян	~200	По летописи Русь тогда «велика и обильна». Известна в источниках под именем Славии, Артании, Куябии		1
841-862	Отсутствие порядка	21	Призвание на княжение Рюрика в 862 г.		
862-1125	Русское княжество	263	В 965-969 разгром Хазарии. В 988 принято христианства	1,3	1,4
1125-1380	Удельный распад (удельные века - по Ключевскому)	255	Единое государство поделено на 15, затем на 50 княжеств. В 1238-40 восточная часть после нашествия татаро-монголов в вассальной зависимости от Орды. Галиция захвачена Польшей в 1349 г. Западная часть		

			<i>Руси под названием Великого княжества Литовского и Русского сохранила суверенитет. Собрание земель начато Москвой с 1328 г.</i>		
1380-1604	Русское царство	224	Русь состоит из двух частей: Московской и Литовской, последняя с 1569 г. в унии с Польшей	5	15
1604-1613	Смута	10			
1613-1902	Российская империя	290	Провозглашена империей в 1721 г. Земли Литовской Руси воссоединены к 1795 г.	22,3	135
1902-1934	Крестьянская революция и гражданская война	32	Война с Японией 1904-5, Первая мировая 1914-18, Объявлена республикой в 1917 г. В 1918 г.		

			<i>образовано до 60 правительств. Гражданская война 1918-22 гг.</i>		
1934-1989	Государство Российское (СССР)	55	Власть в виде диктатуры коммунистической партии. Вторая мировая война 1939-45, Холодная война 1946-89 гг.	22,4	290
1989-	<i>Мещанская революция и сецессионный распад</i>	?	<i>На территории государства возникло до 20 сепаратных государственных образований</i>		

Данная схема приведена здесь лишь для того, чтобы показать целостность русской государственной истории, какие бы метаморфозы с государством ни происходили и как бы оно официально ни называлось. И вместе с тем повторяющиеся циклы русского прошлого. На протяжении тринадцати веков оно претерпело пять периодов *мученичества* и столько же эпох *могущества*. При этом каждый исторический этап являл миру русскую державу гораздо более мощную и развитую,

нежели та, которая ей предшествовала. И поэтому в русской государственной истории, включая ее императорский период, нет никакого «повторения» истории Восточно-Римского государства (Византийской империи), как это заявлено в Манифесте. Речь должна идти о другом – об использовании в борьбе против самого существования Российского государства методов, которые применялись против Византии, чтобы ее остановить, разложить и уничтожить. Вряд ли авторы Манифеста не знали этого – после того как был создан и показан блестящий и глубокий фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок», премьера которого состоялась на государственном телеканале 30 января 2008 года.

Конечно, природа кризисов российской государственности – еще недостаточно изученное явление. И вместе с тем совершенно очевидно, что их происхождение никогда не было связано с социально-экономическим упадком, военным поражением или каким бы то ни было иным «надрывом». Скорее их надо искать в цивилизационных особенностях: природы, климата и почвы, в способе производства, в географическом положении, словом, в обстоятельствах, которые веками остаются неизменными, и в особенностях государственного управления, которое не успевало за развитием. И поэтому кризисы в Государстве Российском всегда, в конечном сче-

те, сводилась к кризису власти и управления, будь то эпоха «древностей», средневековья, просвещенного абсолютизма или «диктатуры пролетариата».

Русское государство

В Манифесте русская история изображена рядом гнетущих превращений. «Святая Русь», «Московское Царство», «Великая Россия», «Российская империя», «Советский Союз», и «Российская Федерация». Каждая последующая стадия представлена здесь как отрицание предыдущей. И каждая последующая выступает как деградация предшествующей. Если верить Манифесту, каждый шаг в развитии России был движением в сторону ее разложения и гибели. Конечно, разве может быть иначе, если в начале пути была явлена миру «Святая Русь», а теперь на ее могиле корчится какая-то «Российская Федерация» - обрубков Великой России, от которой отрезали 25% территории и изъяли 49% населения!

Если бы описанная картина соответствовала действительности, то историческое государство, подвергшись такой ампутации, должно было бы погибнуть, чему есть множество примеров. Но в отношении России это не так. В политологии и историософии, чтобы не попасть впросак, следует различать форму и содержание, название и сущность. Названия, которые использует Манифест для определения сущности Государства Российского – одни

только метафоры и гиперболы, уместные в проповедях, публицистике, политической полемике. Однако им нет места в идеологии, как бы ни нравились нам некоторые из названий сами по себе.

В том-то и дело, что ни один период в истории Государства Российского не был отрицанием предыдущего, а являлся его закономерным и неизбежным продолжением. История России, какой бы её этап ни взять, не результат деятельности троечников и не продукт жизнедеятельности народа-неудачника, что между строк читается в Манифесте. С чем, однако, можно и нужно согласиться, так это с тем, что каждый период русского могущества завершался периодом русского мученичества, что вызывалось *исчерпанием* положительного потенциала развития, которыми обладали идеология и власть. Потому что вначале было Слово, потому что идеи правят миром, потому что сознание определяет бытие.

Что касается *святости*, то это качество является отнюдь не принадлежностью только раннего Средневековья, оставшегося в прошлом, которое в нашей исторической науке получило название «русской древности». Святость есть метафизический идеал, к которому русское самосознание стремится в духовной жизни, с тех пор как Русь обрела православную веру. Святая Русь - не название государства, как предполагает Манифест, а название русского народа, признающего смысл и ра-

дость жизни в приобщении Богу, его духовная субстанция, духовная сущность, духовная реальность. Русское сознание, русское мироощущение. Относить же термин *святая* к государству совершенно чуждо православию. Это свойственно католицизму и является одним из его догматов, а также североамериканскому протестантизму, что является его самонадеянной ересью.

Исчезновение Великой России, возникновение и существование почти 70 лет Советского Союза и появление Российской Федерации – для Манифеста очевидные, бесспорные истины. Конечно, кто же может сомневаться, если об этом печатали газеты, читали радиодикторы и сообщали телеведущие – дельфийские оракулы XX столетия? Могут сказать – таковы факты, и им нечего противопоставить. Однако в данном случае перед нами пропаганда, а не факты, идеологические схемы, а не происшедшие события, данный нам в ощущении продукт полиграфии, а не действительности.

Мы видим, что Солнце вращается вокруг Земли, но точно знаем, что это оптический обман. Так и в случае с Советским Союзом. Консерваторы (разумеется, не все) в отличие от коммунистов или либералов, видят здесь не новое государство, возникшее на месте и вместо России, а всего лишь новое название Российского Государства, придуманное в 1922 году для него коммунистическим режимом. Переименования - «рассудку вопреки,

наперекор стихиям» - были коньком коммунистов, захвативших власть в результате победы в гражданской войне. Эта забава касалась всего – городов, деревень, рек, улиц, гор, народов²⁴, учреждений, предприятий, территорий. И конечно – государства. В чём дело? В фанатичной русофобии русских коммунистов. Уникальный случай, поскольку ни одна компартия, кроме русской, не была враждебна собственному народу или государству.

Конечно, смутное время 1902-1934 годов многое изменило в стране – социальные отношения, экономический уклад, политический режим, административно-территориальное устройство, официальную идеологию – кто бы спорил. Ведь в России произошла настоящая революция. Она сокрушила монархию, упразднила сословия, отменила право частной собственности, подвергла гонениям религию и Церковь, но осталось незыблемым само государство, держава. Его не постигла ни судьба Австро-Венгрии, распавшейся на мелкие этнические государства, ни Византии, оккупированной пришельцами. Другое дело – учреждение коммунистическим режимом внутри Государства российского этнополитических образований в форме «союзных» и «автономных» *республик* и областей, наделение народов и народностей правами

²⁴ Зыряне были переименованы в коми, черемисы в марийцев, вотяки в мордву и удмуртов, киргиз-кайсаки в казахов.

наций, пропаганда их права на самоопределение, что стало нормой конституции СССР, насильственная конфедерализация страны, которыми были переполнены правовая система, всевозможные формы унижения и дискриминации русских в различных сферах повседневной жизни, статистическое и юридическое разделение русских на три народа, что противоречит этнографии, насаждение шовинизма и презрения к русским в сознание малых народов России²⁵. Факты сами по себе столь вопиющие, что, даже при диктаторских и деспотических способах правления, режим рухнул без единого выстрела, просуществовав, правда, 67 лет, да и то лишь потому, что его сохранения требовала постоянная военная угроза.

Оценивая события 20-летней давности, авторы Манифеста, словно послушные регистраторы или продажные нотариусы, легитимизируют все тогда объявленное – кончину СССР,

²⁵ За 30 лет перед крахом коммунистического режима число русских в Грузии уменьшилось на 16,4 %, в Азербайджане - на 21,7 %, в Армении - на 26,7 %. Абсолютное уменьшение численности русских в 70-80-е гг. началось также в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане. (Данные по Я.А. Бутакову). При этом за 1979 – 1988 гг. численность молдаван РСФСР увеличилась на 69%, грузин и армян на 46%, азербайджанцев в 2,2 раза, узбеков и туркмен в 1,8 раза, киргизов в 2,9 раза, таджиков в 2,1 раза. При этом численность великорусов в Средней Азии снизилась до 13%. В 1897 году в Туркестане русских было 8,9% (690 тыс.).

рождение Российской Федерации, ее «новые государственные границы», ее гражданство. И превращение 20 миллионов «соотечественников» (на самом деле этнических великорусов, проживавших в границах государства, но вне так называемой РСФСР) «заграничными эмигрантами». При этом подчеркнуто, что федерация не продолжает российскую государственность, а лишь наследует кое-что от умершего СССР. Отказ от континуитета, даже символически, – акт беспрецедентный, и уж конечно ничего общего с консерватизмом не имеющий. Признание же государства «Российская Федерация» со стороны Манифеста является не консерватизмом, а ельцинизмом, что разоблачает его авторов в попытке идеологического подлога, не оставляя от их мнимого консерватизма даже следа. Совершенно прав актер Н. Бурляев, уравнивший Манифест и солженицынский трактат «Как нам обустроить Россию», изданный в 1990 г.. Но вовсе не потому, что они так хороши, как кажется Бурляеву, а наоборот – из-за наличия в них огромной антирусской разрушительной силы, если их идеи привести в действие.

Природа всех возникших в 1989-1991 годах в Государстве Российском правительств или режимов, заявивших о своем суверенитете, включая и «Российскую Федерацию», поделивших между собой государственную территорию по ее внутренним административным линиям, но не тождественных государствам,

коренится в беловежском заговоре и пропитана государственной изменой тогдашних коммунистических правителей.

Коммунисты и либералы выдают этот заговор за геополитическую или демократическую революцию, которую следует считать законченной. Но с подобной идеологией вряд ли могут согласиться русские консерваторы, для которых единство и неделимость российской государственности и неприкосновенность внешних границ являются абсолютными, нерушимыми принципами.

Отнюдь не прославляя революции, консерваторы видят в них не только окаянство, но и энергию созидания: даже в катастрофе 1917 года - выдающуюся победу 1945 и ракетно-космический прорыв 1961. Стало быть, революция или *мученичество*, начавшееся в 1989 году, с консервативно-русской точки зрения, отнюдь не завершилось. Оно продолжается и его результаты, как это бывало в прошлом не раз и не два, возможно, будут поразительными.

Русская нация и национализм

Изложение мыслей по национальному вопросу в Манифесте начинается бодро: «мы осознаем себя русскими, а не немцами, французами или англичанами, прежде всего благодаря нашему прошлому». Замечательно, но больше слово русский не употребляется в документе в качестве существительного. Дальше авторы не оставляют от прошлого камня

на камне. Русское в этом документе исчезает без следа и заменяется «российским».

Именно «российским», потому что только это слово, извлеченное Боннер и Бурбулисом из архаической лексики XVIII века, используется по всему тексту Манифеста: «российское право», «российский опыт парламентской практики и партийного строительства», «российский консерватизм», «российская культура», «российское бытие», «российская семья», «российское общество», «российские общины», «российский гражданин», «российский суд», «российская власть», «российское правосознание», «российский народ», «российский рынок», «российские производства», «российская налоговая система», «российские консерваторы», «российская история». «Просвещенный консерватизм» здесь сливается с риторикой сатирических образов драматурга Островского, которые могли изъяснять свои ретроградные трактаты лишь стилем Тредьяковского, Сумарокова и графа Хвостова.

Нация, - делает открытие Манифест, - есть «духовно-материальное единство всех граждан России, культурно-языковая общность народов, проживающих на ее территории». Иначе говоря, «просвещенным консерваторм» может быть только тот, кто отрекается от тысячелетней русской истории и от традиционной русской государственности. По крайней мере, 30-40 миллионов великорусов и до 50 миллионов малорусов и белорусов не

имеют, оказывается, к русской нации никакого отношения, поскольку они не являются гражданами РФ, и их место жительства находится за ее официальными границами! Нация в таком случае оказывается величиной формально-юридической, а не культурно-языковой, духовно-материальной и историко-политической. И если, к примеру, Тургенев и Гоголь, да тот же Иван Ильин, цитируемый в Манифесте, годами и десятилетиями «проживали» вне России, то им должно – по правилам «просвещенного консерватизма» – указать на дверь, отказав в праве принадлежать к русской нации (то есть, конечно же, российской).

Русская нация в Манифесте не есть нечто цельное и целостное, а всего лишь «тысячелетний союз многочисленных народов и племен», сложившийся «по Божьей Воле». Весьма сомнительное и исторически несостоятельное определение. Из русской нации, стало быть, надо исключить те «народы и племена», которые стали частью русской нации не 1000 лет тому назад, а позже, например, якуты или буряты, что произошло всего лишь 400 лет тому назад, или племена Приморья, которые оказались частью русской нации лишь 150 лет тому назад. Забудем о Прибалтике, Закавказье, Семиречье, Средней Азии, горских племенах Северного Кавказа, Бухаре и Хиве, Галиции, Буковине и Подкарпатской Руси. Они были присоединены или вошли в состав Российского Государства 190, 180, 150, 145, 90, 70 и 63 года тому назад²⁶.

²⁶ В учебнике истории для 9 класса, издаваемо-

С необыкновенной легкостью «просвещенные консерваторы» вычитают из русской политической нации до 100 этносов, а заодно и почти 6 миллионов квадратных километров суши, принадлежащих России, освоенных и застроенных русским трудом, политых русским потом, просвещенных (на деле, а не на словах!) русским интеллектом, защищенных русской кровью.

Строго говоря, суждения Манифеста о нации (о русской нации) нельзя воспринимать всерьез. Это не более чем неловкая попытка найти оправдания деяниям «беловежских заговорщиков» и их единомышленников, реабилитировать бессмысленные измышления о многонациональности и многоконфессиональности и «Российской Федерации» и ее отдельных административных регионов, что содержат все конституции и уставы, на которые пытается опираться русофобская политика правящей бюрократии, ничем не отличающаяся от марксистско-ленинской национальной доктрины.

Национальный вопрос уместился в Манифесте в 18 строк и свелся к десятку вредных и опасных глупостей. Манифест наделил каждый этнос особенным «национальным чувством». Заявил, что в России есть «множество го антирусским режимом сецессионистов в Ташкенте, возглавляемым некогда членом ЦК КПСС Керимовым, в адрес России 292 раза употребляются такие эпитеты, как — «русские захватчики», «русские колонизаторы» и «русские шпионы». (С. Чернявский, портал МГИМО. 2.01.10).

народных культур», которые тут же произвел в «национальные». Провозгласил, что все они «равномощны». Что ни одна из них не выше и не ниже другой. Заявил, что «каждый народ живет по-своему», что у каждого народа «своя судьба», своя «национальная гордость», свой национализм – разумеется, полиэтнический, поликультурный, свободный, творческий и в настоящем смысле слова созидательный – не чета русскому, поставленному в ряд с «националистическим экстремизмом», «истерикой национальной исключительности» и «крикливым шовинизмом». Ну, разумеется, если русский – то обязательно шовинист, экстремист, «квасной патриот», хорошо что не фашист!

Повторяя зады невежественной либеральной политологии, продолжающей отождествлять этносы и нации, Манифест противопоставляет государство-империю государству-нации. «Россия — континентальная Империя, а не национальное государство»²⁷.

Словом, от русской нации, как и от русской культуры на этой славной картине не осталось ничего определённого. И расправившись с нацией как таковой, Манифест заявил, что

²⁷ Перспектива русского национального (но не русского этнического) государства страшит правящую компрадорскую бюрократию гораздо сильнее, чем перспектива реконструкции Российской империи, тем более что еще в 2003 году А.Б. Чубайс предрек ее появление в границах РФ в виде «либеральной империи» в лекции, прочитанной в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете (НГ от 1.10.03).

именно национализм множества народов «создавал в мировой истории великие империи с позитивной миссией, которые были свойственны византийской, англосаксонской и российской государственности». Остается только, облачившись в скорбные одежды, возложить венки на их могилы – от имени не только «просвещенного национализма», но также его антиподов – либерализма и коммунизма. Ведь Манифест получил одобрение Чубайса, Зюганова и Проханова. Последний, пребывая, видимо, в очередном экстазе, даже произнес, что рукой Михалкова, когда он создавал манифест, водил сам Господь Бог или небесный ангел.

Между тем народ и нация – явления одного порядка, поскольку они социумы. И все же отождествлять их нельзя. Если *народ* – это устойчивая этносоциальная группа, возникшая в результате естественноисторического развития, сложившаяся на основе *племенного родства, общего языка и общности территории обитания*, то *нация* – это устойчивая этносоциальная, культурно-историческая и духовная общность, которая сложилась в процессе формирования *современной великой державы и укоренения высокоразвитой экономики и культуры*.

Обычно нация формируется вокруг народа или группы родственных народов, несущих на себе основную нагрузку государственного строительства и создания единого хозяйственно-экономического и культурного

мира, в данном случае русского мира. Исходя из этого, ядром русской нации, которая находится в настоящее время в фазе становления, является русский народ. Русская нация при этом включает в свой состав многочисленные народы, тесно связанные с русской культурной, духовной, экономической и государственной традицией, русским же является народ, состоящий из великорусов, малороссов и белорусов, сообща сформировавших экономические, хозяйственные, общественные, культурные, духовные и государственные традиции России.

Как показывает опыт, становление, формирование, создание нации – сложный, длительный и противоречивый процесс. В Государстве Российском его начальная фаза может быть отнесена к последней трети XIX века. Но становление нации было прервано событиями русской революции 1902-1934 годов. Хотя эта революция была по своей сущности крестьянской, после её завершения власть в стране оказалась в руках коммунистов-русофобов. Процесс национального строительства возобновился только накануне и во время Второй мировой войны. Но затем он вновь надолго был прерван, чтобы осуществляться в скрытой, замедленной форме, что было обусловлено антирусской политикой правившего режима²⁸. И поэтому не приходится удивляться

²⁸ О дискриминационной политике коммунистического режима в отношении русского населения говорят данные об изменении этнического состава

тому, что эта политика дала свои негативные плоды – в виде этнической, а не национальной интеллигенции, этницизма, этношовинизма, этносепаратизма, сесссионизма, наконец русофобии и ксенофобии, поразивших значительные группы многих этносов Русского мира. Например, далеко не всякий якут, латыш, грузин или таджик стали русскими якутами, русскими латышами, русскими грузинами или русскими таджиками. И, возможно, даже меньшинство в этих этносах стали к настоящему времени русскими – освоили русский язык, русские культурные ценности, признали Россию своим государством, а не инородным надсмотрщиком²⁹. В этом смысле у каждого из коренных народов Государства Российского имеется возможность влиться в единую русскую нацию, но далеко не каждый такой возможностью воспользовался. Даже не все современные русские по крови принадле-

ва Российского государства. В 1939 г. совокупная численность туземного населения Восточного Туркестана (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения) составляла 10,5 млн., в 1950 г. — 10,6 млн., к 1990 г. она увеличилась до 33,6 млн. (в 3,2 раза).

²⁹ Согласно переписи населения 1989 г., то есть через более чем 100 лет после присоединения Средней Азии к России, русским языком в этом крае владели 23,3% узбеков, 27,7% таджиков, 35,1% киргизов, 27,6% туркмен, 20,2% каракалпаков. В период коммунистического правления, в сущности, русификация Туркестана была под запретом.

жат русской нации. Но такова естественная проблема, возникающая при становлении любой нации, а отнюдь не непреодолимое препятствие, которое может его остановить. Если бы Бургундия, к примеру, отстояла свою независимость от агрессии Франции в XV веке, то в учебниках можно было бы прочесть, что свободолюбивые бургундцы в союзе с фламандцами, фризами и лотарингцами отразили интернациональную агрессию французов, бретонцев, провансальцев и аквитанов. В конце XVIII столетия «французская республика, единая и неделимая» стоила Франции Вандейской войны, потому что бретонцы не признавали себя французами. Но где теперь все эти казавшиеся неразрешимыми проблемы? Терпение и время – вот что требуется для создания нации, когда этого хочет Бог.

В консервативной идеологии национализм – это самосознание, самопознание, самоощущение нации, её позитивное отношение к самой себе. Если в национальном сознании отсутствует или ослабляется чувство национализма, нации не избежать разложения и гибели в качестве политического субъекта. Политические направления, отрицающие национализм, являются в России по этой причине самыми опасными врагами её государственной целостности и национального единства. Национализм несовместим с космополитизмом, отрицающим патриотизм, и с интернационализмом, не признающим национализм. Вот

лишь некоторые определения национализма, принадлежащие иностранным авторам:

«Национализм создаёт нации, не существует без государства и является политическим принципом. Национализм – это, прежде всего, политический принцип, согласно которому политические и национальные единицы должны совпадать» Э. Геллнер (Gellner E., Nations and nationalism, Cornell University Press, 1983).

«Национализм – это мировоззрение, в котором абсолютный приоритет отдается ценностям нации над всеми иными ценностями и интересами» М. Хрох (Хрох М., От национальных движений к сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и Национализм, Москва, 1991).

Национализм – преданность своему народу, защита национального единства или независимости (Вебстеровский словарь для всеобщей декларации Прав человека, США, 1987)

Национализм – всеобщая приверженность и верность своей нации. (Kodansha encyclopedia of Japan, Tokyo, 1983, vol. 5, p. 342)

Национализм – это верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых интересов (The new

encyclopedia Britanica, Chicago, London, 15 th. Edition, vol. 8)

Национализм объединяет народ, который обладает общими культурными, языковыми, расовыми, историческими или географическими чертами или опытом и который обеспечивает верность этой политической общности (Американский политический словарь)

Национализм – 1. патриотические чувства, действия (усилия) и принципы; 2. движение за политическую, экономическую и т.д. независимость от внешнего контроля со стороны других государств (Оксфордский словарь).

Русский консерватизм имеет своим мировоззренческим фундаментом национализм, который для русских как народа и русских как нации является естественным самоопределением. Великие русские люди, составившие славу России, смело именовали себя националистами и декларировали лозунги национального возрождения:

«Национализм во мне столь естественный, что никогда никаким интернационалистом меня из него не вытравить». (Д.И. Менделеев)

«Национализм - это проявление уважения, любви и преданности, преданности до самопожертвования в настоящем, по-

чтения и преклонения перед прошлым и желание благоденствия, славы и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит. (П.И. Ковалевский)

«Национализм, мне кажется, есть народная искренность, в отличие от притворства партий и всякого их кривляния и подражания. Коренному русскому племени вовсе не все равно, остаться ли наверху или очутиться внизу». (М.О. Меньшиков)

«Национализм есть духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету. Национализм проявляется прежде всего в инстинкте национального самосохранения, и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмыслить его перед лицом Божьим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления». (И.А. Ильин).

Идеальное просвещенное будущее

Отношение Манифеста к революциям парадоксально. Принимая без возражения все последствия «геополитической революции», свершившейся в России, Манифест, тем не менее, видит в революциях «кровавый бунт и тотальное насилие, ползучее государственное разложение, хронические общественные

болезни и духовное обнищание человека». Поэтому «большинство россиян», видимо не разложившихся, не больных и обнищавших, в послереволюционной действительности кое-что не устраивает, например, новый общественный строй, общественные отношения и отношение в обществе к армии. Заметим, что здесь перечислена вся совокупность человеческих отношений, кроме интимных, разумеется. Итак:

«Современный общественный строй представляет собой гремучую смесь из догоняющей Запад либеральной модернизации, произвола «местных начальников» и всепроникающей коррупции».

«За «парадом» экономических реформ и «фасадом» либеральных институтов по-прежнему скрываются традиционные, архаичные общественные отношения».

«За перестроечное десятилетие военная профессия усилиями псевдодемократов стала считаться в обществе чуть ли не презренной, а солдаты и офицеры заняли в обществе положение изгоев и париев. С этим пора кончать!».

Институтом, различные учреждения которого могут и обязаны заниматься развитием и исправлением недостатков, является государство. Но в Манифесте речь идет не о русском национальном государстве, которое во-

обще отрицается как таковое. Выход видится в создании «гарантийного государства или государства с положительной миссией», «при которой дух гражданской корпорации насытил бы форму государственного учреждения».

«Гарантийное государство, - утверждает Манифест - это новый государственно-общественный тип организации власти. В нем государственный аппарат, гражданское общество и граждане действуют солидарно с целью достижения единых общенациональных целей. Государство, гражданское общество и личность несут при этом в гарантийном государстве субсидиарную ответственность».

Таким образом, как только дело касается идеального государства, с «просвещенными консерваторами» происходит еще раз все та же идеологическая мутация, реакция замещения. Они становятся либералами, возможно тоже «просвещенными», в отличие от либералов-западников, либералов-модернизаторов и либералов-коррупционеров. Но это не делает их лучше. В либеральном сознании, как и в коммунистическом, государством называется не держава и не политически организованная нация или народ, а организованная политическая власть или, по марксизму, аппарат насилия и принуждения. Собственно, «гаран-

тийное государство» и названо учреждением, управляемым «просвещенными государственными бюрократами», осуществляющими «либеральные реформы», от которого отделено так называемое гражданское общество - «неправительственные организации, партии, общества, союзы, предприятия, университеты, города».

Следовательно, речь идет не об историческом государстве, не о державе, в основе существования которой неколебимые традиции, а о форме государственности, созданной на основе гражданско-правовых договоров, в которой по обязательствам одного участника сделки должны отвечать другие его участники, что выгодно одному только неназванному и неведомому «кредитору» или «арбитру».. Нечего сказать – «просвещенный консерватизм» с душком Шейлока!

Политика, согласно Манифесту, не должна являться общим делом граждан. Это привилегия одних только «лучших людей страны», «политической гвардии»: «политикой могут и должны заниматься ... честные, порядочные и образованные граждане, ставящие интересы общества и государства выше личной выгоды и корысти». Кто станет отбирать для политической деятельности таких особенных граждан? Вопрос излишен. Конечно - «просвещенные государственные бюрократы» во главе с «лидером страны, который должен быть и «высшей властью».

«Мы считаем, что верховную власть в России следует мыслить как единую и единственную, правовую и правдивую власть. Прототип такой власти исторически нам близок и понятен. В настоящее время он конституционно закреплен и представлен в должности Президента России».

В отличие от подлинного консерватизма, считающего т.н. всенародные референдумы насмешкой над народовластием и способом циничного манипулирования настроениями невежественных и дезориентированных масс, «просвещенный консерватизм», подыгрывая правящей бюрократии, требует возврата к таким референдумам, да еще с правомочием обретения «прямой конституционной силы». Во что эти плебисциты могут превратиться и чем заканчиваться – хорошо известно по референдумам 1990-1993 годов, ввергших Россию в состояние разложения и хаоса и отдавших ее на разграбление своре алчного чиновничества и шайкам проходимцев под водительством олигархов, назначенных той же властью.

Из текста Манифеста мы так и не узнаем, чем «гарантийное государство» как орган политической власти, построенный по другой, некой будущей конституции, к принятию которой призывает Манифест³⁰, будет отличать-

³⁰ В русской государственной традиции не существует правового акта типа европейской консти-

ся от «демократического, правового и социального государства», которое ныне существует как форма политической власти согласно конституции 1993 года.

Манифест суров к «лучшим людям страны», отобранным главой государства, которого, в свою очередь, в соответствии с Конституцией 1993 года, избрал народ.

Именно эти люди открывали сборочные заводы вместо строительства производственных, «осваивали зады индустриального мира», забрались «на сырьевую иглу», «тупо торговали невозполнимыми природными ресурсами», «проедали национальное достояние» и «жили займы», умея только эффективно разрушать, грабить и расточать, убедив при этом всех в разумности «психологии аутсайдеров».

Но при этом Манифест дышит неподдельным оптимизмом: стоит только принять иную конституцию, нынешнюю администрацию переименовать в «гарантийное государство», преобразовать в «высший экспертный совет ныне существующую Общественную палату (почему-то переполненную, кстати говоря, русофобствующими шантажистами, тунеядцами, провокаторами и попрошайками) и отменить право жителей городов федерального

туции. Русская традиция – систематизация права в виде уложения и свода законов. Конституцию впервые в России издали во время гражданской войны в 1918 году большевики, считавшие, что они создадут новое, «советское» государство вместо российского.

значения (то есть Москвы и Санкт-Петербурга) избирать мэров, как все переменится. У нас «порядок на диво расцветёт».

Авторы Манифеста верят, что «гарантированная» бюрократия, «просвещенная» консерватизмом, будет обладать какими-то сверхъестественными способностями. Она будет «гибко сочетать традиционные и новые подходы при разработке стратегии и тактики развития страны», «искать и находить меры «везде и во всем», «взвешенно и ответственно подходить к политическому, экономическому и правовому строительству России», «мудро и осмотрительно вести внешнюю политику», «реально заботиться о нуждах и заботах конкретного человека». И «модернизация экономики» вкупе с «рыночными преобразованиями» обязательно обернутся кисельными берегами с молочными реками.

Конечно, здесь придется кое-чем пожертвовать. Народные массы, - диктует Манифест неперемное условие беззаботной жизни, - обязаны быть послушными как овечки в стаде - демонстрировать «лояльность к власти, умение достойно подчиняться авторитетной силе» и при этом как огня страшиться «радикализма, односторонности и чрезмерности обобщений», не доверяя «уровню жесткому централизованному планированию».

Государство определяется в нём набором метафор — как «культура в форме служения Отечеству», как «духовное единство народов и

граждан, сознающих и признающих братскую солидарность, охраняющих и поддерживающих ее любовью и жертвенным служением», как «волевая сила, которая может и должна регламентировать действия граждан и неправительственных организаций, устранять общественный и индивидуальный произвол, бороться с терроризмом и препятствовать развитию национальной розни». Политика — это «воля к власти. Искусство брать, удерживать и главное передавать власть. Это способность и умение политического движения и партии готовить и выдвигать лидера, способного стать не только главой государства, но и лидером нации». И армия - это культура в форме службы Отечеству. Но тогда при чем здесь «гарантированное государство»? Оно никому ничего не гарантирует. И все отношения построены не на служении и службе, а на гражданско-правовой сделке, которую стороны – «свободные индивиды» – могут расторгнуть в любой момент. Служба Отечеству здесь не гражданский долг, а трудовой договор, контракт, выгодное соглашение. Идеал такого защитника - не страж государства, как думал Пётр I, а наёмник г-на Сердюкова.

Взрывное устройство, как всегда бывает в подобных трудах, размещено в его глубине, но стоит его привести в действие, и Российская Федерация рассыплется в прах. Авторы требуют упразднить Конституцию 1993 года, но вовсе не для того, чтобы встать на

путь реставрации традиционной российской государственности: эту часть России они уже видят кучей обломков. Новая Конституция должна, - по мысли «просвещенного консерватора», - исходить из двух начал - Декларации прав человека и Декларации прав народов - то есть предоставить свободу действий множеству этнических и региональных меньшинств. Что должно воспоследовать после появления подобных актов – не тайна за семью печатями. Горбачевский демонтаж всего и вся и ельцинская суверенизация покажутся при использовании такой Декларации безвредной репетицией...

В чем дело? Как доказывает опыт прошлого, - в двойном дне, в двусмысленности подобных документов. Что на самом деле стоит за политикой реализации Декларации прав человека, изобретенной во времена французских жиронодистов и якобинцев – предшественников современных либералов? Свобода-равенство-братство? Ничего подобного. Реализация этих идей оборачивается разложением традиционных обществ, уничтожением семьи, деморализацией личности, превращением искусства в форму бесстыдства, печатного слова – в наглость и краснорайство, возведение безнравственности в повседневную норму. Словом, практически все «права и свободы», перечисленные в этой Декларации, оказались их извращенной противоположностью.

Русская история знает не менее разруши-

тельный акт – Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, написанную большевиками – предшественниками современных коммунистов, отвергнутую Учредительным Собранием, но принятую на III Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 12 (25) января 1918 года. Чего там только нет! Объявление России «республикой Советов», «социализация земли», «власть трудящихся над эксплуататорами», «переход банков в собственность государства», «разрыв тайных договоров» и даже «вооружение трудящихся и разоружение имущих классов». Но не это было главным. Главное в ней было: упразднение 1000-летнего Государства Российского под предлогом учреждения - от имени рабочих, солдат и крестьян – федеративной «Советской Российской Республики», как союза «советских национальных республик» Но в этой части декларация была даже не учредительным установлением, а выражением всего лишь намерения, ибо в ней содержалось обращение к рабочим и крестьянам каждой нации России «принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать» в объявленной федерации. Следовательно, под видом наделения «трудящегося и эксплуатируемого народа» некими правами провоцировалось разрушение России, так как в то время нациями называли разные народы или этносы, которых в России

было более 100. Гражданская война нарушила отчасти эти планы и процесс распада страны на «национальные республики» произошел не в 1918 году, а через 70 лет, потому что все разрушительные идеи этой декларации культивировались коммунистической властью все эти годы с маниакальным постоянством.

Теперь, когда Россия потеряла, как утверждается в Манифесте, 25% территории и 49% населения, - между прочим, благодаря еще одной декларации – о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 года - автор (или авторы) Манифеста, наряду с требованием отменить конституцию 1993 года, требуют также еще одной декларации - «декларации прав народов». Не приходится сомневаться в том, что на самом деле будет скрывать эта еще не опубликованная декларация, текст которой, надо полагать, уже находится в сейфе Кремля или «дома правительства». Речь идет, конечно, не о мультикультурализме, собрании архаичных фольклоров, разлагающих культуру, прославляемых в манифесте вместо русской культуры. Подразумевается возведение в закон пресловутого права каждого этноса на самоопределение вплоть до отделения, балканизация Российской Федерации, фактически превращающая ее в конфедеративное, обреченное на дальнейший распад образование - наподобие того, что планировал Горбачев в 1991 году, и что уже апробировано и реализовано во внутренних «национальных

республиках», особенно в «чеченской». Реализация декларации прав народов окажется, таким образом, воплощением слов Путина в бытность его президентом: «кругом Чечня», но на этот раз с противоположным, безусловно положительным знаком.

Здесь надо остановиться и дать возможность читателям, если они сочтут нужным, самим ознакомиться с иными страницами трактата, в которых теоретическая часть разворачивается в перечень конкретных практических предложений, которые непременно будут осуществлены во что бы то ни стало, как это сделал, например, Ельцин, когда его избрали президентом: стоит лишь «свободным творческим личностям» монополизировать власть и принять идеологию Манифеста на вооружение.

Итак, вывод, который можно сделать, неутешителен. *Манифестируемый «просвещенный консерватизм» – подделка, пародия, некондиционный продукт*, все что угодно, но только не консерватизм, от которого в тексте трактата кое-где остались двусмысленные фразы, на консерватизм всего лишь похожие, и цитаты из русских мыслителей, вырванные из контекста³¹.

³¹ Консервативный манифест далеко не единственный пример исторической фальсификации.

Манифест скроен из суррогатов, мистификаций, фальши. Симфония государства и церкви подменена в нём «симфонией государства и гражданского общества», целостная взаимосвязь личности, нации и государства подменена их договорным «союзом», органическое единство национального хозяйства заменено «гармонией труда, земли и капитала», а единство нации – равномошностями «прав и свобод народов» и «прав и свобод человека».

Этот консерватизм оказывается псевдоконсервативной лексической упаковкой либеральных идей и доктрин, сводится к прославлению внешней и внутренней свободы индивидов – «свободных людей». «Вера, любовь, дружба, семья, воспитание детей, частная собственность образуют «магическое кольцо свободы», куда человек волен допускать или не допускать окружающих его посторонних людей». Национальным идеалом в Манифесте названо единство внешней и внутренней свободы индивидов, которая, якобы, и должна стать «основой политической мощи, экономического процветания России и роста личного благополучия российских граждан».

Можно вспомнить так называемых евразийцев, изображавших в своих произведениях современное Российское государство продолжением не средневековой Киевской Руси, а монгольской империи, созданной в правление Чингисхана. (Н.С. Трубецкой). Но их оправдывает хотя бы то, что они это делали по личной инициативе и за свой счёт.

Консерватизм по Михалкову – это мультикультурализм, знакомый по его разлагающим последствиям, уже давшим свои гнилые плоды в континентальной Европе, в США и в Австралии. Под таким текстом с удовольствием подпишутся все доморощенные либеральные пророки – от Найшуля до Чубайса и от Суркова до пропагандистов с «Эхо Москвы». И много кто еще, обретший в последние два десятка лет тихую персональную заводу на Багамах, на Ривьере, в Майями и, конечно, в Лондоне.

Появление Манифеста – символический акт. До сих пор бюрократия и олигархия уничтожали Россию под лозунгами *«просвещенного либерализма»*, теперь продолжение всё того же ликвидационного процесса должен санкционировать *«просвещенный консерватизм»*. Властвующая бюрократия состоит не только из алчных и самодовольных «свободных людей», проводящих жизнь на мировых курортах, но также из проницательных, дальновидных администраторов. Им давно стало ясно, что либеральная демагогия, морочившая головы толпе в конце 80-х и в 90-е годы, теперь только раздражает. Пришла пора сменить пластинку. Ее изготовили, и г. Михалков поставил на ней свою подпись.

Следующий философический трактат того же автора (авторов), который можно ожидать лет через пять-семь, когда от Российской Федерации по предначертаниям Манифеста останется что-то вроде Московского протекто-

рата, скорее всего, должен начаться с цитаты из графа Бенкендорфа: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Эта фраза довольно известна. Менее известно еще одно суждение уже не боевого генерала, но царедворца: «одна лишь служба, и служба долговременная, дает нам право и возможность судить о делах государственных. Опасно для правительства, чтобы подданные рассуждали о них». Ее конечно можно не приводить. А чтобы закончить сей трактат на той же ноте, вряд ли можно найти лучше цитаты из предисловия к «Духу законов» Монтескье: «я возношу небу благодарение за то, что оно дало мне родиться при том правительстве, при котором я живу, и пожелало, чтобы я повиновался тем, к кому оно возбудило во мне любовь». Но если Монтескье написал это, желая отвратить цензурную подозрительность или произвол тогдашней власти, то грядущий новейший «просвещенный Манифест» будет, как и разобранный выше, подобострастно искренен.

2. Где Россия - там русские, где русские – там Россия

По книге С.Д. Баранова, Д.В. Конова «Русская нация. Современный портрет», М. 2009, с. 536

Описанием и изучением племен, народностей и народов мир занимается несколько тысяч лет. С древнейших времён до наших дней. Трудов на этот счет накопилось великое множество. Ими переполнены все библиотеки. Путешественники, администраторы, купцы, военачальники, мыслители, философы, публицисты, художники, даже литераторы – всем было интересно разобраться: кто есть кто. Первоисточник по древней Руси – Повесть временных лет – уже знает множество народов и племен и это значит, что уже тогда понимали, чем одно из них отличается от другого.

Взять, к примеру, европейских классиков Бальзака или Стендаля. Каждое их произведение – это тонкое, подробное, даже дотошное описание французов или итальянцев. Чем парижане отличаются от провинциалов, торговцы от аристократии, бретонцы от гасконцев. Русская художественная литература – тоже воплощенная социология, этнография и этнология. От Ломоносова, Радищева и Пушкина до Куприна, Горького и Шолохова.

Казалось бы, в наши дни в познании жизни народов мира не осталось темных или белых

пятен. Все известно, подсчитано, классифицировано и описано. Но нет! Этногенез хотя и снизил темпы, но не закончился. Все течет, и потому познание этнических процессов, осуществляемое разными формами сознания, неостановимо. Этим занимается религия, философия, наука, идеология, искусство, наконец – политика. Причем политические интересы, когда чаще, когда реже, оказывают на результаты изучения сильное давление. Например, пока в России все было относительно спокойно, этнография и статистика считали примерно 70-80 коренных этносов, проживающих в ее пределах. Но стоило русскому миру в конце XX века опять возбудиться, и их число чуть ли не удвоилось. Разумеется, речь идет о политических спекуляциях и научном шарлатанстве, но они доказывают, насколько остр предмет.

Иное дело – нации, совершенно новое явление в человеческой истории, возникшее в XIX – XX веках. Их описание, изучение и осмысление еще только-только начинается. Мы находимся у его истоков. И поэтому нет ничего удивительного в том, что вокруг наций кипят страсти, разгораются теоретические баталии, а политическую практику переполняют непримиримые, острые, кровавые конфликты. Наука спорит, журналистика провоцирует, а политика ошибается.

До сих пор нет ясности в том, где кончается этнос, то есть народ, и начинается нация. Яв-

ляется ли нация совершенно уникальным феноменом или, как полагают многие, лишь новым этапом в развитии народов? Не избежала и Россия этих роковых вопросов. Возникла ли русская нация? Или она уже погибла, если произошел, что тоже оспаривается, развал Российского государства? Была ли советская нация? Существует ли нация россиян? Если вспомнить первую строку текста Конституции РФ 1993 года, из которой следует, что «мы многонациональный народ», то проблемность национального вопроса становится самоочевидной.

Серьезное изучение явления, предмета или процесса начинается там, где возможно сосчитать, и где нет спора о терминах. Но в России с 1917 года в том, что такое нация, никаких споров не существовало. Вопрос был разрешен на самом высоком для того времени уровне.

В брошюре Сталина «Марксизм и национальный вопрос», написанный им в Вене в 1911 году, куда он специально приехал для работы над ней, было дано определение нации - *«исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»*. А в 1929 году, отвечая на вопрос пытливых ученых, Сталин в ответном письме категорически отверг их предложение дополнить характеристику нации наличием

собственной государственности. Казалось бы, вполне приемлемый взгляд на вещи. Но все дело в том, что в Европе начала XX века слово «нация», почерпнутое из латыни, обозначало то, что на древнегреческом называлось «этносом». Это были слова-синонимы. В переводе на русский они значат одно и то же - народ. Однако слово народ в России тогда не было эквивалентом слова нация или этнос. Народом в тогдашней на 90% крестьянской стране было принято называть простонародье, а состоятельные, образованные, высшие классы - обществом. Теперь слову общество придается иной смысл, но становится понятным, почему в сталинской работе появилось слово «нация».

Кроме того, за истекшее столетие изменилось соотношение смысла терминов «этнос» и «нация». Они из синонимов превратились в антонимы, обозначая разные явления.

Что же должны означать эти лингвистические метаморфозы? Непреложный вывод - сталинская работа не имеет отношения к нациям, она посвящена этносам, или *народам* в современном значении этого слова. И второе: теорию наций в России придется разрабатывать с чистого листа и на «национальный вопрос» следует давать другие ответы.

Итак, с точки зрения современной научной лексики Сталин дал в целом правильный ответ на неправильно сформулированный вопрос. В его определении надо заменить всего лишь одно слово - «нацию» на «этнос». И в тео-

ретическом отношении с этносом или народом все будет более или менее ясно.

Зато в полосе теоретического тумана попадает нация. Во-первых, изменение смысла слова «нация» имело свои причины. В мире возникло новое социальное явление, это явление не только не исчезло, но приобрело вполне определенные формы и проявило себя в доминирующем качестве. Следовательно, возникла необходимость дать ему название. Название избрали – «нация», а то, что обычно называли «нацией», стали называть «этносом». Во-вторых, назвать мало, явление еще надо изучить.

Кто начал изучать нации с научной точки зрения? Прежде всего те, кто изучал народы – этнологи, этнографы, демографы, социологи, политологи, психологи и статистики. К ним присоединилось множество других специалистов, которые в области познания наций были настоящими дилетантами. За десятилетия кропотливого энтузиазма они подготовили серьезную исследовательскую почву, главным образом в виде отдельных статей, но и наворотили множество глупостей. В России эти глупости приобрели специфическую форму из-за той путаницы, которая была описана выше. Её, к тому же, многократно усилила публицистика Ленина против национализма, обильно сдобренная русофобией. Но мало кто понял, что во времена Ленина слово «национализм», как и слово «нация», имели отношение к чему угодно, только не к нации. Нациями,

повторим, тогда называли социумы, которые теперь называют этносами, а национализмом, соответственно, этницизм. Тем не менее, лет на 70 суждения «вождя всемирного пролетариата» были возведены в ранг непререкаемых истин, вошли в учебники и стали общим местом в массовом сознании. За это заблуждение Россия расплачивается непомерной ценой, и счёт становится всё больше и больше, потому что хотя отравленную воду ленинизма и вылили из русской колыбели, но рожденный в ней «младенец» успел подрасти.

Итак, что такое этнос или народ, мы знаем. Но как определяется нация? На этот счет пока что нет никакой общепринятой точки зрения. По этому вопросу наука находится в поиске и дает не столько выводы, сколько гипотезы. Или, подбираясь к такому определению, пока что она ограничивается систематизацией признаков. Возможно, ученым не хочется становиться на скользкой лед политизации, от которой трудно избавиться, поскольку предмет исследования буквально пропитан политикой. Однако, более радикально настроены идеологи: жизнь не стоит на месте и политическая практика требует хотя бы какой-то определенности. В отличие от ученых, политик, чтобы не казаться профаном, никогда не может сказать, что он «не знает». И тогда ему на помощь приходит идеология, которая, претендуя на объективность, разрабатывает свою систему доказательств.

Нация, в отличие от этноса или народа,

продукт политической истории, центральное место в которой занимает история государств. Они возникают задолго до того, как образуются этносы и тем более нации. В самом общем виде государства и создают нации, разумеется, не все, а только те, которые принято называть великими мировыми державами. Дания или Португалия, к примеру, существуют как государства многие столетия, никому в голову не придет охота отрицать существования датчан или португальцев как этносов. Но являются ли они нациями, а Дания и Португалия национальными государствами? Вопрос дискуссионный. Если следовать за практикой ООН³², то ответ безусловно положительный. Но всегда ли политика следует за наукой, тем более еще только рождающейся? Люксембург или Сингапур по этой логике тоже населены нациями. Но это не так. В Люксембурге живут немцы, в Сингапуре китайцы, и эти государства – назовём здесь еще Сан-Марино, Лихтенштейн, Науру и т.п. - не более чем прихоть или улыбка истории, исключение из правила.

³² Организация объединенных наций (Charter of the United Nations), насчитывая ныне 192 члена, конечно же, не соответствует своему названию, как в прошлом не соответствовало ему и Лига наций. Членами этих организация являются не нации, а государства, и делегации, работающие в них, состоят из дипломатов, направляемых кабинетами министров соответствующих государств. Если уж требовать от наименований точности, то ООН следовало бы назвать Организацией союзных государств.

Зато они помогают понять, что на самом деле является нацией.

Нация – это этно-социальная, культурно-историческая и духовно-политическая устойчивая многомиллионная общность, сложившаяся в длительном процессе становления и развития великой державы, создания высоко развитого хозяйства и укоренения культуры мирового уровня.

Исходя из этого определения, конечно же, дискуссионного, следует, что наций, в отличие от этносов, немного. Меньше десятка – французская, немецкая, итальянская, британская, испанская, китайская, индийская, североамериканская и русская. Обладания минимальным набором общих признаков, нации практически во всем различны и ни в чем не похожи, подчиняясь в своем развитии собственным уникальным закономерностям. Но для современного человечества им приходится выполнять такую же роль, какую в солнечной системе исполняют планеты, или какую в галактике – солнца. Нации, организованные в великие мировые державы, обеспечивают человеческое развитие и предотвращают превращение жизни на земле в сущий ад. Бывает: они конфликтуют и даже воюют между собой время от времени. Но это ничего не значит. «Им претит статика», когда как движение наций возбуждает тектоническую энергию всемирного созидания, заливая землю солнечным светом.

Один из общих признаков нации – первоначальное этническое ядро, составляющее ее абсолютное или относительное большинство. Обычно в роли такого ядра тот или иной народ оказывается по воле случая, благодаря ряду благоприятных обстоятельств, главным из которых является его энергетика или, по Гумилёву, пассионарность. В России этническим ядром стали великорусы, населявшие северо-восток Русской равнины, политической организацией которых на первоначальном этапе было Владимиро-Суздальское княжество, одно из многих тогда существовавших.

Конечно, нация не возникает из ничего. Являясь относительно новым явлением человеческой истории, она аккумулирует все предшествующие формы человеческой самоорганизации, какими являются народы, общества и государства. Каждая из этих институций обладает характерными признаками, которые в дальнейшем формируют лицо нации, ее неповторимые свойства. Для этноса или народа такими чертами являются человек и язык; для общества – семья и традиция; для государства гражданин (когда-то подданный) и закон. Нация, интегрируя все эти свойства, характеризуется общностью мировоззрения (то есть национализмом) и общей историей и культурой.

Духовное единство немцев произошло раньше единства политического, и поэтому в немецкий национализм, немецкая идеология

и политика выработали принцип – где немцы, там Германия. Реализация этого принципа свелась к её объединению в единый рейх. Иногда это приходилось делать «железом и кровью», иногда – утопая в праздничных цветах. Аналогичные процессы происходили в современной Италии. Ее тоже пришлось объединять – и тоже железом и кровью. Виктору-Эммануилу, Кавуру и Гарибальди. Нация была создателем национального государства. Франция развивалась иначе. Там государственное единство, стимулированное абсолютной монархией, возникло значительно раньше национального. И поэтому принцип французской идеологии и политики был выражен так: где Франция, там французы. Задача, решаемая государственной властью, заключалась в том, чтобы сделать все народы, проживавшие во французском государстве, французами. Железо и кровь применялось и в этом случае Ришильё, Мазарини и французскими революционерами. Здесь государство создавало нацию. Несколько столетий обоим этим принципам приходилось встречаться на поле боя. Если Эльзас и Лотарингия – часть Франции, то их жители – французы. Такова была логика Парижа. Если лотарингцы и эльзасцы – немцы, полагали в Берлине, то Эльзас и Лотарингия – Германия. В итоге, переходя несколько раз из рук в руки, обе эти провинции отошли к Франции, что в последний раз и произошло в 1945 году в результате мировой войны.

История Россия была иной. Государство российское от морей Варяжского (Русского) и Белого до моря Русского (Чёрного) и от Карпат до Волги возникло в незапамятные времена, когда ее коренным населением было множество славянских и отчасти финно-угорских племен. В таком состоянии оно существовало не менее восьми веков. В качестве народа или этноса русские возникли в конце XIV века, овеянного победами в битвах на реке Воже и на Куликовом поле. В дальнейшем на протяжении шести столетий развитие России являлось сочетанием французской и немецкой моделей. На западе, где значительная часть русских оказалась во власти Швеции, Польши, Австрии и Турции, происходила реализация немецкого принципа, на юге и востоке, населенном инославными и инородными народами и племенами, – французского. Таким образом, Государство российское в той же мере создавало русскую нацию, в какой русская нация создавала Государство Российское, и это могло осуществляться благодаря деятельному, последовательному сочетанию двух начал: *Россия там, где русские, и русские там, где Россия.*

Их реализация в политической практике обеспечила, по крайней мере, два фундаментальных результата. С одной стороны, Государство российское в конечном итоге объединяло почти всех русских³³, не допуская их

³³ Вне пределов Государства российского к 1914 году оставались населенные русскими Волинь,

политической разделённости, что происходило после того, как Русь подверглась татаро-монгольскому набегу и на протяжении 250-лет она оказалась в вассальной зависимости от Орды. С другой стороны, русским в целом удалось в результате напряженных усилий достигнуть таких внешних границ, которые соответствовали стратегическим потребностям и научной обусловленности. Иначе говоря, оба этих начала обеспечивали для России внутренний мир и внешнюю безопасность.

Таким образом, пройдя более чем пять веков политической истории, русская нация сложилась вокруг русского народа, включая в свой состав множество иных народов и народностей, тесно связанных с русской государственной, религиозно-духовной, экономической и культурной традицией.

К 1913 году население Государства Российского составляло 174 млн. чел, а ее территория – 22,3 млн. кв. км. За восемь веков своего развития численность населения выросла в 124 раза, а ее территория увеличилась в 17,5 раз. Согласно статистическим данным по «на-

Подолія, Галиція, Червонна Русь і Буковина, являвшися частию Австро-Венгрії. Эти территории, кроме Прешовской области, были возвращены в состав России (тогда называвшейся Советским Союзом) в 1939 и 1946 годах. Не следует также забывать, что Холмщина и Белосток – русские земли - были после 1945 года переданы правительством Сталина в состав новообразованного польского государства.

родностям и племенам» население Империи составляло: русских 65,5% (великорусы 66%, малорусы 27, белорусы 7%), турко-татар 10,6, поляков 6,2, финнов 4,5, евреев 3,9, литовцев 2,4, немцев 1,6, картвельцев 1,1, горцев 0,9, армян 0,9, монголов 0,4, прочих 2,0%.

Через 76 лет, после ряда территориальных изменений, вызванных событиями русской гражданской и второй мировой войн, в том числе возникновением польской, финской и еврейской государственностей, население Государства Российского «по народностям и племенам» в 1989 году не претерпело сколько-нибудь существенных структурных изменений и составляло 286 млн. чел, в том числе: русских 71,5%, турко-татар 18,4, литовцев 1,6, картвельцев 1,4, горцев 3,0, армян 1,7, монголов 0,3, прочих 6,7%.

Очевидно, что в XIX-XX столетиях в России, население которой было многонародным с очевидным русским доминированием, существовали необходимые предпосылки для формирования нации. Но этого не произошло. Оба начала, ее создававшие, подверглись в этот период испытанию на прочность, происходя в крайне противоречивых формах.

В течение XIX века практически не происходило русификации инородного и инославного населения окраин. Финляндия с 1809 по 1917 год была фактически на положении полунезависимого государства, соединенного с Россией лишь общей династией. Их разделяла

таможенная и полицейская граница. Разговорным и даже делопроизводственным языком Прибалтики являлся немецкий, а не русский. Поляков, дважды в XIX столетии поднимавших мятеж в Привислинском крае, снедала русофобия. Крайнее равнодушие было проявлено русскими властями к «украинизации» Юго-Западного края, лингвистически расчленяя русских. В Бессарабии действовали гражданско-правовые установления, сохранившиеся от периода турецкого владычества. Уровень развития обширных пространств Средней Азии, присоединенных лишь в 60-70-е годы, соответствовал XIII веку. Сами русские еще только осваивали всеобщую грамотность и до образованности, воспитанности и просвещенности было еще очень далеко. Методы управления, перешедшие от предыдущей эпохи, явно не успевали за стремительными темпами культурного, экономического и хозяйственного роста. Вместо того чтобы снимать проблемы, проводившиеся властями реформы их лишь усугубляли, оборачиваясь социальными протестами в виде дворянского фрондерства, крестьянских волнений, рабочих забастовок и еврейским радикализмом. Две войны, - 1904 и 1914 годов - победы в которых могли стать консолидирующим фактором, обернулись поражениями – не столько военными, сколько идеологическими. В сущности, бюрократия парализовала и дискредитировала традиционную власть.

Неизбежная в этих условиях революция, первые всполохи которой относятся к 1902 году в форме массовых бунтов крестьян, спровоцированные неурожаем и последовавшим голодом во многих губерниях, закончилась, пройдя целый ряд этапов, только в 1934 году, создав новый хозяйственный уклад, политический строй, экономическую систему, государственное устройство, форму правления и сменив господствующее мировоззрение и официально доминирующую идеологию. В результате всех этих изменений динамика развития страны ускорилась, но строительство нации было на какое-то время остановлено.

Большевики, захватив власть в стране и установив режим «пролетарской диктатуры», все годы своего правления реализовывали догмы марксизма-ленинизма, которые предписывали создавать привилегии для нерусского меньшинства и одновременно особые формы угнетения для русского большинства. На более чем половине территории страны, переименованной в Советский Союз, ими были созданы «национальные» квазигосударственные союзные и автономные республики, области, округа и районы, власть и ресурсы в которых, включая искусство, образование и пропаганду, были предоставлены в монопольное пользование иноязычным антирусским этническим кланам. Все изменения, которые происходили в России на основе коммунистической идеологии, можно описать одним словом – русофобия, а её символами – химеры

«советского человека», «советского народа» и «советского общества».

Вместе с тем возникновение наций – процесс объективный. Их создают большие государства и выдающиеся победы – прежде всего военные. И конечно же, – магнетические, энергетические свойства этнического ядра и народного центра, при ослаблении которых периферийные зоны, подчиняясь действию центробежных сил, начинают отпадать и осыпаться³⁴. Но когда эта сила восстанавливается, она опять, словно магнит, их притягивает, вовлекая в свою политическую орбиту, чему свидетельствует история Китая, где подобные процессы наблюдались и в середине XIX, и в первой половине XX века.

Приостановленный в начале прошлого века, процесс создания русской нации, что занимает многие десятилетия, возобновился в период Великой Отечественной войны³⁵ и

³⁴ В этом отношении характерна история Австрии или Восточной империи, где отсутствовали этническое ядро и народный центр, роль которых по объективным причинам не смогли выполнить ни немцы, ни мадьяры, ни чехи, из-за чего так и не возникло австрийской нации, что и предопределило распад страны, который продолжается весь XX век. Аналогична неудача с созданием искусственной Югославии, в которой также не было этнического ядра, и сербы, становой хребет этого государственного проекта, благодаря антисербской политике Тито не имели после 1945 года ни численного большинства, ни политических предпочтений.

³⁵ В отличие от Первой мировой войны, которую в

продолжился, вопреки отмеченным препятствиям, в последующие годы. Сверхдержава, какой стала Россия во второй половине XX века, не могла не быть русским национальным государством и государством-империей. И политический режим, пропитанный ядом ненависти к России и русским, не мог существовать вечно. Он закономерно разложился и сгнил изнутри. Погибая, ему удалось-таки увлечь страну в новую смуту, восстановив против русских иноязычные окраины, «внутренние республики», вскормленный им в самом конце русский областнический сепаратизм и, наконец, созданную в его недрах денационализированную бюрократию.

Если в революции начала века главное противоречие заключалось в существовании изживших себя социально-экономических отношений, прежде всего по поводу земли, и поэтому она была, прежде всего, социальной революцией, то в революции конца века - начатой, но отнюдь не завершившейся - это противоречие выражается в наличии изживших себя межэтнических отношений, в политиче-

России совершенно справедливо назвали Второй Отечественной, поскольку её целью со стороны немцев, в случае их победы, было упразднение и расчленение Государства российского, название войны Великой Отечественной не совсем правильно. Здесь целью немцев было не только расчленение России, но главным образом уничтожение русской нации – и потому для России она являлась Великой национальной войной.

ской и экономической дискриминации русского большинства, и поэтому она не может быть ничем иным как русской национальной революцией.

Сейчас, когда процесс ниспровержения прежних и создание новых отношений в Государстве российском далек от завершения, практически невозможно, да и не нужно тратить на предсказания того, как будут в дальнейшем развиваться события, какие формы приобретет борьба нации за своё существование. Ясно только, что она неизбежно будет выражаться во все более острых формах. Так как речь идет о становлении нации, а её квинтэссенцией является мировоззрение и идеология, то основным полем сражений за русское будущее неизбежно оказывается не только улица, что даст ей массовую мобилизацию волонтеров, но прежде всего массовое сознание, ибо именно сознание определяет бытие, идеология определяет политику и реальное политическое действие, мировоззрение определяет стратегию развития.

Отнюдь не случайно все силы, противодействующие русской национальной революции и становлению русской нации, прежде всего бюрократия, олигархия и кучки этношовинистов всех мастей и оттенков, составившие одну антирусскую коалицию, обрушились на единственную авторитетную, эффективную и мобилизующую форму национального самовыражения – на русский национализм. Впол-

не логичный враждебный шаг, так как не может быть нации без национального сознания, а национализм и является таким сознанием, скорее даже самосознанием, самопознанием, духовным самоопределением нации, её положительным отношением к самой себе. Нет необходимости подвергать нацию физическому уничтожению, если есть возможность предотвратить ее становление за счет подавления, шельмования, дискредитации её национализма, то есть её мировоззрения. А когда удастся подавить национальное мировоззрение, из того, что могла стать нацией, можно делать все что угодно, вплоть до нравственного разложения или физического устранения. Это доказывает трагическая судьба несостоявшейся польской нации, у которой в прошлом была такая возможность, и которая ныне продолжает существовать в виде этноса, и жалкая участь этнических осколков несостоявшейся австрийской нации, ставшей жертвой победившего этноэгоцентризма.

Нельзя исключить, что переживающая критическую фазу своего развития Россия может оказаться в положении, в котором находилась Австро-Венгрия сто лет тому назад, или в котором пребывала Германия сто пятьдесят лет тому назад. Ничего не предопределено, и многое зависит от случайного стечения обстоятельств. Одно государство было разрушено изнутри, другое, расчлененное на 40 частей, срослось, превратившись в

самую мощную державу Европы. Известно, что судьбу войны на море между русским и японский флотами, а тем самым результаты всей русско-японской войны и ход мировой истории, решил один снаряд с японского броненосца, попавший в русский броненосец по время сражения в Желтом море и поразивший русского командующего, и один русский снаряд, попавший во время Цусимского боя в японский флагман, что предотвратило взрыв снарядного погреба и гибель корабля вместе с японским командующим. Случай в истории не менее важен, чем закономерность.

Германия превыше всего, - самозабвенно пели немцы от Рейна до Вислы – и с этим никто ничего не мог поделать. Америка для американцев, - такова была доктрина североамериканского конгресса, и мир принял её как должное. Россия для русских, - заявил о себе русский национализм, рождение которого овеяно именами царя Александра III, генерала Скобелева и писателя Достоевского, повергая в ярость всех русофобов и врагов России. И этот принцип, ставший лозунгом нового этапа русской духовной реконкисты, тоже будет незыблем. Ныне его разделяет, если верить социологическим опросам, более 58% населения страны. Эти данные свидетельствуют, что русская нация все еще находится в состоянии кризиса, но вместе с тем разве это не симптом её духовного выздоровления?

Быть вместе и впереди

Прожитое нашей страной десятилетие принято называть перестройкой, реформами, трудной дорогой к демократии, обретением свободы, смутой, катастрофой, системным кризисом. Что только ни произносится, ни вспоминается из нашего многообразного, прекрасного и трагического прошлого, какие только термины, понятия, дефиниции ни применяются! Кроме слова, пожалуй, лучше всего описывающего происходящее в России, и потому чуть ли не запрещенного, табуированного: революция.

Давайте вспомним, что такое революция. Это не государственный переворот, не завершившийся успехом военный мятеж, не дворцовый заговор, после которых на троне, в президентской кресле или в резиденции премьер-министра вместо неудачника от политики появляется более удачливый, более циничный и отъявленный конкурент, как правило - диктатор, деспот или тиран. Революция, в какую бы эпоху она ни происходила, - как более чем основательно и верно утверждал забытый ныне в России публицист, - повивальная бабка истории. Но она ещё и никогда не унывающий, весьма жизнерадостный могильщик истории. Помогая новому строю родиться, она одновременно состарившемуся и одряхлевшему строю даёт возможность умереть, «приказать долго жить».

Революция сметает с исторической сцены

одни порядки, которые мешают дальнейшему развитию, и устанавливает на их место другие. Она выбрасывает из партера на галерку один социальный слой, который выполняет роль тормоза, и заполняет освободившиеся руководящие кресла новым правящим слоем. Она отрекается, предаёт забвению одни моральные истины и начинает исповедовать другие. Поэтому любая революция представляет собой непримиримую борьбу общественных классов, партий, защищающих прошлый строй, с партиями и общественными классами, которые являются олицетворением нового строя.

Революция, в какой бы стране она ни осуществлялась, это всеобъемлющий переворот во всех существенных сторонах жизни общества и государства. По самой своей сути она расточительна, ибо требует для своего осуществления колоссальных затрат энергии людей и материальных издержек. Ни одна революция, которая происходила в прошлом (в России или где-либо ещё) не обходилась без многочисленных жертв, войн гражданских и внешних, террористических методов борьбы, тиранических приемов властвования, словом – без насилия.

Вместе с тем, поскольку революция оказывается конкретным историческим фактом, значит, это объективный признак: без неё нельзя было обойтись, она объективно необходима. Альтернативой любой револю-

ции (ещё раз уточним: не путча, не заговора и не мятежа) является только социально-экономическая и общественно-политическая катастрофа. Или всеобщий переворот, спасающий нацию ценой титанических усилий, или прозябание и распад всех общественных установлений.

Возможно, сказанное покажется тривиальным, само собой разумеющимся. Неожиданным для некоторых читателей может оказаться иное – квалификация сегодня происходящего в России переворота как *новой русской революции*. Сейчас, когда завершается лишь её первая фаза, связанная с отрицанием, если угодно – погребением предшествующих форм общественной жизни, можно лишь констатировать, насколько происходящие в стране изменения глубоки, серьезны и последовательны.

Отметим самые важные моменты.

Прежде всего, взорваны отношения обобществлённой после 1917 года и приумножавшейся на протяжении 70 лет в этом качестве собственности, управление которой являлось привилегией государственных институтов власти. Отныне будут господствовать иные – частнособственнические отношения, при которых функция управления собственностью постепенно становится прерогативой финансистов. Отсюда первая задача, которая стоит перед русской нацией: не отрицать огульно новые финансово-экономические институты,

а реально овладеть собственностью и финансами, вокруг которых и развиваются основные события.

Второй важнейший результат: уничтожена предыдущая социальная структура (точнее говоря – бесструктурное, деклассированное, так называемое «советское» общество), находившаяся под контролем партийной номенклатуры. Новая социально-экономическая структура общества, которая пришла ей на смену, приобретает чётко выраженную классовую, внутренне противоречивую и конфликтную природу. Ключевое направление русской стратегии в области социально-экономических отношений – доминировать в тех областях, где решающее значение принадлежит интеллекту – ключевой производительной силе XXI века.

Третий результат: общество выбросило на историческую свалку доктрину марксизма-ленинизма (мягче говоря, отказалось от неё), претендовавшую на роль единственного морального и научного авторитета для русских. Убогий обскурантизм, в который была превращена коммунистическая идеология, сменяется не западно-либеральными прописями, как может показаться, а русской национальной идеей. Одновременно и в связи с этим пещерный официальный атеизм, являвшийся составной частью марксизма, вытесняется традиционным мировоззрением, опирающимся на религиозные основы коренных народов страны – православие, ислам и буд-

дизм. Обрести веру, а значит и уверенность в завтрашнем дне - необходимая, насущная потребность каждого, кто считает себя русским.

Последнее утверждение, вероятно, наиболее спорное. Новая русская революция не создаёт, а разрушает изжившие себя еще полвека тому назад архаичные этнические перегородки, разделявшие изначально единую страну на множество псевдогосударственных образований, декорированных марионеточными, иллюзорными, бессильно-смехотворными властными институтами. Государство множества народов, государство, насильственно лишившееся национального признака, государство, на семь десятилетий лишенное даже своего настоящего наименования, превращается постепенно в единое и неделимое государство русской нации. Иначе говоря, на месте интернационального «Советского Союза» или космополитического «Содружества», в которые коммунисты и либералы перекраивали Россию, создаётся (восстанавливается, возрождается) в принципиально новых условиях национальное Государство Российское.

Сейчас судьба русских зависит только от одного обстоятельства - от того, как они воспримут происходящее в России. Увидят в истинном свете, поймут, что это их революция, захотят и смогут овладеть ее властными, экономическими, финансовыми, духовными рычагами, или, как это уже неоднократно бывало, уйдут в раскол, в оппозицию, в отрицание,

уступая по праву принадлежащее им место чужакам. Складывается впечатление, что решительный выбор всё ещё не сделан. А пора бы уж - в эпоху революций Бог помогает смелым.

И ещё одно замечание. Происходящее на одной шестой земного шара - не результат чьих-то интриг, подрывной деятельности спецслужб, глупости или предательства отдельных государственных деятелей, пусть даже очень влиятельных. Разумеется, Россия имела и имеет много врагов, которые и раньше, и теперь, и в будущем вредили, вредят и будут ей вредить - по мере сил и возможностей. Но революция в таких странах, как Россия, в государстве с населением почти в 300 миллионов человек, может состояться лишь в силу внутренних закономерностей, тех объективных противоречий, которые возникли в самом русском обществе, были обусловлены особенностями его самобытного развития. Поэтому русским, прежде всего, надо постараться понять объективный характер истории - тот факт, что человеческое развитие, не исключая и русского национального и государственного развития, подчиняется естественным законам в той же мере, как развитие природы - законам физики, химии или биологии. Катастрофы появляются тогда, когда общество начинает ими пренебрегать или игнорировать.

Не каждая революция заранее понима-

ет или открыто провозглашает свои конечные цели. Не всегда общественные классы, в чьих интересах совершается социально-экономический и общественно-политический переворот, отчетливо представляют себе ход исторического процесса. У революций нет заранее написанных сценариев. Кроме того, зачастую на первые роли в тех или иных событиях, из которых и состоит революционный процесс, попадают случайные люди, демагоги и авантюристы, мошенники, негодяи и казнокрады, которые субъективно преследуют не общенациональные, а своекорыстные или честолюбивые цели, ничего общего не имеющие с ходом объективного развития страны.

И, тем не менее, в конечном счете, объективные законы, которые управляют даже революциями, продираются сквозь чащу случайностей на широкий простор мировой истории. «Окаянные дни» оказываются не концом России, а её прорывом в принципиально новое качество, реваншем, который даёт небывалый импульс для всестороннего развития. По крайней мере, именно так произошло с русской революцией начала XX века.

Не секрет, что сейчас массовое общественное сознание охвачено пассивным отрицанием происходящего, оно воспринимает действительность критически, не в состоянии увидеть каких-либо положительных перспектив. Вновь создаются апокалипсические картины, в которых грезится гибель России. Как

и 80 лет назад, вместо того чтобы использовать энергию революции на пользу страны, лучшие ее люди, ее совесть и интеллект, пытаются противостоять законам общественного развития, в то время как их задача - вооружившись знанием этих законов встать во главе движения, чтобы руководить им и действовать, имея в виду его конечную цель.

Теперь уже не так важно, вследствие какого стечения обстоятельств русское общество в середине 80-х годов не захотело или не смогло жить по-старому. Старого строя, старых порядков, прежних систем ценностей больше нет и никогда не будет. Из этого следует, что надо захотеть жить по-новому, обратить новые условия существования в свою пользу, не оказавшись в дураках у судьбы.

Революция не болезнь, а метод лечения, от применения которого духовный, экономический, политический организм общества лишь крепнет, обретая второе дыхание. Воссоединить, заселить, освоить страну окажется делом обеспеченным. Если среди русских восторжествует принцип - быть вместе и впереди - никто и ничто не устоит перед ними.

Содержание

Гений русской идеологии	3
Ритмы русской истории	16
1. Духовная истина Истории	16
2. Циклы и периоды	34
3. Парадоксы революционных переходов ...	47
Век побед и упущенных возможностей	57
1. Победа – праздник, которому предшествует беда	57
2. Основные противоречия, которые не удалось преодолеть	71
3. Стратегический баланс	80
4. Периоды русской истории в XX столетии	150
Русские революции XX века	160
1. Общая характеристика процесса	160
2. Революция как борьба за русское наследство	179
3. Против этнонационального синдрома ...	192
4. Против конфедеративного синдрома ...	211
5. Борьба в надстройке за базис: 1989 - 1995	226
Ответ фальсификаторам	265
1. Русская Победа и её дискредитаторы ...	265
2. История России и исторический нигилизм	287
Концепты и рецепты	299
1. Синдром Герострата	299
2. Где Россия - там русские, где русские – там Россия	346
Быть вместе и впереди	366

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ!

В издательстве «Традиция» в серии «Русская идеология» готовятся к изданию книги С.П. Пыхтина:

Государство и русская идеология
Кому опасен русский национализм
Тотальная борьба идей
Время новых русских

Из книги
«Государство и русская идеология»

Истоки национальной политэкономии

Под пятой финансово-политического кризиса

Деньги, сами по себе, не абсолют, а ценность сугубо относительная, прямо зависящая от того, насколько, с одной стороны, эффективно и мощно национальное хозяйство, с другой - здорова ли духовно, физически и политически сама нация. Без экономической и политической составляющих нет и не может быть полноценной национальной валюты, настоящих денег. Поэтому, когда с рублём происходят потрясения, чаще всего их источник находится не в отвлечённых от жизни сфе-

рах финансово-банковских отношений. Они всегда обуславливаются неблагополучием, коренящимся в политическом и хозяйственном организмах нации.

Что же происходит с нашей политикой и экономикой, если русская национальная валюта оказывается такой ненадёжной? Что так сильно влияет на состояние рубля? Приведём мнение по этому поводу международного дельца Сороса, имеющего, как известно, свои интересы в России:

“Российская экономика страдает от бездарного управления. Предприятия переправляют прибыль в офшор на Кипр, не платя своим рабочим зарплату, не платя за потребление газа и электричества, не платя налоги. Прежде всего, вам нужно навести порядок в собственном доме”. А некий влиятельный эксперт, возвращающийся во властных коридорах, считает, что “мы очень маленькая, бедная, неразвитая страна, и сегодня Россия в лучшем случае - четверть от того, чем был СССР”.

Ясно, г-дам либералам хочется внушить русскому сознанию, что понятие Россия сопоставимо с такими понятиями, как Люксембург, Бельгия или Верхняя Вольта, но в отличие от настоящего Люксембурга - еще и “бедным и неразвитым”, а в отличие от Верхней Вольты - “с ракетами”. А внушив и убедив в этом «русских варваров», реализовать дав-

нюю параноидальную мечту врагов России, суть которой в том, чтобы раздробилась она на множество рахитичных государственных образований.

Разнообразным противникам России реализация подобной идеи никогда не удавалась, как они ни старались. Ни во время великой Смуты начала XVII века, ни в период Северной войны начала XVIII столетия, ни после неудачной для Российской империи Восточной войны XIX века, первой настоящей мировой войне Европы против России, ни во время Великой русской революции начала XX века, ни во время нашествия на Советскую Россию Европы, объединённой германским Третьим рейхом. Всегда и русская нация, и национальная элита России были готовы к тому, чтобы встретить во всеоружии вызов истории вместо того, чтобы безропотно подчиниться ей.

И теперь, вопреки стараниям либералов-космополитов и этношовинистов-сепаратистов по превращению её в “пространство”, Россия обладает необходимыми материальными и интеллектуальными ресурсами, чтобы быть супердержавой, чтобы предстоящее столетие оказалось русским веком всемирной истории. Но, не строим ли мы очередные воздушные замки? Отнюдь.

Россия фантастически богата даже в её современных псевдогосударственных пределах. Согласно данным отделения экономики РАН, общая стоимость совокупного национального богатства РФ (недра, леса, промышлен-

ность, инфраструктура и т.д.), оцениваемого в долларах США, равна 320-400 трлн. Лишь 15-20% этого богатства вовлечено в процесс производства, стало *реальным* богатством нации. Значит, действующая экономика, участвующая в производстве, эквивалентна 48-80 трлн. долларов или, в расчёте на одного жителя РФ, – от 320 до 530 тыс.

А сколько производится с помощью этого потенциала? Если верить статистике конца 90-х годов XX века (то есть, без «золотого дождя» 2000-х, обусловленных нефтяной конъюнктурой), в России ежегодно создавалось валового национального продукта (ВВП) в размере 446 млрд. долларов или, опять же в расчёте на одного жителя, – примерно 3 тыс. в год. (Для сравнения: объём ВВП США равен 7580 млрд., Японии - 4607, Германии - 2354 млрд. долларов. И это при том, что США обеспечены богатством на душу населения в 2 раза хуже, чем в РФ, Германия - в 6 раз, Япония - в 22 раза).

Следовательно, финансово-экономический кризис в РФ имеет принципиально иные причины, нежели те, о которых трубят либеральные политики и журналисты. Дело не в недостатке ресурсов или отсутствии эффективно *собственника*. Неэффективно *управление* национальным богатством. О каком эффекте может идти речь, если этот показатель не превышает 0,6%. Приватизированные производства, доставшиеся *фиктивным* собственникам, ещё менее *эффективны*, чем нацио-

нализированные. Большинство предприятий бездействует. Значит, национальным хозяйством как объектом расширенного воспроизводства вообще никто не управляет. Более того, действия хозяйственной бюрократии сократили чуть ли не вчетверо объёмы производства, одновременно разрушив его технологически.

Ничуть не лучше и государственная бюрократия, бездарными действиями добившаяся политического распада государства, на месте которого теперь влачат жалкое существование несколько десятков политических режимов, живущих заёмными подачками МВФ.

Предъявляя суровый счёт бюрократии, нельзя вместе с тем оставить без внимания и поведение русского народа, который демонстрировал на протяжении последних десяти лет фантастическое безразличие к судьбе своего отечества. Кто и что разрушили государство Российское и русскую национальную экономику? *Массовое равнодушие*, с каким было воспринят заговор против единого и неделимого государства. *Корыстный азарт* десятков миллионов в афёрах с ваучерами, финансовыми пирамидами и другими спекуляциями, которые вместо ожидавшегося личного обогащения принесли разорение.

Соучаствуя в приватизации, каждый житель страны навсегда отказался и от доли в общенациональной собственности стоимостью не менее 3 миллионов рублей, а тем самым и от права на потенциальное богатство,

которое в расчёте на каждого оценивается не менее чем в 12 миллионов. Большая часть населения Российской Федерации превратилась в пролетариев и люмпенов, отчуждённых от реальной политики и от реального богатства. Как тут не привести слова того же Сороса: “Неужели русские так глупы?”. Как ни вспомнить горькое пушкинское: “мы ленивы и не любопытны”. Удивительно не то, что произошел кризис системы, а что она не обрушилась гораздо раньше.

И что же в сухом остатке? Режим в агонии. Финансы, жившие спекуляциями, обанкротились. Экономические механизмы прекращают свое существование. Оборонный комплекс не в состоянии обеспечивать национальные интересы страны. Государственный аппарат заражен антипатриотизмом, этнической и региональной клановостью и насквозь коррумпирован. Россия стоит перед угрозой продовольственного шантажа. “Индекс человеческого развития” РФ в 1998 году по продолжительности жизни, душевым доходам и уровню образования, ставит её на 72 место в списке из 174 государств в одном ряду с Оманом (71 место) и Эквадором (73 место). Следующее десятилетие существенно не изменило этих позорных цифр. Сверхдержава отброшена на задворки человечества.

И в тот момент, когда *необходимы сплочение нации, мобилизация общества к борьбе за существование*, “верхи” демонстрируют предельную неспособность к активным действи-

ям по спасению страны, патологическую алчность, готовность к любой форме предательства национальных интересов. Официальные власти и оппозиция то и дело вступают между собой в постыдный сговор, жертвой которого становятся русская нация и государство Российское.

Нам плохо, потому что мы разобщены

Прожитые нашей страной два с половиной десятилетия принято называть «перестройкой», «реформами», «трудной дорогой к демократии», «обретением свободы», «катастрофой», «системным кризисом». Какие только термины и дефиниции не применяются, кроме понятия, пожалуй, лучше всего описывающего происходящее в России, и потому чуть ли не запрещенного, табуированного - *революция*. А ведь речь идёт не о государственном перевороте, военном мятеже или дворцовом заговоре! Революция, в какую бы эпоху она ни происходила, как утверждал забытый ныне публицист, *повивальная бабка истории*.

Когда экономические порядки превращаются в препятствие для дальнейшего развития, она устраняет их с исторической сцены и устанавливает на их место другие, более эффективные. Если господствующий социальный слой становится тормозом в экономике и политике, она безжалостно отодвигает его из ложи и партера на галерку, предоставляя руководящие высоты новому правящему слою.

Она предаёт забвению одни моральные истины и этические правила и предписывает исповедовать другие нормы. Словом, революция не реконструирует общественное здание, а возводит новое на расчищенной для этого строительной площадке.

Альтернативой любой революции (ещё раз уточним - не путча, не заговора и не мятежа) является, не эволюция или реформы, а лишь духовно-нравственная, социально-экономическая и общественно-политическая катастрофа. Или общество осуществляет всеобщий переворот, спасающий нацию ценой её собственных титанических усилий, называемых революцией, или, бездействуя, она обрекает себя на прозябание и распад.

Сейчас, когда завершается лишь первая фаза революции, связанная с отрицанием, если угодно - погребением предшествующих форм общественной жизни, можно лишь констатировать, насколько происходящие в стране изменения глубоки, серьезны и последовательны.

Отметим самые важные моменты текущего периода русской истории.

Первое. Взорваны отношения обобществлённой собственности, управление которой являлось привилегией государственных институтов власти. Идёт процесс утверждения иных, частнособственнических экономических отношений, при которых функция управления становится прерогативой финансистов. Отсюда первая задача, которая стоит

перед русской нацией, - *не отрицать новые финансово-экономические институты, а реально овладеть собственностью и финансами, вокруг которых и развиваются основные события.* И заставить их работать на новую, сообразную XXI веку индустриализацию.

Второе. Предыдущее так называемое "советское" общество, находившееся под контролем партийной номенклатуры, упразднено. Новая социально-экономическая общественная структура обретает чётко выраженную природу, внутренне противоречивую и конфликтную, но вместе с тем способную динамично развиваться. Ключевое направление здесь - *обеспечить русское доминирование в социально-экономических отношениях, где решающее значение принадлежит интеллекту* - главной производительной силе XXI века. Интеллект должен примирить нарастающие социальные противоречия и снять вновь порожденные классовые конфликты.

Третье. Изжита доктрина марксизма, претендовавшая на роль единственного морального и научного авторитета для русских. Убогий обскурантизм коммунистической идеологии сменяется не заимствованными западно-либеральными прописями, как может показаться, а русской национальной идеей. На место официального атеизма, являвшегося составной частью марксизма, становится традиционное для России мировоззрение, опирающееся на религиозные основы коренных народов страны, где безусловной домини-

нантой выступает *православие*. Отсюда ещё одна задача русских - *обрести веру, а значит и уверенность в завтрашнем дне, превратиться из объекта истории в её активный, деятельный субъект*. Нравственные императивы традиционных верований – основа национальной политэкономии, которая должна задать ритм и направление хозяйственной жизни страны.

Новая русская революция разрушает архаичные этнические перегородки, разделявшие изначально единую страну на множество псевдогосударственных образований. Государство множества народов, насильственно лишённое национального признака, на семь десятилетий утратившее даже своё настоящее название, превращается постепенно в единое и неделимое государство русской нации, что, разумеется, не может не вызывать антигосударственных мятежей со стороны этнических верхушек, самым ярким из которых стала дудаевщина. Стало быть, *русским необходимо взять власть в стране, которая принадлежит им по праву и по справедливости, то есть привести характер власти в соответствие с национальной природой страны*. Только русская власть способна построить эффективную экономическую систему, в которой все субъекты действуют, исходя из общих принципов и сообразно национальным интересам России.

Судьба русских зависит только от одного - увидят ли они современные события в истин-

ном свете, поймут, что это не чуждый им политический переворот, что это их революция, их шанс, захотят ли и смогут ли они овладеть её властными, экономическими, финансовыми, духовными рычагами, или, как это уже, к сожалению, неоднократно бывало, уйдут в раскол, оппозицию, диссидентство, в отрицание мерного хода русской истории, уступая принадлежащее им - чужакам, иностранцам и иноверцам. Если поймут – станут господами положения, не поймут - проиграют и будут перемолоты в жерновах истории.

Происходящее на одной шестой земного шара не результат чьих-то интриг, так называемой подрывной деятельности спецслужб, предательства отдельных государственных деятелей. Все это домыслы и фантазии. В таких странах как Россия революция может произойти лишь в силу внутренних закономерностей, объективных противоречий, которые возникают в самом русском обществе и обусловлены особенностями его самобытного развития. Поэтому *русским надо постараться понять объективный характер истории, тот факт, что человеческое развитие, не исключая и русского национального и государственного развития, подчиняется естественным законам в той же мере, как развитие природы - законам физики, химии или биологии*. При этом само «понимание истории» дополняет эти законы волевыми усилиями нации, государства, отдельных личностей.

Катастрофы случаются тогда, когда обще-

ство, вместо того чтобы следовать естественным и общественным законам, начинает их игнорировать, а где нужно проявить волю и жертвенность – расслабляется и капитулирует.

Теперь уже не так важно, вследствие какого стечения обстоятельств русское общество в середине 80-х годов не захотело или не смогло жить по-старому. Старого строя, старых порядков, прежних систем ценностей больше нет и никогда не будет. Значит, *русским людям надо захотеть жить по-новому, обратить новые условия существования в свою пользу, не оказаться в дураках у судьбы, а решительно и твёрдо взять её в свои собственные руки.* И для этого им как воздух необходимы национальное единение, братское отношение друг к другу - независимо от каких-либо социальных, имущественных или иных отличий, наконец, традиционное русское дружелюбие, сочувствие, сострадание.

Россия - потенциально самая богатая естественными ресурсами страна мира - нуждается в воссоединении, заселении и освоении. *Чтобы это дело было обеспечено, среди русских должен восторжествовать принцип: быть всем вместе и заодно, - и тогда никто и ничто не устоит перед ними!*

Демократия выращивается из охлократии

Зревшие в “советском обществе” кризисные процессы в конце 80-х годов XX века,

по крайней мере формально, ликвидировали прежний политический режим партийной олигархии, власти партийного аппарата, сменив его другой “властью немногих”. Но при этом институты государства, государственная машина оказались разрушены. На их развалинах выросло множество уродцев, тщетно пытающихся изобразить из себя государства. Конечно, ими управляют не кухарки. Но в основном, увы, - мошенники, казнокрады и изменники. Если же ни первые, ни вторые и ни третьи, то - наверняка - равнодушные циники. Не верится? Есть сомнения? Но разве такое утверждение не подтверждается стремительными административными взлетами молодых, бездушных карьеристов из “вольнотпущенников” и “ташкентцев”, вроде гг. Чубайса, Немцова, Коха, Кириенко?

Сильнейшее испытание приходится переживать общественному сознанию. Распавшись на множество противоположных, враждующих, несопряженных фрагментов, оно существует как предрассудок, замкнувшийся в этнический, имущественный, профессиональный, идеологический кокон - наполовину варварский, наполовину криминальный. Каковы внутренние причины протекающего процесса? Неужто всё дело в неприемлемости для России демократической формы правления, власти народа? Попробуем разобраться.

Вряд ли есть необходимость цитировать Аристотеля или Полибия, создавших более двух тысяч лет назад теорию государствен-

ной власти, но всё-таки необходимо подчеркнуть, что власть в государстве может принадлежать *либо одному, либо немногими, либо меньшинству*.

При анализе власти греческие классики подчеркивали, что каждая его форма может быть по природе либо “правильной” - тогда она развивает и защищает общественный организм, либо “неправильной”, - и тогда она губит его. Власть одного может быть монархической (правильной) или тиранической (неправильной). Власть немногих может быть аристократической (правильной) или олигархической (неправильной). Правильная власть меньшинства (активных граждан, демоса) - *демократия*, неправильная (толпы, черни, простонародья) - *охлократия*.

Если власть в России действует на управляемое общество разрушительно, то закономерно следует и вывод по отношению к её природе. Она - “неправильная”. Когда в 1985-1989 гг. начался объективный период смены всех общественных институтов, неправильная власть *немногих* была заменена правильной властью *меньшинства*. Но всё дело в том, кого представляло властное меньшинство, чьи интересы оно объективно выражало - демоса или толпы, граждан или черни.

Поскольку все фундаментальные основы страны после падения партноменклатуры оказалась в фазе саморазрушения, надо признать: состояние населения страны таково, что оно представляет собой пока что толпу,

чернь, подобие Панургова стада. Поэтому, после того как формализм голосований сменился *реальностью выборов*, государственные должности оказались, строго говоря, в руках не народных трибунов и авторитетных общественных деятелей, а власть перешла отнюдь не к лучшим. Ею завладели демагоги, казнокрады и предатели.

Что произошло с народонаселением России? Так ли оно безумно, как его поступки? Ясно одно: перед нами не порок, не злодейство, не безумие, а скорее свойства, присущие если и не детству, то юности нации. Когда запретный плод, в виде всеобщих выборов, оказался доступен всем, избиратели, истосковавшиеся по политической борьбе, увлеклись ею, словно дети новой игрой. Иначе говоря, подобно тринадцатилетнему ребенку, русские при первом сердечном трепете были готовы увлечься всем без разбору.

Но избирательное право не является естественным правом всех жителей. Оно представляет собой итог длительного движения от частного к единичному и от единичного к общему. Чтобы со знанием дела принимать участие в выборе лучших на государственные должности, надо иметь в наличии не только этих лучших, но также исторический опыт и сознание ответственности тех, кто выбирает.

Русским для безвредного применения всеобщего, равного, прямого избирательного права не хватает и глубокого исторического и политического опыта, и полноценных инсти-

тутов гражданского общества - партий, профсоюзов, территориальных общин, мощного экономически устойчивого среднего класса. Нетрудно, к примеру, обнаружить наличие разброда и шатания в среде русских промышленников и предпринимателей, мировоззрение которых опирается не на национальную философию, а на клановый, своекорыстный интерес.

Таким образом, Россия пока ещё не в состоянии без отрицательных для себя последствий использовать приемы и методы власти меньшинства. И вовсе не потому, что русские органически несовместимы с демократией. Чтобы природа власти меньшинства могла приобрести свойства демократии, народ страны должен превратиться в активных граждан, стать демосом. А это не делается ни за год, ни за десять лет. Англичанам, прочно вставшим на этот путь раньше других, потребовалось не менее пяти веков, французам, немцам, испанцам - лет триста.

Весь период так называемой “советской власти” в сущности, являлся отрицанием власти, избираемой гражданами. Он воспрепятствовал накоплению избирательного опыта, по крайней мере, шести поколениям наших соотечественников. Не мудрено, что возможность превратиться с сегодня на завтра в полноценных избирателей оказалась для них ловушкой. Повторим еще раз: очутившись в ней, нация не могла не совершать одну ошибку за другой, избирая то ложный путь разви-

тия, то политиков, негодных к государственной деятельности.

Как можно покончить с “неправильной” властью? Установить ту или иную форму “правильной” власти. Вместе с тем должно быть ясно, что как для монархии, так и для аристократии в России имеется еще меньше предпосылок, чем для демократии. А раз так, то не остается иного пути, кроме как превращать охлократию в разумную форму национальной демократии, которая в русских условиях есть соборность. Но сделать это сразу вряд ли невозможно. Потому что в самом обществе отсутствует критическая масса активных граждан, способных на единство действий, осознающих при этом и истинные её интересы, ценности и цели, и серьёзную опасность, нависшую над отечеством.

С одной стороны, речь может идти о деспотическом вмешательстве откровенной силы в дела государственных институтов. Режим охлократии не может пасть сам собой, для этого нужны организованные усилия. В России единственными надежными союзниками могут быть, как и во времена Александра III, лишь её армия и военно-морской флот. Но меры, которые могут предпринять вооруженные силы страны для её спасения, совершенно недостаточны. Как известно, применяя штыки, можно навести порядок, но долго сидеть на них невозможно.

Беда России в «неправильных» формах, которые приобретает власть. Для того чтобы из-

бавить страну от таких форм, сохраняя при этом избирательные методы, принципиально важно придать статус гражданина России в границах, подлежащих её юрисдикции, лишь тем гражданам СССР и их потомкам, которые родились на этой территории и принадлежат к ее коренным народам. Лишь эта категория граждан должна приобрести право голоса, что позволит быстро оздоровит политическую жизнь в стране. Очевидно, что от участия в принятии государственных решений должны быть отстранены деклассированные, денационализированные, деморализованные элементы. В обществе необходимо создавать положительные стимулы для того, чтобы его члены стремились к приобретению статуса полноценных избирателей, имеющих формальное право реально участвовать в государственной власти.

Парадокс состоит в том, что для утверждения в России подлинного народовластия необходим на первых порах его развития период *цензовой демократии*. Последняя, предоставив власть в стране лучшим, будет шаг за шагом расширять свою социально-экономическую базу, преобразуясь в демократию принципиально иного, широкого типа, обоснованно признающей полноценными избирателями большинство взрослых граждан страны, то есть в строй русской соборности.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ!

В издательстве «Традиция» в серии «Библиотека журнала «Голос Эпохи»» вышли в свет книги Игоря Михеева «Пути Русские» (2 тома) и «Антисистемы и Этнохимеры. Что стоит за гибелью народов и государств?».

Аннотация к книге «Пути Русские»

Сегодня среди царящей в обществе духовной и идейной сумятицы, как никогда остро стоят перед нами вечные вопросы: кто мы? куда нам идти? какой путь избрать? На эти вопросы отвечает представляемая Читателю книга. Русская Идея в истории и современности, тупики либерально-западной доктрины, классическое евразийство и ложь неоевразийства, Православие, как сердцевина Русской Идеи – все эти темы рассматриваются в книге «Пути русские» петербургского учёного, философа и публициста Игоря Михеева. Данная книга продолжает лучшие традиции русской философии и наследует трудам выдающихся мыслителей прошлого: К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина, Г.П. Федотова и др.

Аннотация к книге «Антисистемы и Этнохимеры. Что стоит за гибелью народов и государств?»

30 лет назад выдающийся русский ум А.Н. Гумилёв дал феноменологическое описание антисистемы и этнохимеры. Однако и до сих пор эти понятия не стали содержанием научного и публицистического дискурса. Очевидно потому, что не вписываются в рамки пресловутой политкорректности. Между тем, без учёта и знания природы упомянутых феноменов невозможно адекватное понимание ни истории, ни современных социокультурных и политических процессов. Владея инструментарием различных научных дисциплин естествознания и гуманитаристики, известный петербургский учёный и социальный философ, автор психофизиологической теории локального культурогенеза Игорь Михеев как раз и раскрывает в данной книге природу феноменов антисистемы и этнохимеры. Данный труд тем более актуален, если учесть нарастающую в России межэтническую напряжённость.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ!

В издательстве «Традиция» вышла в свет книга Вениамина Башлачева «Русское крестьянство в зеркале демографии».

Аннотация к книге «Русское крестьянство в зеркале демографии»

Данная книга является изложением исследования развития русского крестьянства по материалам переписей России и описаниям современников.

В книге рассмотрены основные этапы развития русского крестьянства, большая часть которых отражена в зеркале демографических процессов.

Показано, что в русском крестьянстве былых веков было две ветви: крепостные и вольные.

Показана ложность утверждения: «Россию в былые века развивали царь и дворяне».

Россию развивали вольные крестьяне. У них было две экономики: летняя - доходы от земли и зимняя - доходы от промысла.

Результативность вольных крестьян обусловлена уникальностью Русской равнины и особенностями русского менталитета.

В XX веке вольному крестьянству нанесены ДВА страшных удара: «раскулачивание» трехпоколенных семей и ликвидация «неперспективных деревень».

Книга предназначена для самого широкого круга читателей.

Книги, вышедшие в издательстве «Традиция»

Серия Библиотека журнала «Голос Эпохи»

Е.В. Семенова. На этнической войне...

С. Н. Новохатский. Этнический терроризм

Е.В. Семенова. Пророчества и указания (П. Вяземский, Н. Гоголь, Ф. Достоевский)

Е.В. Семенова. Литературные портреты (А. Солженицын, Б. Можаяев, К. Воробьёв)

А.Б. Можаяев. Верноподданные России (Собрание работ о людях, внесших значимый вклад в отечественную историю, культуру, науку)

Е.В. Семенова. Честь – никому! (Исторический роман о Белом Движении в 3-х томах)

С. Н. Новохатский. Приговор либерализму
Е.В. Семенова. Хроники Великого Провала (2008-2010гг.)

В.С. Михановский. Сибирские этюды
И.Н. Михеев. Пути Русские. Книга I. В поисках русской идеи

И.Н. Михеев. Пути Русские. Книга II. Россия: между Сциллой и Харибдой

А.Б. Можаяев. Поперек времени

А.Б. Можаяев. Глаголы прошедшего времени

И.Н. Михеев. Антисистемы и Этнохимеры.

Что стоит за гибелью народов и государств?

Журнал «Голос Эпохи» №1 (2010г.)

Журнал «Голос Эпохи» №2 (2010г.)

Журнал «Голос Эпохи» №1 (2011г.)

Журнал «Голос Эпохи» №2 (2011г.)

Журнал «Голос Эпохи» №3 (2011г.)

Старомосковский детектив

Е.В. Семенова. Велики амбиции, да мала амуниция
Е.В. Семенова. Если халву, да горько во рту
Е.В. Семенова. Собирали золото, да черепками богаты

Миссия России

В.В. Аксючиц. Русский Характер
В.В. Аксючиц. В тисках идеала и реальности. Коллизии Русской истории
В.В. Аксючиц. Идеократия в России

Внесерийные издания

А.Н. Савельев. Русофобия в России. Аналитический доклад 2006-2009 гг.
А.Н. Савельев. Осколки эпохи Путина. Бюрократия против нации
А.Н. Савельев. Осколки эпохи Путина. Досье на режим
А.Н. Савельев. Русофобия в России. Аналитический доклад 2010 г.
В.А. Башлачев. Русское крестьянство в зеркале демографии
Е.П. Чудинова. Бремя белых
А.Н. Савельев. Опыты русского сопротивления
А.Н. Савельев, С.П. Пыхтин, В.И. Меркулов, М.В. Кабанова, Э.М. Ковригин. Возвращение русской истории
А.Н. Савельев. Сможет ли Конгресс Русских Общин русифицировать Россию.

Готовятся к изданию

Е.П. Чудинова. Декабрь без Рождества (исторический роман о восстании декабристов)
В.В. Аксючиц. От великих потрясений к Великой России
Ф. Дашлай. Лики Кавказа (история Кавказа в портретах его главных деятелей)
Е.В. Семёнова. Лики Дома Романовых
Н.А. Толстикова. Пожинатели плодов (избранная проза)
А.Н. Башкиров. Непобеждённая любовь. Николай Рубцов
Ю.И. Фадеев, В.Н. Стариков. Русские на Востоке и в постсоветской России

Книги можно приобрести на

портале журнала

«Голос Эпохи» www.golos-epochi.ru

тел.: +7(910) 412-71-64, +7(909) 626-81-86

Информационные ресурсы

*Общероссийское общественное объединение
«Родина-Конгресс русских общин»*

<http://www.rodina.ru/> - официальная страница

<http://www.facebook.com/Rodina.KRO> - страница
в сети «Фэйсбук»

<http://www.facebook.com/dmitry.rogozin> - личная
страница Дмитрия Рогозина

[http://www.facebook.com/groups/Rodina.KRO.
Moskva/](http://www.facebook.com/groups/Rodina.KRO.Moskva/) - московское региональное отделение
Р-КРО (адрес: Москва, Лялин пер., д.21, стр.2,
тел.:8-495-916-28-82)

<http://www.facebook.com/sergey.sinyaev> -
страница председателя моск. отделения Р-КРО
Сергея Синяева

Политическая партия «Великая Россия»

<http://vr-party.org/> - официальная страница
партии

<http://www.facebook.com/velikoross> - страница
партии в сети «Фэйсбук»

<http://vkontakte.ru/club86502> - страница партии
в сети «В Контакте»

<http://savelev.ru/> - личная страница Андрея
Савельева

<http://www.facebook.com/ANSaveliev> - страница
Андрея Савельева в сети «Фэйсбук»

<http://www.youtube.com/user/savliy> -
видеоархив Андрея Савельева

<http://savliy.livejournal.com/> - страница Андрея
Савельева в «Живом Журнале»

<http://vkontakte.ru/id21503935?26857> –
страница Андрея Савельева «В Контакте»

Другие ресурсы:

<http://www.facebook.com/groups/Pihtin/> -
мемориальная страница Сергея Пыхтина

<http://www.zlev.ru/> - архив журнала «Золотой
лев»

<http://www.facebook.com/ViborRF> - страница
«Противодействие фальсификации политической
и избирательной системы в РФ»

<http://zasobor.org/> - Народное Собрание России

Сергей Пыхтин

Век революций. Судьба и путь России

Печатается в авторской редакции

Дизайн обложки Е.В. Семенова
Печать ИП Бурина А.В. («Традиция»), Москва
www.traditciya.ru
E-mail: orders@traditciya.ru

Подписано в печать 24.10.2011 г. ,
Формат 84x108/32,
Усл. п. л. 12,5, тираж 1000 экз.,
завод №1 500 экз.

ISBN 978-5-905074-49-3